

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
ВЕДЕНИЕ

2009

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2009

МАЙ

ИЮНЬ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Содержание

СТАТЬИ

<i>Марков Г.</i> (София). Возникновение независимого Царства Болгария в ходе балканского кризиса 1908–1909 годов	3
<i>Борисенок Е.Ю.</i> (Москва). Общественно-политические преобразования на Западной Украине. 1939–1941 годы	15
<i>Орехов А.М.</i> (Москва). Польское направление международной политики СССР в 1956 году	27
<i>Рожкова Е.Ю.</i> (Москва). Словацкая и венгерская драма XIX века в аспекте словацко-венгерских литературных отношений	43

СООБЩЕНИЯ

<i>Носкова А.Ф.</i> (Москва). К истории Варшавского восстания 1944 года	54
<i>Подборская А.Л.</i> (Москва). Трудное возвращение на родину: судьбы польских граждан в Красном крае (1940–1946 годы)	64

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Аникеев А.С.</i> Власть–общество–реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века	76
<i>Мурашко Г.П.</i> J. Pešek a kol. Kapitolyami najnovších slovenských dejín. K 70 narodeninám Michala Barnovského	79
<i>Задорожник Э.Г.</i> Charta 77: Dokumenty 1977–1989	82
<i>Стыкалин А.С.</i> А.И. Пушкаш. Цивилизация или варварство: Закарпатье. 1918–1945 ...	87
<i>Баянова А.А.</i> D. Hodrová. Citlivé mesto. (Eseje z tutorietiky)	90
<i>Галкина Е.С.</i> А.В. Репников. Консервативные концепции переустройства России	93
<i>Ямбаев М.Л.</i> Алманах на българските национални движения след 1878 г.	96
<i>Проскурнина М.</i> А.Г. Шешкен. Македонская литература XX века: Генезис. Этапы развития. Национальное своеобразие	99

<i>Вольнова А.Ю.</i> Н.В. Шведова. Философские мотивы в словацкой поэзии (конец XIX – первая половина XX века)	102
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Волубуев В.В.</i> Международная конференция «Революционная Россия 1917 г. и польский вопрос. Новые источники, новые взгляды»	106
<i>Проскурнина М.Б.</i> Россия и русская литература в современном духовном контексте стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Материалы «круглого стола»	108
<i>Шведова Н.В.</i> Славистика в зарубежных славянских странах: современное состояние. Материалы «круглого стола»	112
<i>Созина Ю.А.</i> 6-й Международный компаративистский коллоквиум «Автор: кто или что пишет литературу?»	119

ЮБИЛЕИ

К юбилею Юрия Павловича Гусева	123
К юбилею Михаила Андреевича Робинсона	124

НЕКРОЛОГИ

Памяти Андрея Ивановича Пушкиша (1923–2008)	125
---	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК,
Г.Ф. МАТВЕЕВ, В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ,
В.Я. ПЕТРУХИН, Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ,
В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20
 E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2009 г.
 © Редколлегия журнала “Славяноведение”
 (составитель), 2009 г.

© 2009 г. Г. МАРКОВ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НЕЗАВИСИМОГО ЦАРСТВА БОЛГАРИЯ В ХОДЕ БАЛКАНСКОГО КРИЗИСА 1908–1909 годов

После русско-турецкой освободительной войны 1877–1878 гг. договором Берлинского конгресса европейских держав от 1 июля 1878 г. новое болгарское государство было признано «автономным и подвластным княжеством под верховенством Его Величества Султана» [1. С. 111]. Но формулировка ст. 1 Берлинского договора поддавалась двоякому толкованию. С точки зрения Высокой Порты, «княжество является вассалом Империи», однако без каких-либо отношений «между правительствами сюзерена и вассала», так как «оба правительства считаются одним и тем же»: «Болгарское правительство не может отделяться от сюзеренного по отношению к нему оттоманского правительства» [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 20. Л. 16]. Княжество Болгария сравнивалось с Египтом, которым «номинально» управлял хедиф как частью Османской империи [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 20. Л. 14]. Следовательно, Высокая Порта, опираясь на решение великих держав, ультимативно заявленное на Берлинском конгрессе, не признавала княжество самостоятельным государством.

Болгары же при интерпретации ст. 1 Берлинского договора исходили из «фактически сложившегося положения» княжества в Европе как «действительно самостоятельного государства, свободного в своих действиях». Оно заключало договоры и конвенции, чеканило монеты и выпускало ордена, которыми, в частности, наградило султана Абдул-Хамида II и его высших сановников. Болгарские делегации участвовали в международных конгрессах и конференциях [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 20. Л. 34]. Свободная Болгария стала пристанищем для болгар, бежавших с территорий, не вошедших в 1878 г. в состав княжества, в ее Конституции было записано (ст. 61): «Любой раб, независимо от пола, веры и народности, становится свободным, ступив на болгарскую территорию» [3. С. 30]. Османская империя упорно сопротивлялась независимым шагам княжества, его участию в международной политической жизни.

Между тем нарастали волнения болгар в Македонии и Одринской Фракии, оставшихся по решению Берлинского конгресса в составе Османской империи. В 1903 г. здесь вспыхнуло крупное Ильинденско-Преображенское восстание, что привело к интернационализации македонского вопроса. Дипломатией России и Австро-Венгрии был предложен проект реформ (Мюрцштегские реформы), который имел целью облегчить положение местного населения, для

чего турецкие власти при помощи европейских уполномоченных должны были произвести реорганизацию административной сферы. Кое-что в этом отношении было сделано, но, попав в «заколдованный круг» интересов разных стран, «во имя мира в Европе» реформы не были осуществлены в полном объеме. «Европейский концерт» не сумел добиться ни «сохранения суверенных прав султана на Македонию», ни «умиротворения» исстрадавшейся области. Примененное Россией и Австро-Венгрией, более всего вовлеченными в процесс, «лекарство» явилось слишком слабым для «лечения общественного зла». Нужна была замена его более сильным средством [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 24. Л. 15]. В конце 1907 г. великие державы потребовали, чтобы Высокая Порта еще на семь лет продлила полномочия иностранных инспекторов, агентов и офицеров для проведения финансовой и судебной реформ в Македонии.

Усиление германского влияния на Ближнем Востоке в связи со строительством Багдадской железной дороги и австро-венгерский проект создания сети железных дорог от Сараево через Скопье к Солуни на Эгейском море были расценены странами Антанты как «натиск на юг». 30 января 1908 г. британский министр иностранных дел сэр Эдуард Грэй огласил свой проект реформ в Македонии [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 27. Л. 108–109]. Он исходил из посыла: если Австро-Венгрия не считается с интересами России на Балканах, значит, и Германия готова ущемить британские интересы на Ближнем Востоке.

Соперничество между Великобританией и Германией приобретало геополитическое измерение: строительство железнодорожной линии, связывающей через Балканы Среднюю Европу со Средиземным морем, затрагивало британские интересы в Египте и Индии, а Македония в этих условиях приобретала важное стратегическое значение.

Проект Грэя, превращавший двусторонний русско-австрийский мандат в многосторонний – с участием всех держав – и повышавший степень их вмешательства в ситуацию в Македонии, центральные государства отвергли. 27 и 28 мая 1908 г. в Ревеле (Таллин) состоялась встреча короля Эдуарда VII и императора Николая II, посвященная македонскому вопросу. 26 июня на одобрение великих держав в качестве «основы» коллективной ноты Абдул-Хамиду II был представлен англо-русский проект, исходивший из соотношения сил в «Европейском концерте» [4. С. 131–139].

Сохранение балканского status quo зависело от степени готовности великих держав нарушить его в подходящее для этого время. В начале 1908 г. военная верхушка Австро-Венгрии во главе с престолонаследником эрцгерцогом Францем Фердинандом пришла к выводу, что при мощной поддержке союзной Германии она может позволить себе произвести территориальные изменения к югу от Дуная: риск столкновения с Россией казался не столь большим из-за ее чрезвычайного ослабления вследствие поражения на Дальнем Востоке. В свою очередь Великобритания, стремясь обуздать и сократить германское влияние в районе Золотого рога, потребовала радикальных реформ в Македонии. Италию также не устраивало расширение австро-германского влияния на европейском юго-востоке. Франция же поддерживала свою союзницу Россию. «Европейский концерт» не был един, и никак не получалось «стройно проиграть» общий марш на Восток. Абдул-Хамид II хорошо понимал, что при непримиримых противоречиях между европейскими державами его трон непоколебим.

Но удар пришел «изнутри», из Македонии, где реформы утонули в безысходности. В разгар знойного лета 1908 г., когда взоры политиков и дипломатов были направлены на Лондон и Петербург в ожидании (под знаком высочайшей встречи в Ревеле) новых решительных реформ, вспыхнула младотурецкая революция: восстали размещенные в Македонии турецкие воинские части. Младотурецкий комитет сам занялся реформированием раздираемого глубокими противоречиями огромного государства, чтобы предупредить отделение Македонии под внешнеполитическим нажимом Антанты. 11 июля 1908 г. султан был вынужден восстановить Конституцию Мидхад паши 1876 г., согласно которой все его подданные объявлялись «османами», имеющими равные права и обязанности. Болгарские четы спустились с гор, с радостью встреченные восторженным народом [5. С. 13].

Министр иностранных дел Болгарии ген. С. Паприков держал руку «на пульсе событий»: «Этим актом положение, а главным образом македонский вопрос, вступает в совершенно новую фазу. Турция использует ситуацию, чтобы сделать проекты реформ беспредметными». Бунт младотурок был нацелен на то, чтобы положить конец попыткам реформ со стороны великих держав в этой измученной области – после государственного переворота и восстановления конституции они уже не выглядели необходимыми. Министр, однако, тогда не обнаружил оснований для изменения внешнеполитического курса. 15 июля он заявил: «Состояние духа в Цариграде сильно возбужденное. Могут произойти большие неожиданности. В настоящий момент следует внимательно наблюдать, пока развитие событий не предложит иного. В настоящий момент требуется большая ответственность, внимание и спокойствие. В Македонии все тихо и мирно» [5. С. 14].

Князь Фердинанд наслаждался музыкой Вагнера в Байройте и не видел причины прерывать отпуск: «Ввиду событий в Турции, – написал он в Софию, – убедительно прошу правительство сохранять полное хладнокровие и не вовлекаться в действия, которые подвергли бы страну опасности» [5. С. 15]. Единодушие монарха и правительства, предпочитавших выжидать в условиях быстро развивавшихся событий, было полным.

Оценивая смену власти в Турции, дипломатический агент Иван Ст. Гешов в частном письме к Паприкову от 19 июля 1908 г. первым отметил «негативную сторону» происходящего: «Этот переворот не соответствует интересам Болгарии как государства, ибо ясно, что он отдаляет на еще большее время решение македонского вопроса, как мы его понимаем и как он вырисовывается в наших мечтах». Конституционный режим может принести болгарам «не только безопасность жизни, имущества и чести, но также такую свободу и равноправие, о каких в Турции едва ли можно мечтать!». Но при этом, однако, борьба за национальное освобождение откладывается до тех пор, «пока новые времена и благоприятные обстоятельства не предоставят нам возможности проявить еще большую энергию для завоевания единства Отечества – идеала каждого болгарина». И далее: «Мое заключение таково: в конечном итоге – как государство мы теряем от младотурецкой революции, так как она отодвигает решение македонского вопроса, и наша позиция в этом вопросе значительно ослаблена» [6. Л. 62–64].

Опытный дипломат пришел к мысли о необходимости поставить вопрос о компенсации Болгарии за наносимый ей ущерб: «Теряя нечто важное из-за младотурецкого переворота, мы должны добиться определенного возмеще-

ния. В настоящее время им не может быть ничто иное, кроме полной независимости Болгарии. Соображения и причины, мешавшие этому до сих пор, перестали существовать [...] Почему не использовать сложившиеся обстоятельства и одним махом не порвать раз и навсегда связи с Турцией, провозгласив Болгарию независимым государством? При отсутствии других выгод, мне кажется, провозглашение Царства принесет значительную пользу Болгарии и ее господарю, тем более, что едва ли встретит сопротивление и препятствия с какой-либо стороны» [6. Л. 65–70]. Однако последнее предположение оказалось неверным: младотурецкая революция затронула интересы и великих держав, поколебав соотношение сил.

Ген. Паприков не воспринял идею «большого оптимиста» Гешова об использовании ситуации для провозглашения независимости Болгарии и 25 июля в докладе монарху выразил противоположное мнение: «Я же считаю, что такой шаг сейчас очень рискован и очень опасен. Мы стали бы громоотводом. Несколько позже это станет более очевидно, более легко и безопасно». Терпение и благоразумие требовали подождать, пока непредвиденное развитие событий не позволит вмешаться: «Наблюдаем и спокойно ждем [...] Сейчас любой шум вреден» [5. С. 22]. Но уже в следующем докладе князю, 6 августа, в связи с новыми обстоятельствами ген. Паприков изменил мнение: «Нашей ближайшей целью должна быть независимость Болгарии и защита некоторых особых прав в управлении Македонией, например, в связи с автономией общин, автономией учебного дела и пр.»; «усложнение проблемы» может заставить княжество решительно вмешаться «в окончательное решение македонского вопроса, который все равно существует и будет существовать в еще более острой форме, если Турция и в действительности станет конституционным государством» [5. С. 25].

18 августа министр иностранных дел уже убежденно утверждал, что ожидание не может быть бесконечным, потому что «события могут пройти мимо Болгарии, так что она не сможет их использовать, и все это – под предлогом, что более удобные и благоприятные обстоятельства еще когда-нибудь наступят». Настаивая на необходимости определить позицию болгарского правительства, добавлял: «Предаваться абсолютной пассивности и терпеливому ожиданию невозможно. Минимум того, что мы должны сделать, это использовать нынешние события и добиться нашей независимости» [5. С. 25]. Он добился своего. Цель была ясно поставлена, оставалось выбрать наиболее подходящий момент и лучшие средства для ее скорейшего достижения.

Приняв решение о провозглашении независимости, правительство должно было убедить князя в «повелительной необходимости» разорвать вассальные отношения с Турцией. Фердинанд опасался гнева великих держав, особенно Великобритании, которая возлагала большие надежды на новое правительство во главе с Кямил пашой, имея в виду ослабление германского влияния на Босфоре, но 25 августа в имении «Пусто Поле» князь Фердинанд пожал руку своему премьер-министру А. Малинову: «Наконец – кто не рискует, тот не выигрывает» [7. С. 43–44].

Музыканты «Европейского концерта» уже не играли слаженно, по крайней мере, в том, что касалось темы «нерушимость Берлинского договора». Еще 6 августа венское правительство приняло решение о присоединении Боснии и Герцеговины, вывело свои войска из Новопазарского санджака, чтобы не подпитывать страхов других великих держав и балканских стран относительно

намерений Австро-Венгрии продвинуться на юг к Солуни. 14 августа в Петербург была отправлена подробная памятная записка по этому конфликтному вопросу [2. Ф. Зк. Оп. 18. К. 23. П. 7].

Болгарские политики и дипломаты, проявив интуицию, посчитали момент подходящим для использования начавшегося балканского кризиса: Османская империя, разваливавшаяся под ударами младотурецкой революции, была не в состоянии защитить свои права сюзерена; Габсбургская монархия лихорадочно готовилась к присоединению Боснии и Герцеговины. Другие великие державы были заняты собственными амбициозными планами. Риски провозглашения независимости Болгарии были хорошо просчитаны князем и правительством Демократической партии, насколько в условиях кризиса вообще можно что-либо предусмотреть.

Но для реализации обоснованного дела на помощь часто приходит случай. Младотурецкий комитет сам преподнес Болгарии долгожданный подарок: Гешов не был приглашен на торжественный прием 30 августа 1908 г. по случаю дня рождения Абдул-Хамида II – так новое младотурецкое правительство ставило его на место – место «дипломатического агента княжества Болгария, находящегося под османским сюзеренитетом, не равного представителям независимых государств» [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 20. Л. 40]. Гешов был отозван из турецкой столицы, а правительство решило использовать дипломатический прецедент как благоприятный повод для провозглашения независимости Болгарии. Надежда на поддержку этого акта со стороны Австро-Венгрии, однако, оказалась под вопросом в связи с другим важным событием.

5 сентября 1908 г. началась забастовка турецкого персонала на железных дорогах Восточной компании, движение поездов остановилось. Четыре дня спустя болгарское правительство, захватив иностранные железные дороги, проходящие по болгарской территории, открыло по ним движение. 10 сентября князь Фердинанд встретился в Будапеште с императором Францем Иосифом и министром иностранных дел Австро-Венгрии бароном Алоисом Эренталем. В ходе осторожного зондирования почвы Фердинанд получил заверение, что провозглашение Болгарии независимым царством не противоречит балканской политике Австро-Венгрии, нацеленной на присоединение Боснии и Герцеговины. Вопросом оставалось только время: объявить независимость Болгарии до, во время или после аннексии. Вместе с тем Эренталь потребовал от князя распорядиться о немедленном возвращении только что захваченных линий Восточных железных дорог [2. Ф. Зк. Оп. 18. К. 23. П. 7].

В Вене 14–15 сентября Фердинанд не сумел убедить Малинова и министра торговли и сельского хозяйства А. Ляпчава в необходимости возвращения иностранной собственности, и это поколебало его решение провозгласить независимость Болгарии. Тем временем российский министр иностранных дел А. Извольский 18 сентября от имени Николая II предложил отложить провозглашение акта о независимости на 19 февраля 1909 г., дабы оно не совпало по времени с предстоящей аннексией Боснии и Герцеговины [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 18. Л. 232–233]. Однако правительство Демократической партии не пошло на изменение принятого решения и настояло на возвращении монарха в Болгарию «как можно скорее, чтобы совершить акт в воскресенье, 21 сентября» в Велико Тырново [8. С. 85–87]. Из-за сомнений князя историческое событие было отложено на один день, что, впрочем, уже не имело значения.

Сложившиеся ранней осенью 1908 г. международные обстоятельства были сколь благоприятны для провозглашения вассального княжества Болгария независимым царством, столь и опасны из-за их непредсказуемой стремительности. Нотифицированием 20 сентября 1908 г. аннексии Боснии и Герцеговины Дунайская монархия первой нарушила Берлинский договор и спровоцировала новый виток балканского кризиса. Поспешность с провозглашением независимости придавала большую самостоятельность действиям Болгарии, так как более позднее осуществление этого акта могло бы интерпретироваться как следование за «плохим примером». Но степень ответственности великой державы и малого государства за нарушение условий Берлинского трактата различна.

Вопрос о независимости был настолько назревшим, что решение его стало неизбежным. Болгария не могла больше мириться с национальной обидой, оставаясь единственным вассальным государством на Балканах. Экономический ущерб сочетался с моральным: на приемах болгарские дипломаты по протоколу представлялись не по алфавиту, а только в «конце очереди». Всесторонний и стремительный подъем Болгарии давно превзошел отведенный ей Берлинским договором международный статус. Но приобретенная во многих отношениях фактическая независимость не была узаконена юридически, что могло произойти либо благодаря единогласно принятому решению «Европейского концерта» [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 6. Л. 77–79] (а это было в данный момент невозможно), либо благодаря умелым маневрам болгарской внешней политики.

22 сентября 1908 г. в древнем Велико Тырново Фердинанд I прочел в храме Сорока святых мучеников, построенном средневековым царем Иваном Асенем II в честь важной военной победы, Манифест к болгарскому народу, а затем премьер-министр Малинов торжественно объявил перед тысячным собранием народа в старопрестольной крепости Царевец: «Да здравствует свободная и независимая Болгария!» Вслед за тем царь, не медля, обратился к ставшему бывшим сюзерену Абдул-Хамиду II, заявляя, что с провозглашением независимости «выяснятся и улучшатся отношения» Болгарии с Империей, что должно было свидетельствовать о его «добрососедских и дружеских» намерениях [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 19. Л. 21]. В свою очередь ген. Паприков выразил надежду правительства, что великие державы одобряют объявленный акт и «насколько возможно быстро» признают царство во имя мира на Балканах [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 19. Л. 22].

Но добиться признания независимости оказалось труднее, чем ее провозгласить. Извольский заподозрил Болгарию в сговоре с Австро-Венгрией, а Эренталь продолжал клеймить ее «за грабеж» Восточных железных дорог, видя в этом препятствие «для дружеского расположения к ней» [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 18. Л. 33]. Правительство Германии также отказалось рассматривать вопрос о признании независимости, пока не будет урегулирован вопрос о Восточных железных дорогах путем соглашения с Высокой Портой. Не одобрил действий Болгарии и сэр Эдуард Грэй, считавший провозглашение независимости, как и аннексию Боснии и Герцеговины, «согласованными ударами» по правительству Кямила паши. В Париже не сомневались, что Болгария «действовала тайно» вместе с Дунайской монархией, а в Риме вопрос о признании нового статуса Болгарии адресовали к Европейской конференции, предложенной Россией [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 18. Л. 32–34].

Напрасно ген. Паприков уверял, что «провозглашение независимости не связано с аннексией Боснии и Герцеговины». Посланные на Босфор 6 октября для встречи с османскими властями главный секретарь МИДа Петр Димитров и главный директор почтово-телеграфной связи Иван Стоянович провели трудные переговоры с Кямил пашой, который потребовал выплаты налога за княжество и бывшую область Восточная Румелия. Кроме того, за признание независимости княжества (но не Восточной Румелии!) на Болгарию перекладывалась часть оттоманского долга. Вопрос о возмещении за захват Восточных железных дорог должен был решаться отдельно [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 5. Л. 129]. Болгарское правительство категорически отвергло всякие переговоры о судьбе Восточной Румелии, объединенной в 1885 г. с Болгарией.

14 октября 1908 г. державы Антанты рекомендовали правительству Малинова «вступить как можно скорее в переговоры с Османской империей и урегулировать непосредственно с нею вопрос о признании независимости» [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 18. Л. 52]. Ляпчев, уполномоченный вести переговоры «по висящим вопросам», прибыл 19 октября в турецкую столицу, но «упорный торг» не привел к успеху. Болгарская сторона признавала необходимость возместить бывшему сюзерену наносимый ущерб, но не в качестве выкупа за независимость. После месячных напряженных переговоров Ляпчев предложил в виде общей суммы 82 млн золотых левов или франков (40 млн как обеспечение румелийского налога и 42 млн за Восточные железные дороги) и «ни копейки больше» [9. С. 209–214]. Первые же шаги провозглашенного Царства Болгария должны были показать миру, что не существует слишком высокой цены за независимость, которая может быть оплачена кровью, но не золотыми монетами.

Хотя с каждым днем созыв Европейской конференции становился все более необходимым для урегулирования противоречий между великими державами, именно из-за невозможности прийти к соглашению она откладывалась на неизвестное время. «Выяснение положения» означало бы смягчение балканского кризиса. При этом признание независимости Болгарии выглядело более перспективным, чем признание аннексии Боснии и Герцеговины или статуса Крита, ибо в первом случае речь шла о деньгах, а не о территории. Но конференция откладывалась, следовательно, соглашение с бывшим сюзереном представлялось единственно возможным выходом из положения, и это обстоятельство Высокая Порты стремилась использовать в своих интересах.

Парижские банкиры утверждали, что Болгария в состоянии заплатить до 140 млн франков, но Высокая Порты настаивала на 150 млн. Великие державы подталкивали болгарское правительство «быть более щедрым» [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 6. Л. 250, 257]. Задетое честолюбие младотурок не позволяло им отступить от завышенных требований к самопровозглашенному независимому болгарскому государству, а достоинство болгарского народа не допускало выкупа «велико-тырновского акта». Финансовый вопрос выглядел неразрешимым. Да и вообще, как можно купить нечто, что не предлагается к продаже? Болгарское правительство держалось как правительство независимого государства, в то время как партнер все еще считал его вассальным и относился к нему как к недавнему вилайету.

Пик напряженности между Болгарией и Османской империей был достигнут 29 декабря 1908 г., когда Кямил паша согласился на снижение суммы до 125 млн франков, но на условиях ректификации общей государственной гра-

ницы по формуле «деньги плюс земля» [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 18. Л. 118]. Малинов резко отверг предложение и вообще отказался обсуждать возможность уступки территории в Родопах. 12 января 1909 г. был отдан приказ о частичной мобилизации, а 8-я Тунджанская дивизия прикрыла юго-восточную границу царства [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 18. Л. 130–131]. Ген. Паприков нотой от 15 января предупредил великие державы, что если Высокая Порта не согласится на признание независимости Болгарии «в самое непродолжительное время», то правительство найдет «другие средства для обеспечения национальных интересов». Еще более откровенным он был в циркуляре дипломатическим представителям за границей: «Увеличение суммы свыше 82 млн неминуемо привело бы к общей мобилизации и войне с Турцией» [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 18. Л. 140].

Разница между суммой покрытия ущерба Высокой Порты и суммой выкупа ее согласия на признание независимости Болгарии выражалась не только в количестве золота. Болгарское правительство, не располагая «лишними» финансами и не получая «дешевых» денег от парижских банков, могло бы позволить себе заплатить больше, если бы считало требование увеличения суммы справедливым. Подчеркнуто уважительное отношение к «достоинству народа» было не простым «надуванием щек», а искренним проявлением чувства национальной чести. В Османской империи ценили богатство и силу и пренебрегали правом малых народов на самоуважение и гордость: недавняя рая не должна была и думать о дерзком разрыве вассальных связей, освященных европейским международным договором.

Сразу после провозглашения независимости болгарское правительство не мобилизовывало армию, и было ошибочно понято, будто оно блефует. Когда же усиленная 8-я Тунджанская дивизия встала на защиту государственной границы, обороняясь от требуемой «территориальной поправки», в столицах великих держав ощутили «запах пороха» из «европейского погреба» и узрели опасность возникновения преждевременного повода для «большой войны». Недаром Балканский полуостров с дрожью в голосе называли «Вулканика». Но к «большой войне» великие державы, постепенно свыкаясь с почти фатальным предчувствием ее неизбежности, еще не были готовы, чем и объяснялось их тогдашнее миролюбие.

Болгария оказалась у истоков балканского кризиса «рядом» с Австро-Венгрией, но та вскоре отказалась ее поддерживать из-за захвата Восточных железных дорог. При столь непредвиденных осложнениях Болгарии оставалось надеяться только на помощь России, которая после поражения в русско-японской войне активизировала внешнеполитическую деятельность на Балканах. Ее внимание сосредоточилось на противоборстве с Австро-Венгрией, нарушившей территориальный *status quo* заявкой на дальнейшее расширение на юг, к Эгейскому морю. Вопрос о независимости Болгарии являлся частью балканского кризиса, и было бы трудно добиться его решения отдельно от остальных составляющих международной напряженности. Но Вена уже решила свой спор с Высокой Портой.

17 января 1909 г. российское правительство выступило со своим планом: Россия отказывается от взыскания с Турции задолженности по контрибуции по итогам русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в размере 125 млн франков, и таким образом устанавливается взаиморасчет с Османской империей, а Болгарии готова предоставить заем на выгодных условиях на сумму 82 млн франков для последующего возмещения России ее финансовых потерь. Тройная фи-

нансовая комбинация означала возвращение России на Балканы и восстановление здесь равновесия сил, нарушенного центральными государствами, что отвечало болгарским интересам. Правительство Демократической партии приняло предложение и распорядилось о демобилизации 8-й Тунджанской дивизии, выражая готовность продолжить переговоры через посредничество России [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 18. Л. 147–150].

8 февраля 1909 г. Фердинанд I с царскими почестями был принят в Санкт-Петербурге, где участвовал в похоронах великого князя Владимира Александровича. В Вене же 17 февраля Эренталь отказался принять болгарского царя, не желая произносить в его адрес слова «Ваше величество» [5. С. 96–98, 100–106]. Внимание болгарской дипломатии было направлено к русской столице, где 3 марта переговоры Извольского и Рифаат паши завершились подписанием протокола, согласно которому, российское правительство уплачивало вместо Болгарии требуемые Портой 125 млн золотых франков в ответ на обещание турецкой стороны «не противиться признанию независимости», как только будут урегулированы «спорные вопросы» с царством [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 18. Л. 157–163].

14 марта уполномоченные болгарским правительством Паприков и Салабашев отправились в Санкт-Петербург с целью получить 82-миллионный заем, а двумя днями позже Ляпчев вернулся в турецкую столицу для переговоров по «висящим вопросам» [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 10. Л. 11, 22–23]. Великие державы опасались обострения балканского кризиса, что могло бы привести к нежелательному поводу для «большой войны». Младотурецкие власти испытывали крайнюю потребность «во времени и деньгах», чтобы не допустить возвращения деспотизма Абдул-Хамида II. Сербия и Греция были вынуждены временно «свернуть свои знамена» и ждать более благоприятных условий для территориального расширения. В таких обстоятельствах независимость Болгарии стала выглядеть приемлемой, хотя и за достаточно высокую цену.

Российское правительство растянуло погашение кредита на 75 лет под 4.75% годовых. Оно согласилось на признание независимости Болгарии не на европейской конференции, а путем обмена нотами, как это было сделано в отношении австро-венгерской аннексии. Прогресс в ходе переговоров в Петербурге оказал влияние и на преодоление ряда трудностей в столице Турции. Ляпчев не принял арбитража по спорным вопросам [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 10. Л. 89–90].

Вспыхнувший 31 марта 1909 г. «старотурецкий» мятеж внес дополнительную напряженность в уже продвинувшиеся переговоры. Малинов снова угрожал прервать их и объявить «общую мобилизацию, сопровождаемую ультиматумом». Терпение было на исходе. Ген. Паприков подтвердил 3 апреля, что при отказе Антанты признать ее независимость, Болгария мобилизует армию, «даст Турции 24 часа срока и сразу начнет войну [...] в Македонии произойдет восстание» [5. С. 112–113]. Извольский немедленно обратился к союзникам с призывом усилить давление на Порту.

6 апреля 1909 г. Ляпчев и Рифаат паша в присутствии посланников стран Антанты подписали протокол, согласно которому «императорское оттоманское правительство признает новое политическое положение Болгарии». В тот же день в Петербурге Извольский, Паприков и Салабашев подписали протокол о займе на сумму 82 млн золотых франков «без специальной гарантии». На следующий день – 7 апреля, также в городе на Неве был подписан и окон-

чательный протокол между Россией и Османской империей, по которому тройная финансовая комбинация вступила в силу [2. Ф. 176. Оп. 2 А.е. 15. Л. 134–139; А.е. 18. Л. 197]. Российское правительство освободилось от нерегулярного поступления выплат по военной контрибуции, Высокая Порта развязала себе руки, чтобы найти столь необходимые ей «свежие деньги» в парижских банках.

Уже 7 апреля Николай II первым признал суверенное Царство Болгария. Его примеру последовали главы пяти других европейских великих держав, соседи и остальные европейские государства [5. С. 120–121]. Ляпчев продолжал переговоры о возмещении убытков акционерному обществу «Восточные железные дороги», о выкупе учреждений телеграфо-почтовой связи, маяков и санитарной службы в Южной Болгарии. Протокол с Обществом был подписан 13 июня 1909 г. в Софии, в конце июля было получено освобождение от обязательств [2. Ф. 176. Оп. 2. А.е. 15. Л. 140–143]. В итоге дело признания независимости Болгарии увенчалось полным успехом.

Тридцать лет спустя после решений Берлинского конгресса Болгария в международно-правовом отношении вступила в сообщество независимых государств и смогла целенаправленнее развернуть свою внешнеполитическую деятельность. С экономической и политической точек зрения приобретение независимости также имело значительные долговременные последствия. Болгария вышла из-под «плотной тени» распадающейся Османской империи, крушение которой угрожало похоронить ее под развалинами векового наследства.

Приобретение независимости открыло возможности для отказа от режима капитуляций, тормозившего экономическое развитие страны и нарушавшего государственный суверенитет, но три года потребовалось на заключение консульских конвенций, конвенций об экстрадиции и о взаимной судебной помощи. Подданные европейских государств были лишены привилегий на болгарской территории, что способствовало распространению уважительной конкуренции. Выкуп Восточных железных дорог укрепил хозяйственную самостоятельность Болгарии, иностранные общества отныне действовали в русле болгарских законов.

Прекращение выплаты румелийского налога, разумное использование линии бывших Восточных железных дорог, телеграфо-почтовой связи и маяков – все это принесло значительные доходы в пользу болгарского государства. Усиленный таможенный и налоговый протекционизм содействовал защите и развитию местного производства. Постепенно свободная торговля пришла к точке равновесия: бесконтрольный импорт при низких пошлинах был ликвидирован, благодаря чему болгарская промышленность получила дополнительные возможности. Внешняя торговля переориентировалась с рынков Османской империи на рынки Средней Европы, для чего заключались новые торговые договоры.

Провозглашение независимости окончательно решило вопрос о Соединении 1885 г.: Северная и Южная Болгария были признаны всеми странами единым суверенным государством. Таким образом, были перечеркнуты надежды Высокой Порты на возвращение себе бывшей провинции, где болгарский князь был лишь управителем. Теперь «царь болгар», как стал именоваться Фердинанд, уже поглядывал на Македонию и Одринскую Фракию, имея в виду следующий этап решения болгарского национального вопроса. Его правомо-

чия были расширены в 1911 г. путем изменения Тырновской конституции, и их нужно было мудро использовать. Но это – уже другая тема.

Повышение ранга дипломатических миссий от агентств до посольств вывело болгарских представителей из унижительного конца очереди, – в дипломатическом корпусе они заняли полагающееся им по достоинству место. Дипломатические клубы также открыли двери для болгарских представителей, которые использовали эту возможность, чтобы черпать сведения непосредственно «из источника». Болгарское государство уже само могло заключать союзные договоры в соответствии со своими национальными интересами. Три года спустя оно создало Балканский союз для войны против Османской империи. В повестку дня был поставлен вопрос о завершении национального объединения.

В 1908–1909 гг. болгарская дипломатия блестяще справилась с задачей, сумев обойти подводные камни балканского кризиса, к ее советам прислушались руководители внешней политики. Начав кризис при поддержке Австро-Венгрии, Болгария благополучно вышла из него благодаря России. Османская империя, терявшая силу, вынуждена была склонить голову перед бывшим вассалом. Сербия была занята «оторванными» Боснией и Герцеговиной, Греция – Критом. Румыния ориентировалась на Россию, а Черногория боролась за то, чтобы стать королевством. Болгарская дипломатия наилучшим образом использовала сложившиеся благоприятные условия, действуя так, чтобы недовольство провозглашением ее независимости было меньше, чем недовольство политикой других государств.

Признание независимости имело большое значение и для психологического состояния народа: была разорвана последняя цепь, юридически связывавшая болгарское государство с соседней империей. Царь уже не был обязан целовать руку султану, а болгары окончательно освободились от унижительного чувства подчиненности вчерашним господам. Никакие торговые преимущества обширного рынка Османской империи не были в состоянии возместить потери от неравноправия в международных отношениях, ощущавшегося болгарскими дипломатами на международных форумах. Чувство собственного достоинства требовало, чтобы их не связывали с азиатскими тиранами, которых европейские властители не считали равными себе. С огромными усилиями Болгария вырывалась из объятий Ориента, чтобы утвердиться там, где История с ископн века отрядила ей заслуженное место – в европейской христианской цивилизации.

Болгары доказали силу своего единства и веры в собственный успех. Они выступили против авторитетной воли великих держав, нарушили ненавистный им Берлинский договор и, к удивлению Европы, выиграла благодаря возросшему чувству самоуважения. Дипломатические канцелярии европейских столиц соревновались между собой, предлагая различные комбинации для хотя бы частичного возвращения прежнего международного положения Болгарии, но из Софии слышалось одно только слово – «Независимость», ни больше, ни меньше. Деньги, особенно когда их много и они золотые, имеют значение, но Независимость – бесценна и стоит того, чтобы защищать ее «до крови». Во временном столетнем промежутке это заклинание может показаться кому-то устаревшим, но тогдашним поколениям, готовым к жертвенности, скоро пришлось доказать его истинность в трех войнах за национальное объединение.

Некоторые расчетливые «бакалейщики» взялись просчитывать ущерб от потерянных преимуществ от экспорта болгарских товаров в Османскую империю, сравнивая полученные внушительные цифры с доходами от эксплуатации железных дорог, телеграфо-почтовой связи и маяков, но стоит напомнить им, что в жизни есть нечто более возвышенное, чем эти цифры, а состояние духа вообще не имеет цены, которая могла бы быть вычислена и сравнена с другими величинами.

Возвышение княжества Болгария и превращение его в независимое Царство напомнило о средневековом величии страны, преодолевшей наконец времена безгосударственности и вернувшей народу смелые надежды на блестящее будущее. Названия государственных институтов остались прежними, но замена определения «княжеский» на «царский» повышала значение самого символа. Царская корона означала не только наличие большей единоличной власти, но и независимость ее владельца, подданные которого приобретали уверенность от качественно нового положения их монарха на международном уровне. Острые нападки со стороны левицы (партий социалистов, «земледельцев», «радикалов») против «личного режима» царя Фердинанда не могли отменить назревшую необходимость изменения международного статуса государства. Царь расширил свою власть настолько, насколько ему позволило летом 1911 г. Пятое Великое народное собрание в Велико Тырново. Запоздалые сожаления, звучавшие после постигших страну национальных поражений, не могут заставить читать Историю «сзади наперед», от результатов к первопричинам.

Светлым примером может служить деятельность правительства Малинова, которое не позволило *выкупать* Независимость страны и сохранило национальную честь и достоинство. Оно доказало, что дело Независимости зависит от нас самих, болгар, что независимость – в наших умах и руках и заслуживает быть отмеченной торжественным праздником.

Перевод с болгарского Р.П. Гришиной

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русия и възстановяването на българската държавност (1878–1885). София, 2008.
2. Централен държавен архив.
3. Българските конституции и конституционни проекти. София, 2003.
4. *Влахов Т.* Криза в българо-турските отношения. 1895–1908. София, 1977.
5. Документи по обявяване на Независимостта на България 1908 година. Из тайния кабинет на княз Фердинанд. София, 1968.
6. Български исторически архив. Ф. 317. Оп. 1. А.е. 70.
7. *Малинов А.* Странички от нашата нова политическа история. София, 1993.
8. Из тайния архив на българския цар Фердинанд I. Документи за военната и политическа история на България. София, 2001.
9. Спомени за обявяването на Независимостта на България 1908. София, 1984.

© 2009 г. *Е. Ю. БОРИСЕНКО*

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НА ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ. 1939–1941 годы

В последние 15–20 лет событиям 1939 г. уделяется много внимания в украинской историографии, которая рассматривает западноукраинские земли или в плане истории их присоединения к УССР на фоне сложной международной ситуации и советско-германских отношений, или в плане драматического акта советизации политической, социально-экономической и духовной жизни Восточной Галиции, Западной Волыни и Северной Буковины. При этом подчеркивается, что воссоединение украинских земель, несмотря на специфическую международную и внутривосточную обстановку, в которой проходил этот процесс, было реализацией природного права украинского народа на соборность своих земель, за что он боролся на протяжении многих столетий (подробнее см. [1. С. 31–40]). Между тем, рассматривая общественно-политическую и культурную жизнь западноукраинских земель в 1939–1941 гг., хотелось бы обратить внимание не только на сложный процесс включения этого региона в советскую модель развития, политического и экономического, но обратить внимание на некоторые гуманитарные аспекты общественной жизни этого региона, связанные с его интеграцией в Украинскую ССР.

17 сентября 1939 г. по радио была передана речь председателя СНК СССР В.М. Молотова (на следующий день эта речь была опубликована в «Правде»). Глава советского правительства заявил о том, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать и, в силу такого положения, заключенные между Советским Союзом и Польшей договоры прекратили свое действие. В этих условиях советское правительство считает своей священной обязанностью «подать руку помощи своим братьям-украинцам и братьям-белорусам, населяющим Польшу». Молотов сообщил также, что советское правительство вручило утром 17 сентября ноту польскому послу в Москве. Польская сторона ставилась в известность, что Красной армии дан приказ перейти границу и «взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии» [2. С. 25–26].

Для продвижения на Западную Украину на базе созданного в июле 1938 г. Киевского особого военного округа еще 11 сентября (т.е. за неделю до переда-

Борисенок Елена Юрьевна – канд. ист. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН. Исследование выполнено при финансовом содействии Российского гуманитарного научного фонда (проект № 05-01-911-03а/Ук).

чи указанной ноты польскому послу и речи Молотова) был сформирован Украинский фронт под командованием командарма 1-го ранга С.К. Тимошенко. Членом Военного совета фронта был назначен первый секретарь ЦК КП(б)У Н.С. Хрущев¹. Операция на Западной Украине готовилась весьма тщательно: помимо собственно военной стороны, она включала также репрессивную и пропагандистскую. 8 сентября 1939 г. был издан приказ НКВД СССР, в соответствии с которым наркому внутренних дел УССР И.А. Серову поручалось сформировать в Киевском особом военном округе пять оперативно-чекистских групп по 50–70 человек каждая для выполнения специальных заданий. Эти группы должны были продвигаться вместе с войсками и взять под контроль узлы связи, государственные учреждения, банки, тюрьмы, архивы. Кроме того они должны были выявить контрреволюционные организации и производить аресты представителей местной администрации, руководителей политических партий и т.д. На Украину направлялся заместитель наркома НКВД СССР В.Н. Меркулов [3. С. 70–73]. Хрущев как член Военного совета фронта внимательно следил за исполнением обязанностей сотрудниками Особого отдела НКВД Украинского фронта. В одной из докладных записок И.А. Серова наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии сообщалось об упреках, высказанных Хрущевым в адрес чекистов: «Вам надо больше работать, а то не видно Вашей работы [...] Какая это работа, ни одного расстрелянного». В ответ Хрущеву было заявлено, что «в Злочеве (так в тексте. – Е.Б.) расстреляно 12 человек, а без дела не стреляем» [4. С. 53].

В период боевых действий осени 1939 г. высока была интенсивность информационно-пропагандистской работы. При этом не просто распространялись листовки и агитационная литература, но и велась активная работа с населением. Московское руководство постаралось обеспечить Красную армию кадрами, которые владели украинским и белорусским языками (кстати, людей со знанием польского языка не хватало) [5. С. 60]. Помимо офицеров-политработников, из запаса были призваны партийные работники, знавшие белорусский и украинский языки. Как отмечает С.И. Репко, во временные управления городов Западной Украины из ЦК КП(б)У было послано 240 чел., из ЦК ЛКСМУ – 142 чел., из резерва политуправления фронта – 80 чел. [5. С. 58]. Работа с населением велась весьма активно: офицеры соединений 11-й армейской группы в пунктах постоянной дислокации на 17 октября провели в деревнях 50 собраний и групповых бесед, затем организовывались киносеансы (на указанное число было проведено около 200 киносеансов, которые посетили примерно 3.5 тысяч крестьян) [5. С. 57].

После получения первых известий о продвижении советских войск началась подготовка к инкорпорации западноукраинских земель в состав Украинской ССР. На Западной Украине стали создаваться ревкомы. О.С. Рублев и Ю.А. Черченко отмечают, что инициаторами создания ревкомов были бывшие члены Коммунистической партии Западной Украины, прибегавшие даже к активным вооруженным действиям против польских войск и жандармерии [6].

22 октября 1939 г. были проведены выборы в Народное собрание Западной Украины, в которых приняло участие 92.83% от общего количества избирателей [2. С. 43]. 26 октября оно определило основы нового государственного и

¹ Хрущев сменил С.В. Косиора на посту первого секретаря ЦК КП(б)У в январе 1938 г.

общественного устройства и объявило об установлении власти рабочих и крестьян. Были проведены выборы в Советы. За политической жизнью зорко следили из Москвы и Киева. В присоединенных областях только за сентябрь 1939 г. среди жителей было распространено 400 тыс. экземпляров советской прессы, 210 тыс. листовок, около 9 млн книг [7. С. 107]. Появилось множество агитаторов и пропагандистов. Например, Политбюро ЦК КП(б)У обязало редколлегию Народного собрания привлечь к редактированию материалов «необходимое число писателей и журналистов из числа тех товарищей, что приехали из Москвы и Киева» [8. Оп. 6. Д. 513. Л. 162]. Вообще на территории Западной Украины из воинских частей было выделено более 49 тыс. активистов и свыше 51 тыс. агитаторов, которые вели разъяснительную работу по вопросам выборов на избирательных участках и в округах [5. С. 57]. Любопытно, что отнюдь не все агитаторы были приезжими. Например, во время подготовки к выборам депутатов Верховных Советов СССР и УССР в Станиславской области из 25350 агитаторов 20100 чел. было местных [8. Оп. 20. Д. 7439. Л. 22].

1 ноября 1939 г. внеочередная Пятая сессия Верховного Совета СССР приняла закон о включении Западной Украины в состав СССР с воссоединением ее с УССР. Зимой–весной 1940 г. была проведена кампания по выборам депутатов от западноукраинских областей в Верховный Совет СССР и Верховный Совет УССР. 2 февраля 1940 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) обязало ЦК КП(б) Украины и соответствующие обкомы партии обеспечить образование избирательных участков, составление списков избирателей, организацию участков и окружных избирательных комиссий, выдвижение и регистрацию кандидатов в депутаты. При этом в протоколе заседания Оргбюро говорилось, что во изменение ст. 76 и 89 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» подача бюллетеней при голосовании должна производиться без конвертов и подсчет голосов вестись без счетных листов [9. Д. 30. Л. 1]. Буквально через две недели, 17 февраля 1940 г., Оргбюро утвердило список кандидатов, предложенный ЦК КП(б) Украины [9. Д. 30. Л. 36]. По официальным данным, в выборах приняло участие соответственно 99.09% и 98.98% от общего числа избирателей [2. С. 106–109].

28 июня 1940 г. в сообщении ТАСС было объявлено о мирном разрешении советско-румынского конфликта по вопросу о Бессарабии и северной части Буковины. Молотов в своем представлении румынскому посланнику в Москве подчеркнул, что речь шла о восстановлении справедливости: «В 1918 г. Румыния воспользовалась военной слабостью России и насильственно отторгла от Советского Союза (России)² часть его территории – Бессарабию и тем самым нарушила вековое единство Бессарабии, населенной главным образом украинцами, с Украинской Советской республикой» [2. С. 113]. Румынское правительство приняло предложение СССР. После проведения апробированных в Восточной Галиции мероприятий Верховный Совет СССР 2 августа 1940 г. постановил включить Северную Буковину и Бессарабию в состав УССР. В 1939–1940 гг. Политбюро ЦК КП(б)У принял ряд постановлений, а Президиум Верховного Совета УССР издал соответствующие указы о создании на присоеди-

² Так в документе. Кроме того, население Бессарабии было преимущественно молдавским, а Буковина не входила в состав Российской империи.

ненных территориях районов и областей, что фактически закрепляло на Западной Украине советскую административно-территориальную систему управления. Так, 4 декабря 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление Политбюро ЦК КП(б)У 27 ноября 1939 г. об образовании Львовской, Дрогобычской, Волынской, Станиславской, Тернопольской, Ровенской областей в составе УССР. 17 января 1940 г. был издан соответствующий Указ Президиума Верховного Совета УССР [4. С. 62–64]. После присоединения Северной Буковины и Бессарабии были созданы Черновицкая и Аккерманская области, а в состав Одесской области был включен ряд районов, входивших ранее в состав Молдавской АССР (Ананьевский, Балтский, Валегочулевский, Кодымский, Котовский, Красноокнянский, Пищанский, Чорнянский районы) [4. С. 64].

В декабре 1939 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ о разграничении областей между Украинской ССР и Белорусской ССР. Вопрос об административной границе между новыми областями страны вызвал буквально с первых дней после их присоединения волнение среди украинского партийного руководства. Как вспоминал бывший первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко, Хрущев подготовил и внес в ЦК ВКП(б) свои предложения о границе. По этому варианту граница должна была пройти так, что большая часть Беловежской пуши, а также города Брест, Пружаны, Столпин, Пинск, Лунинец и Кобрин отходили к Украине. 22 ноября 1939 г. «пограничный вопрос» рассматривался в Москве Сталиным, который счел предложения Хрущева неприемлемыми. Учитывая, однако, пожелание украинцев получить в свое распоряжение богатые лесом белорусские области, Сталин решил утвердить границу, учтя «желание украинцев получить немного леса» (речь шла о районе Камень-Каширск) [10. С. 111–113].

С приближением к Львову советских войск часть украинской интеллигенции выехала в оккупированную немцами Польшу. Это были руководители и активисты различных политических партий, деятели общественных и кооперативных организаций, представители научной общественности и т.п., всего около 20 тыс. человек³. В свою очередь, органы госбезопасности были озабочены предупреждением возможной антисоветской деятельности украинских националистов. К тому же, как известно, еще в 1938 г. шеф Абвера Ф. Канарис отдал указание переключить агентуру из числа украинских националистов на работу против СССР, а в сентябре 1939 г. Гитлер поручил Абверу подготовку антисоветского повстанческого движения в Галиции. Агентурой из числа членов ОУН пользовалась перед войной и союзная Германии Венгрия. В сентябре 1939 г. на территории региона появляется и польское вооруженное националистическое подполье [13. С. 190–191].

Органами НКВД сразу же были взяты под контроль польские осадники – бывшие военнослужащие Польской армии, отличившиеся в польско-советской войне 1920 г. и получивших затем землю в районах, заселенных украинцами и белорусами. Советскими властями осадники рассматривались в качестве остатков военно-политической агентуры польского правительства и серьезной базы контрреволюционной работы [14. С. 71]. 10 октября 1939 г. И.А. Серов получил предписание НКВД СССР о необходимости учета всех

³ Эта цифра называется и В.П. Чередниченко [11. С. 81–82], и О. Субтельным [12. С. 393], а вслед за ними и современными украинскими авторами [6. С. 188].

осадников, а 5 декабря 1939 г. НКВД СССР распорядился произвести их выселение вместе с семьями [14. С. 71].

Одновременно советские власти налаживали контакты с западноукраинской интеллигенцией, тем более что почва для взаимопонимания была. В период активного проведения украинизации в УССР в середине 1920-х – начале 1930-х годов научные и культурные связи между УССР и Западной Украиной были весьма обширными. В рамках исторической секции Всеукраинской академии наук активно действовала Комиссия истории Западной Украины, приглашавшая западноукраинских ученых на торжественные и научные мероприятия. На Советскую Украину приезжали и западноукраинские культурные деятели, осуществлялся книгообмен, советскими властями выделялись определенные суммы на деятельность Научного товарищества им. Шевченко (НТШ), оказывалась материальная помощь и отдельным представителям творческой интеллигенции.

После присоединения к УССР западноукраинская интеллигенция надеялась на сотрудничество. 24 сентября 1939 г. представителей советской администрации во Львове посетила депутация местной общественности во главе с К. Левицким. Советская администрация заверила общественность в том, что Красная армия пришла освобождать украинский народ, реформы будут проводиться постепенно, за политическое прошлое преследований не будет, и выразила надежду на сотрудничество⁴. Когда начало свою работу Народное собрание Западной Украины, НТШ приветствовало его следующими словами: «Научное товарищество им. Шевченко ясно дает себе отчет в том, что только объединение украинских земель, которое принесла с собой по воле советского правительства героическая Красная Армия, что только с уничтожением границ перед наукой Западной Украины раскрывается широкое поле научной работы на пользу народов, которые населяют эту землю, и на пользу всего их трудового народа, что эта наука не может развиваться без тесного союза с Академией наук Советской Украины» [15. С. 58].

Сразу же после присоединения западноукраинские территории были «советизированы» и «украинизированы». Идеологическое обоснование проведенных преобразований весьма ярко проявилось в обращении ЦК КП(б)У ко всем избирателям, рабочим, работницам, крестьянам, крестьянкам, служащим и интеллигенции западных областей УССР 20 марта 1940 г. (т.е. перед выборами в ВС СССР и ВС УССР от западноукраинских областей). «Западная Украина была темна и невежественна, – говорилось в обращении. – Польские паны душили национальную культуру. Украинская культура и искусство запрещались. Изгонялся родной украинский язык». ЦК КП(б)У подчеркивал отличие от политики Польши «мудрой» ленинско-сталинской национальной политики, которая «положила раз навсегда конец межнациональной розни». Жителей присоединенных территорий необходимо было убедить в том, что в Советском Союзе существовало равенство представителей разных национальностей: «Жители западных областей УССР – украинцы, поляки, русские и евреи – отныне равноправные члены братской семьи народов. Их отношения проникнуты духом дружбы и сотрудничества. Их объединяет благородное

⁴ Впрочем, уже 30 сентября был проведен обыск в «помещении К. Левицкого» (каком – не ясно). См. [6. С. 188].

чувство советского патриотизма» [2. С. 102]. И, наконец, в обращении подчеркивались преимущества (перед положением украинцев в Польше) ленинско-сталинской национальной политики, которая «несет гражданам западных областей Украины невиданный расцвет культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию». «Украинский народ – свободный и равноправный член великой братской семьи народов, объединенных в Союз Советских Социалистических Республик. Украинский народ крепчайшими узами дружбы связан с великим русским народом, со всеми народами СССР...» [2. С. 102–103].

В первую очередь, на западноукраинские области была распространена партийная структура УССР – одновременно с образованием областей и районов. Тогда же, т.е. 27 ноября 1939 г., когда вышло постановление ЦК КП(б)У об образовании Львовской, Дрогобычской, Волинской, Станиславовской, Тернопольской и Ровенской областей, был утвержден состав бюро соответствующих обкомов КП(б)У [4. С. 57–62]. В западноукраинские области из Большой Украины стали направляться на официальные должности многочисленные партийные и советские работники. Первыми были назначены 19 ноября 1939 г. М.И. Дриль секретарем оргкомитета Президиума Верховного Совета УССР по Львовской области и Н.К. Куц заместителем главы оргкомитета Президиума Верховного Совета УССР по Станиславской области [8. Оп. 6. Д. 513. Л. 197]. После 27 ноября руководящие должности на Западной Украине занимали в основном выходцы из ее восточных областей. В качестве примера можно привести решение политбюро ЦК КП(б)У от 20 декабря 1939 г. «о подборе коммунистов для посылки на партработу в западные области Украины», в котором говорилось: «Обязать обкомы КП(б)У до 1.1.1940 г. отобрать из числа работников обкомов партии, начальников политотделов совхозов и их заместителей, заведующих отделами горкомов и райкомов КП(б)У и заместителей директоров МТС по политчасти 495 человек для работы секретарями райкомов партии в западных областях Украины» [8. Оп. 6. Д. 516. Л. 116]. Потом было принято решение об отправке 1534-х административных работников, 60-ти коммунистов на работу редакторами в газеты, 265-ти человек для работы в судах и органах прокуратуры. Кроме них в течение 1940 г. на партийно-пропагандистскую работу было направлено еще 3845 человек [1. С. 23].

Западная Украина получила пропагандистскую литературу, плакаты, портреты – Сталина, Молотова, Ворошилова и Шевченко. 9 октября 1939 г. Политбюро ЦК КП(б)У предложило Главполитиздату дополнительно издать для Западной Украины «Краткий курс истории ВКП(б)» на украинском языке тиражом в 300 тыс. экземпляров» [6. С. 205]. 24 октября 1939 г. в газете «Вільна Україна» появилось сообщение о том, что государственное педагогическое издательство во Львове приступило к изданию учебников для школ Западной Украины. Уже был выпущен букварь для начальной школы, «читанка» для 2-го класса тиражом по 100 тыс. экз. Более того, были подготовлены к отправке в села Западной Украины учебники по украинскому языку для 2-го и 3-го классов и литературная «читанка» для 4-го класса. Эти учебники были изданы тиражом по 50 тыс. экземпляров [15. С. 133–134].

Началась организация сети периодических изданий. Стали издаваться сначала областные, а затем и районные газеты. При этом, изыскивая фонды для издания газет на Западной Украине, Оргбюро ЦК ВКП(б) сокращало расходы

на некоторые периодические издания в других украинских областях. Так, 16 марта 1940 г. оно приняло решение установить тираж львовских областных газет «Вільна Україна» и «Szerwony Sztandar» в 30 тыс. экземпляров каждый, а формат областной каменец-подольской газеты «Червоній кордон» был уменьшен с 66 × 110 см до 84 × 60 см. [9. Д. 30. Л. 110]. 2 июля 1940 г. Москва утвердила тиражи, периодичность и объем районных газет западных областей УС-СР. Всего было решено издавать 54 газеты: в Тернопольской области – 12 газет, в Станиславской – 9, в Дрогобычской – 10, в Волынской – 5, во Львовской – 13, в Ровенской – 5 газет [9. Д. 43. Л. 41–42]. Кстати, в Западной Белоруссии газет выходило чуть меньше: Оргбюро ЦК ВКП(б) утвердило издание семи газет в Барановической области, восьми – в Белостокской, трех – в Брестской, шести – в Вилейской и трех – в Пинской [9. Д. 43. Л. 97–98].

Среди первых же пропагандистских действий, рассчитанных на советизацию присоединенных областей, значились и культурные мероприятия. 24 сентября 1939 г. «по просьбе трудящихся Западной Украины» было отправлено на автомашинах 22 звуковых фильма («Ленин в 1918 году», «Чапаев», «Щорс», «Граница на замке», «Великий гражданин», «Кармелюк», «Морской пост», «Танкисты», «11 июля», «Год 19-й», «Митька Лелюк» и др.) [15. С. 131]. 5 октября 1939 г. Секретариат ЦК ВКП(б) поручил Комитету по делам кинематографии выделить для обслуживания населения Западной Украины 30 автокинопередвижек, 30 гужевых кинопередвижек, 25 звуковых узкоплечников с электростанциями, 25 узкоплечников без электростанций и 25 автокинопередвижек для обслуживания населения Западной Белоруссии [9. Д. 17. Л. 14]. Не были забыты и «живые контакты»: 3 октября 1939 г. состоялся первый концерт артистов УССР во Львовском городском театре [15. С. 131].

Одновременно началась унификация культурной, научной и образовательной сфер в соответствии с общепринятыми в Советском Союзе нормами. Прежде всего киевское руководство обратило внимание на состояние школьного образования в западноукраинских областях. 30 сентября 1939 г. Наркомат просвещения УССР направил соответствующую докладную записку в ЦК КП(б)У и Совнарком УССР. В записке говорилось о необходимости реорганизации системы народного просвещения в западноукраинских областях, приведения его в соответствие с принятыми в УССР нормами: народные школы 1-й ступени с шестилетним обучением реорганизовывались в четырехклассную начальную школу, народные школы 2-й (6–7 лет обучения) и 3-й (7 лет обучения) ступеней преобразовывались в неполные средние семилетние школы, а гимназии и лицеи – в средние школы-десятилетки. Обучение должно было стать бесплатным, обязательным (в деревне – не ниже начальной школы, в городах – семилетки), и, что было важным нововведением, проводиться «на родном языке – украинском, польском, русском, еврейском» [16. С. 53–55]. До сентября 1939 г., согласно данным украинского Наркомпроса, на территории Западной Украины действовали 5166 народных школы, из них украинских было 139, польских – 2731, польско-украинских – 2198, польско-немецких – 7, немецких – 79, еврейских – 1. Учеников же было 892330 человек, из них 510 тыс. украинцев и 250 тыс. поляков, 70 тыс. евреев и 4207 немцев [16. С. 52]. Большевики открыли на Западной Украине 1386 новых школ, в следующем учебном году – еще 30, общая их численность достигла 6280. Потребовались новые учительские кадры, и прежде всего украинские. Для этого из восточных областей Украины было направлено 1066 чел. [17. С. 4]. Раньше в народных шко-

лах из 14203 учителей было 10125 поляков и только 2477 украинцев [16. С. 52]. Школьная реформа в западноукраинских областях потребовала от руководства УССР ощутимых затрат. Так, бюджет УССР на 1940 г. составил 8 млрд руб., из них 3643 млн – на народное просвещение. Из этой суммы 548 млн руб. предназначались для западных областей [8. Д. 7439. Оп. 20. Л. 4].

После школьной реформы началась реформа высшего образования и науки. 11 ноября 1939 г. на заседании Президиума АН УССР на Западную Украину была направлена комиссия из числа научных сотрудников для ознакомления на месте с состоянием научно-исследовательских организаций, особенно работающих в области геологии и генетики. 9 декабря Президиум АН УССР, заслушав информацию академика А.В. Палладина о результатах работы комиссии, постановил считать нецелесообразным переход Научного товарищества им. Шевченко во Львове в состав АН УССР. В начале января 1940 г. это решение было санкционировано ЦК КП(б)У. Постановлением СНК УССР библиотека НТШ передавалась во львовский филиал библиотеки АН УССР. Официально 14 января 1940 г. состоялось общее собрание Товарищества, которое приняло решение о самороспуске. Однако тогдашний глава НТШ И. Раковский в знак протеста выехал – накануне собрания, 13 января 1940 г., – на Запад, воспользовавшись немецкой переселенческой комиссией во Львове. Одновременно ряд ученых из Галиции были введены в состав АН УССР. К. Студинский стал проректором и деканом филологического факультета Львовского университета. Ряд галицийских ученых начали работать во Львовском университете (М.С. Возняк, Ф.М. Колеса, В.Г. Щурат, И. Свенцицкий), а И.П. Крипьякевич возглавил львовское отделение Института истории Украины АН УССР [6. С. 198–201].

Постановлением СНК УССР от 2 января 1940 г. «Об организации научных заведений в западных областях Украины» во Львове было создано отделение научных учреждений Академии наук УССР – Института литературы им. Т.Г. Шевченко, Института языкознания, Института фольклора, института истории Украины, Института археологии, Института экономики. Кроме того постановлялось организовать во Львове филиал Библиотеки АН УССР и передать ей библиотеки НТШ, научного товарищества «Осолінеум», Народного дома [15. С. 144]. 19 февраля 1940 г. список учебных и научных учреждений Львова пополнился медицинским институтом, преобразованным из медицинского факультета Львовского университета. 21 мая 1940 г. СНК УССР постановил учредить во Львове санитарно-бактериологический институт. Кстати, в этот же день во Львове был открыт вечерний институт марксизма-ленинизма, а через два дня – 23 мая – СНК УССР постановил организовать во Львове межобластной научно-исследовательский Институт охраны материнства и детства. 20 ноября 1940 г. во Львове был открыт межобластной филиал Центрального украинского научно-исследовательского туберкулезного института [15. С. 145, 151–153, 158]. В регион была направлена группа преподавателей ВУЗов из Киева, Харькова, Одессы, Днепропетровска, Москвы, Ленинграда и других городов [6. С. 197].

Большие изменения произошли во Львовском университете. В январе 1940 г. ему было присвоено имя Ивана Франко (до этого он носил имя Яна Казимира). Там вновь появились кафедры украинского языка, литературы, истории. Все студенты должны были изучать украинский язык. В мае 1940 г. при Львовском госуниверситете открылось заочное отделение, рассчитанное на

подготовку педагогических кадров для школ западноукраинских областей. Количество студентов увеличилось.

Украинская интеллигенция, видя расширение сети учебных заведений и возможностей для получения образования, решила использовать благоприятные условия для «сведения счетов» со своими польскими коллегами-конкурентами. Только так можно объяснить историю, случившуюся с ректором Львовского университета, киевским профессором Михаилом Ивановичем Марченко⁵. В начале января 1940 г. в университете появился второй секретарь ЦК КП(б)У М.А. Бурмистенко. М.И. Марченко провел его по аудиториям и кабинетам. Партийный начальник обратил внимание на то, что отдельные вывески и объявления написаны по-польски и спросил, почему так нерешительно переводится работа университета на украинский язык, почему до сих пор не объявили, что это университет украинский? В результате на здании появилась надпись «Львовский украинский государственный университет», заменив собой вывеску «Львовский государственный университет». В начале мая 1940 г. на доске приказов ректора было вывешено постановление Коллегии Наркомпроса УССР об увеличении процента украинцев среди студентов. Эти два обстоятельства послужили позже причиной ареста Марченко 23 июня 1941 г. органами госбезопасности, инкриминировавшими бывшему ректору (Марченко вернулся в Киев осенью 1940 г.) «искажение национальной политики» [6. С. 194–196].

19 декабря 1939 г. украинский совнарком перешел к реформированию культурной жизни на Западной Украине. В специальном постановлении говорилось об организации театров, музыкальных коллективов, филармоний, домов народного творчества и театрально-музыкальных заведений на Западной Украине. Так, во Львове следовало сформировать Государственный украинский театр оперы и балета (в помещении Большого городского театра), Государственный украинский драматический театр, Государственный польский театр, Государственный еврейский драматический театр, Государственный театр миниатюр, Государственную областную филармонию с симфоническим оркестром и украинской хоровой капеллой, а также сектором эстрады, областной Дом народного творчества, Государственную украинскую консерваторию с польским отделением, Государственное украинское музыкальное училище с польским отделением, украинские музыкальные школы [15. С. 142–143]. Тогда же Управлению по делам искусств при СНК предлагалось в директивном порядке на протяжении десяти дней собрать и направить в западные области Украины на постоянную работу группу театральных и музыкальных работников, прислать комиссию по музейному делу [6. С. 192].

20 декабря 1939 г. Политбюро ЦК КП(б)У, выполняя решение ЦК ВКП(б), приняло постановление об организации фонда помощи интеллигенции Западной Украины. Размер фонда составляла сумма в 2 млн руб. Этим же постановлением из фонда выделялось по 10 тыс. рублей В.Г. Щурату, М.С. Возняку, И.П. Крипьякевичу, Ф.М. Колесу [4. С. 68–69]. Напомним, что трое из них –

⁵ Кстати, ректором Львовского университета Марченко был утвержден уже 16 октября 1939 г. Соответствующая запись имеется в протоколе заседания Политбюро ЦК КП(б)У. До своего назначения Марченко работал в Институте истории АН УССР (см. [8. Ф. 1. Оп. 6. Д. 513. Л. 149]).

Щурат, Возняк и Колеса – незадолго до этого стали академиками Украинской академии наук.

Таким образом, общественно-политическая жизнь на Западной Украине кардинально изменилась. Как мы видим, большевистское руководство, декларировав принципы советской национальной политики, пыталось предоставить не только украинцам, но и полякам и евреям, возможности для национально-культурного развития: в 1939/1940 учебном году было сохранено 922 польские школы, были созданы польский и еврейский театры, профессорам-полякам дозволялось (правда, временно) читать лекции на родном языке [17. С. 5], выходили газеты на польском языке (например, во Львове издавалась «Czerwony Sztandar» [7. С. 108]). Однако на деле многочисленные преобразования в гуманитарной сфере означали деполонизацию, что, несомненно, обостряло отношения между украинцами и поляками.

Культурный же уровень прибывших на Западную Украину советских служащих, конечно, был низок, о чем неоднократно упоминают современные украинские авторы [6. С. 189–192]. Тем не менее действовали они весьма решительно, зачастую даже более настойчиво, чем это было необходимо. Хотя в официальной пропаганде и подчеркивалось равенство всех национальностей, украинские советские и партийные деятели зачастую «перегибали палку» в своем желании сделать на западноукраинских землях все так же, как в УССР. «Страдающей стороной» нередко оказывались поляки. Случаи их притеснения были отнюдь не единичны: приняты были даже специальные постановления Политбюро ЦК КП(б)У. В одном из них, датированном 19 декабря 1939 г., речь шла о неправильных действиях Коломыйского, Стрыйского и Станиславского временных управлений по отношению к верующим гражданам, которые привели к выступлениям, «организованным с провокационной целью ксендзами, монахами и польскими националистами». Например, глава Коломыйского Временного управления тов. Бойко не воспротивился решению начальника штаба 13-й конвойной дивизии тов. Ширяева и комбата тов. Кобзара выселить ксендзов из помещения рядом с костелом. В результате около дома ксендзов собралось свыше двух тысяч поляков, преимущественно женщин, протестовавших против принятого решения [4. С. 67].

Это случилось 27 ноября, а 30 ноября похожие события произошли в городе Стрый. Как говорилось в постановлении, Временное управление города решило переселить детей «из здания, в котором жили монашки», в другое, лучшее помещение. В результате большая группа поляков (около тысячи человек, опять-таки преимущественно женщин) потребовали «не закрывать костел и не выселять монашек» [4. С. 67].

Аналогичные действия имели место в другом городе, Станиславе. Глава местного Временного управления тов. Безкаравайный выдал ордер одной войсковой части на занятие помещения, принадлежащего костелу и занимаемого монахами, что вызвало стихийное выступление женщин под лозунгом: «Костел не отдадим». ЦК КП(б)У разъяснило тт. Бойко, Безкаравайному и Кулику, что поспешность действий, не вызванных крайней необходимостью, по изъятию помещений, принадлежащих костелам и ксендзам, в сложившейся обстановке «не может не вызывать неудовольствия верующих». Украинский ЦК напоминал Станиславскому, Львовскому, Ровенскому, Тернопольскому, Волынскому и Дрогобычскому обкомам, что, согласно действовавшему законодательству, ни одна церковь, костел или синагога не могут быть закрыты

без особого, в каждом отдельном случае, решения Президиума Верховного Совета УССР. Для использования же помещений, принадлежащих костелам, церквям или синагогам, требовалось согласование с ЦК КП(б)У [4. С. 67–68].

Однако неумеренность местных украинских властей была направлена не только против верующих. В Постановлении Политбюро ЦК КП(б)У от 6 августа 1940 г. говорилось о незаконных действиях органов советской власти во Львове по отношению к трудящимся, «в особенности польской национальности». Местные партийные и советские органы запрещали лекторам читать лекции на польском языке в аудитории, которая не понимает украинский язык. Были случаи самовольного вселения приезжих работников в квартиры местных жителей. Во Львове «было много случаев препятствия приему на работу поляков». Были и «другие перегибы, которые играют на руку врагам народа». Например, некоторые работники милиции Львова предлагали врачам объявления о часах приема больных, написанные на польском языке и помещенные на дверях частных квартир, заменить объявлениями, написанными на украинском языке. Имелись также случаи «возмутительного отношения некоторой части приезжих из восточных областей УССР работников к польской трудовой интеллигенции» [4. С. 71–72]. «Своеволие и нарушение революционной законности со стороны части местных советских и партийных работников города Львова и Львовской области облегчало польским, украинским и еврейским буржуазным националистам вести подлую контрреволюционную работу, направленную против установления братских отношений между украинскими и польскими трудящимися», [4. С. 73], – говорилось в постановлении.

Антипольские настроения среди украинских партийных и советских деятелей на Западной Украине распространялись и на бывших членов польской компартии. 2 ноября 1940 г. ЦК КП(б)У приняло даже специальное постановление, осуждающее факты «неправильного отношения к бывшим членам КП Польши». Эти факты, судя по документу, выражались в «огульном недоверии к бывшим членам КП Польши во Львове и других городах западных областей Украины, в безосновательном отказе в работе на фабриках, заводах и учреждениях некоторым бывшим членам Коммунистической партии Польши, в слабом привлечении их к общественной работе». ЦК КП(б)У рекомендовало шире привлекать указанных товарищей к активной общественной работе, выдвигать на хозяйственную и советскую работу. ЦК КП(б)У признавал также, что подобные факты имели место и в отношении бывших членов Коммунистической партии Румынии по Черновицкой и Аккерманской областям [4. С. 74].

Таким образом, анализируя преобразования в западноукраинских областях в 1939–1941 гг., нельзя говорить только о «советизации». Фактически была проведена деполонизация и украинизация общественной и культурной жизни региона, что привело к возникновению конфликтов не только на уровне притягивания или непритягивания советской власти, но и к обострению польско-украинских противоречий. Польскому присутствию, о котором так заботились власти II Речи Посполитой, был нанесен ощутимый удар, и украинская сторона не замедлила этим воспользоваться. Интегрирование западноукраинских областей в состав Украинской ССР не могло пройти безболезненно для всех слоев населения, вынужденного определить не только свое отношение к новой власти, но и к новым украинским порядкам. Проводники интеграционной политики украинского партийного руководства действовали весьма жестко, не только

не смягчая, но обостряя и до того непростую межнациональную ситуацию в регионе.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. 1939 рік в історичній долі України і українців. Матеріали міжнародної наукової конференції 23–24 вересня 1999 р. Львів, 2001.
2. Воссоєдинение украинского народа в едином украинском советском государстве (1939–1949 гг.). Сб. документов и материалов. Киев, 1949.
3. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 1995. Т. 1. Кн. 1.
4. Политическое руководство Украины. 1938–1989 . М., 2006.
5. *Репко С.И.* Организация пропагандистской деятельности Красной армии в период боевых действий осенью 1939 года // Журналистика. История и современность. М., 1993.
6. *Рубльов О.С., Черченко Ю.А.* Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20–50-ті роки ХХ ст. Київ, 1994.
7. *Литвин М.Р., Луцький О.І., Науменко К.Є.* 1939. Західні землі України. Львів, 1999.
8. Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ). Ф. 1.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 116.
10. *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М., 1999.
11. *Чередниченко В.П.* Анатомия предательства: Украинский буржуазный национализм – орудие антисоветской политики империализма. Киев, 1983.
12. *Субтельний О.* Україна: Історія. Київ, 1991.
13. *Веденєєв Д.В.* Розвідувальна діяльність підпілля організації українських націоналістів у Західній Україні в 1939–1941-х роках // Наукові записки Інститута політичних і етнонаціональних досліджень. Київ, 2005. Вип. 28.
14. *Бугай Н.Ф.* Народы Украины в «Особой папке Сталина». М., 2006.
15. Радянський Львів. 1939–1955. Документи й матеріали. Львів, 1956.
16. Культурне життя в Україні. Західні землі. Документи і матеріали. Київ, 1995. Т. 1. 1939–1953.
17. *Ковалюк В.Р.* Культурологічні та духовні аспекти «радянизації» Західної України (вересень 1939 р. – червень 1941 р.) // Український Історичний журнал. 1993. № 2–3.

© 2009 г. А. М. ОРЕХОВ

ПОЛЬСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ СССР В 1956 году

В данной работе речь пойдет о недостаточно проясненных вопросах советско-польских отношений, а именно о том, как высшее советское партийно-государственное руководство (так называемое «коллективное руководство») оценивало развитие кризиса 1956 г. в Польше, как формировало свою политическую линию на польском направлении, какой информационной базой располагало и как видело ход событий. Для данного исследования, помимо разнообразной научной и мемуарной литературы, привлекались малоизвестные либо совсем неизвестные документы таких московских хранилищ исторической документации, как Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Архив Президента Российской Федерации (АПРФ) и Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Автор работал также с материалами варшавского Архива новых актов (Archiwum Akt Nowych – AAN).

Кончина И.В. Сталина одновременно означала начало спонтанного поворота в общественно-политической жизни стран Восточного блока. В Польшу пришла «оттепель», другими словами – повеяло оживлением духовной жизни общества, его стремлением к свободе, стихийному сопротивлению тоталитаризму. При оценке с достаточной временной дистанции феномена польской «оттепели» отчетливо видно, что она, среди прочего, подготовила ослабление государственной цензуры, появление первых дискуссионных клубов и более свободное публичное обсуждение актуальных общественно-политических, научных и иных проблем в средствах массовой информации.

В Москве первые симптомы пробуждения Польши не привлекли на первых порах особого внимания политических кругов, хотя советское посольство систематически сообщало из Варшавы о фактах, требовавших к себе повышенного внимания (см., например [1. Оп. 39а/1955 г. П. 343. Д. 14; 2. Оп. 28. Д. 296. Л. 108–113]). И тогда инициативу в свои руки взял Отдел ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями, представив в середине декабря 1955 г. секретарю ЦК КПСС П.Н. Поспелову, известному догматическим толкованием марксизма, «Информационную записку о некоторых вопросах идеологической борьбы в Польской Народной Республике» [2. Оп. 28. Д. 296. Л. 214–233]. В этом

Орехов Александр Михайлович – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

документе рассматривались ориентация и тематика некоторых польских газетных и журнальных изданий, поскольку Секретариат ЦК намеревался уяснить для себя обстановку в Польше. В ЦК КПСС, а также в МИД СССР большое внимание привлекали и иные вопросы. Для этого имелись серьезные основания. Дело в том, что неудачи экономической политики польского правительства (например, перегрузка шестилетнего плана народного хозяйства) осложняли и без того не простую социально-экономическую ситуацию в ПНР, разрыхляли почву для роста недовольства в стране.

Возглавляемое В.М. Молотовым советское дипломатическое ведомство изучало не только политические, но и социальные проблемы зарубежных стран. В ежегодных политических отчетах посольства СССР в Варшаве социальные темы присутствовали в обязательном порядке, хотя анализировались поверхностно. Документы польских и российских архивов убедительно свидетельствуют, что положение населения Польши в период 1954–1956 гг. ощути-мо ухудшилось. В годовом отчетном обзоре за 1955 г. для 4-го Европейского отдела МИД СССР констатировано, что «темпы роста жизненного уровня населения Польши нельзя признать сколько-нибудь удовлетворительными», что «плановые задания шестилетки в области повышения реальных доходов трудящихся, в первую очередь городского населения, выполнены не были» [1. Оп. 40/1956 г. П. 336. Д. 11. Л. 68]. В июне 1955 г. посол СССР в Варшаве П.К. Пономаренко сообщил Н.С. Хрущеву о трудностях в обеспечении населения Польши хлебом [2. Оп. 28. Д. 121. Л. 84–88]. В январе и феврале 1956 г. на внутреннем рынке не хватало важнейших продовольственных товаров. К этому надо прибавить дороговизну и денежный дефицит малообеспеченных слоев населения. В записке П.К. Пономаренко «К вопросу об изменениях в уровне жизни населения Польши при народной власти», представленной 6 января 1956 г. в ЦК КПСС, подчеркивалось, что уровень жизни городского населения Польши «еще очень низок» [3. Д. 140. Л. 101–107]. В документах МИД СССР нашла отражение и чрезвычайная острота жилищной проблемы в Польше. Естественным следствием тяжелого положения населения было недовольство именно городских слоев.

Сотрудники советского посольства считали, что экономика Польши работала с перебоями, не обеспечивала выполнение поставленных правительственными органами задач. Они располагали документальными данными, из которых следовало, что положение угольной промышленности – ведущей отрасли польской экономики – было плачевным. Нехватка и текучесть кадров, необходимость прибегать в виду этого к помощи армии, а также к фактически даровому и непроизводительному труду заключенных, не могли обеспечить надлежащей работы отрасли [1. Оп. 39/1955 г. П. 327. Д. 15. Л. 104–107; 2. Оп. 28. Д. 397. Л. 8–12]. Об этом Н.С. Хрущев и другие советские руководители были достаточно осведомлены [2. Оп. 28. Д. 161. Л. 50–57].

В.М. Молотов направил в Президиум ЦК КПСС аналитический материал, в котором о внутриваршавских проблемах было сказано: «Осуществление экономических и политических мероприятий ПОРП и правительства ПНР проходит в обстановке острой классовой борьбы [...] Особенно очевидным стало серьезное отставание идеологической работы ПОРП от уровня важнейших народнохозяйственных задач. Среди менее сознательной и политически незрелой части членов ПОРП и некоторых групп населения стали проявляться колебания, попытки умалить достижения народной власти за минувшее де-

сятилетие, представить современную польскую действительность в одностороннем и извращенном свете. Имеются также попытки некоторых работников идеологического фронта ревизовать марксизм-ленинизм» [2. Оп. 28. Д. 287. Л. 88]. Так выстраивался упрощенный, схематизированный образ Польши, принятый в политической практике «коллективного руководства».

Мощный импульс, взбудораживший польскую общественность, пришел из Москвы в феврале 1956 г. Отчетный доклад ЦК партии XX съезду, с которым выступил Н.С. Хрущев, был опубликован в Польше и оживленно комментировался повсюду. Утром 25 февраля на заключительном заседании съезда Н.С. Хрущев выступил с закрытым докладом «О культуре личности и его последствиях». То, о чем рассказал советский лидер, было беспрецедентным, привело советское общество едва ли не в шоковое состояние. Всеобщее потрясение охватило и Польшу. Без преувеличения можно утверждать, что закрытый доклад инициировал непростой, противоречивый процесс десталинизации не только в Советском Союзе, но и в странах «народной демократии».

В Польше активность разных общественных слоев дала о себе знать как только появились первые, отрывочные и противоречивые сведения о закрытом докладе, почерпнутые главным образом из зарубежной прессы и передач западных радиостанций. Текст его еще не был известен широкой польской общественности, а в городских и районных организациях Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) уже разгорались дискуссии. Так, вице-консул СССР в Щецине Ф.А. Шарыкин, собирая в консульском округе отклики о московском коммунистическом форуме, беседовал 9 марта 1956 г. с первым секретарем городского комитета ПОРП в Щецине Юзефом Киселевским, и тот рассказал, что «среди партийных активистов ведутся различные толкования вокруг вопроса о культуре личности», что они «настоятельно добиваются от партийных руководителей разъяснения того, в чем заключались ошибки Сталина и почему они не были в свое время предотвращены членами Политбюро и секретарями ЦК КПСС». Дипломат обратил внимание на то, что «среди некоторой части населения враждебные элементы пытаются извратить отдельные положения» отчетного доклада Н.С. Хрущева. «Эти враждебные элементы, ссылаясь на разнообразные формы перехода различных стран к социализму, заявляют, что Гомулка в свое время также ставил задачу строительства социализма в Польше, но только не тем путем, по которому в настоящее время идет Польская объединенная рабочая партия» [1. Оп. 40/1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 23; 2. Оп. 28. Д. 396. Л. 137–139]. В партийных низах идея «польского пути к социализму» В. Гомулки противопоставлялась сталинской версии социализма. Такого рода дипломатическая документация помогала аналитикам аппарата ЦК КПСС и МИД СССР делать выводы о важных сдвигах массового сознания населения Польши: постепенном накапливании недовольства в наиболее активных слоях польской научной и технической интеллигенции, военнослужащих, студенчества. Информация поступала затем в Общий отдел ЦК, а оттуда в Президиум и Секретариат ЦК КПСС для принятия решений.

Постепенно выяснилось, что в ЦК ПОРП вызревало противостояние между сторонниками демократизации и реформ («пулавяне») и консерваторами («натолинцы»). Правда, весной 1956 г. эти аморфные группировки в реальной политической борьбе заявляли о себе слабо. Советское посольство, видимо, не смогло своевременно сориентироваться в ситуации и своевременно не проинформировало Центр. Нет необходимых документов и в структурах аппарата

ЦК КПСС. Само появление групповщины в правящей партии позволяет думать, что Польша вступала в фазу общественно-политического кризиса (на данном этапе, естественно, латентную). Ускорила дальнейшее развитие событий в Польше неожиданная смерть Б. Берута в Москве 12 марта 1956 г.

На Старой площади хорошо понимали, что в связи с приходом к руководству ПОРП нового лидера возможна, хотя и не безусловно, корректировка политической линии польской партии. В связи с этим в узком кругу советских политиков обсуждался вопрос о том, какие меры следовало предпринять, чтобы новый руководитель ПОРП сохранил приверженность прежней линии, то есть политическому, военному и экономическому союзу СССР и ПНР. Речь, таким образом, должна была идти, так сказать, об оптимальном «подборе» кандидата на пост первого секретаря ЦК ПОРП. Когда 14 марта состоялось очередное заседание Президиума ЦК, один из вопросов повестки дня был посвящен предстоявшей поездке советской партийно-правительственной делегации во главе с Н.С. Хрущевым в Варшаву для участия в похоронах польского лидера. Отдельно рассматривался вопрос о потенциальных кандидатах на роль руководителя ЦК ПОРП. Согласно рабочему протоколу заседания, в обсуждении участвовали Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин, А.И. Микоян, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, В.М. Молотов, М.Г. Первухин и М.А. Сулов, т.е. ведущие советские политики того периода. В протокол без каких-либо пояснений были внесены фамилии двух польских партийных и государственных деятелей – Александра Завадского и Эдварда Охаба [4. С. 114]. Возникает вопрос – как эту протокольную запись истолковать? Понятно, что тех, кто присутствовал на заседании, устраивала кандидатура, которая бы отвечала интересам советской партийной верхушки, не подрывала доверия к ЦК ПОРП. Н.С. Хрущеву как первому лицу партии поручили, в случае необходимости, в корректной форме выразить мнение советского руководства о выдвигании Завадского или Охаба в качестве претендентов на пост первого секретаря ЦК ПОРП. Биографии того и другого вполне укладывались в общепринятые представления о преданных делу рабочего класса политических деятелях коммунистической ориентации. Н.С. Хрущев в своих мемуарах свидетельствует, что лично он к обоим потенциальным кандидатам относился положительно, даже с симпатией, хотя предпочтение все же отдавал А. Завадскому [5. С. 231–232, 514–515, 574–575]. И это не случайно. Н.С. Хрущев хорошо знал председателя Государственного Совета ПНР лично. К тому же, на Старой площади считалось обязательным, чтобы кандидаты на высший партийный пост были поляками по национальности [5. С. 754–755].

В польской столице, куда советская делегация прибыла 15 марта, Н.С. Хрущев в конфиденциальном порядке встречался с членами Политбюро ЦК ПОРП (см. [6. Sygn. III/15. К. 39–40, 43]). Он хотел прозондировать обстановку в польских высших партийных кругах. Содержание его бесед не известно, так как они, по всей видимости, не протоколировались. Затем 20 марта он участвовал в заседании VI пленума ЦК. В тот же день пленум избрал первым секретарем партии Э. Охаба. В руководстве КПСС такой выбор одобрили и сохраняли позитивное мнение до тех пор, пока не выяснилось, что Э. Охаб не сумел завоевать авторитет ни в обществе, ни в собственной партии.

ЦК КПСС и МИД СССР потребовали от советского посольства в Варшаве обратить особое внимание на изучение политической обстановки в стране. Уже 20 марта 1956 г. для аппарата ЦК КПСС были подготовлены материалы

польской периодики, касающиеся оценки работы XX съезда КПСС [2. Оп. 28. Д. 396. Л. 41–90]. Москву интересовало, как в Польше приняты решения съезда, вносящие немало нового в понимание международной и внутренней политики СССР. Одновременно для тех же «заказчиков» подготовили «Обзор статей, опубликованных в польской печати в связи с заявлением пяти коммунистических и рабочих партий о реабилитации Коммунистической партии Польши» [2. Оп. 28. Д. 396. Л. 92–100]. Дело в том, что в декабре 1954 г. руководство ПОРП обратилось в ЦК КПСС с просьбой оказать помощь в политической реабилитации руководящих деятелей Коммунистической партии Польши (КПП), репрессированных в 1937–1938 гг. в СССР [6. Sygn. XIA/71. Т. I. К. 15–16]. И когда в феврале 1956 г. реабилитация стала свершившимся фактом, известие об этом вызвало обостренную реакцию многих поляков, в особенности тех, кто находился под влиянием коммунистических традиций. Помимо указанных материалов заслуживает внимания также подготовленная П.К. Пономаренко записка «О настроениях в Польше в связи со смертью тов. Берута» [2. Оп. 30. Д. 169. Л. 28–39], которая обращала внимание на стихийные проявления поляками критических оценок советского присутствия в Польше. В этом же ряду надо упомянуть записку консула СССР в Щецине Б.П. Зыбина, представленную в 4-й Европейский отдел МИД СССР, в которой сообщалось о реакции населения консульского округа на работу XX съезда КПСС (см. [2. Оп. 28. Д. 396. Л. 146–149], ср. [1. Оп. 40/1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 28–29]) и такого же типа записку о Краковском воеводстве, подготовленную консулом СССР Ю.В. Берновым для секретариата В.М. Молотова [7. С. 664–668]. Информация, которой располагал аппарат ЦК КПСС и МИД СССР, свидетельствовала о том, что умственное брожение быстро распространялось в Польше, охватывая широкие круги населения и порождая «неудобные» вопросы, адресованные правящей партии (прежде всего о пакте Молотова – Риббентропа и расчленении существовавшей до сентября 1939 г. польской территории, расстреле в Катыни, Варшавском восстании).

Как виделась советскому руководству внутривнутриполитическая ситуация в Польше в свете тех сообщений, которые приходили в Москву с берегов Вислы? Исчерпывающего ответа на этот вопрос дать невозможно в силу неполноты на сегодняшний день источниковой базы, поскольку исследователи не располагают соответствующими документами советской внешней разведки, Генерального штаба СССР и Министерства обороны, внешнеэкономических и других ведомств, призванных изучать все многообразие проявлений общественной, политической, экономической и культурной жизни Польши. Но отдельные аспекты проблемы прояснить можно благодаря сохранившейся документации ЦК КПСС. В Отделе по связям с иностранными компартиями сферу политической жизни в Польше отслеживал Я.Ф. Дзержинский. Его считали наиболее подготовленным экспертом по польской проблематике. Хорошо владея польским языком, он общался с польскими партийными и государственными деятелями высокого ранга, с работниками аппарата ЦК ПОРП. К его аналитическим разработкам советские руководители, особенно на Старой площади, относились с доверием и поручали выполнение специальных заданий, связанных с контактами советских и польских высших руководителей. 5 марта 1956 г. Дзержинский посетил находившегося в Москве Б. Берута и узнал от него о состоявшемся в Варшаве 3–4 марта закрытом собрании актива ПОРП, в связи с отчетами членов польской делегации на XX съезде КПСС.

С записью беседы ознакомились члены Президиума и Секретариата ЦК КПСС. Достоверно известно, что документ читал и Н.С. Хрущев. Для него, надо думать, оказались неприятной неожиданностью разногласия в Политбюро ЦК ПОРП вследствие разных подходов к некоторым принципиальным вопросам партийной политики, хотя Хрущев и раньше получал тревожную информацию на эту тему.

В период 21 апреля – 5 мая 1956 г. Я.Ф. Дзержинский находился в Польше, а по возвращении представил в ЦК записку «О некоторых вопросах внутриполитического положения в Польской Народной Республике». Это, несомненно, содержательный аналитический документ. Автор его видел свою задачу в том, чтобы показать, какие процессы развились в общественной жизни Польши после того, как там широко обсуждался текст закрытого доклада Н.С. Хрущева о культе личности. Как видно из записки, дискуссии вокруг XX съезда КПСС привели к «появлению серьезных идеологических колебаний» среди части польской интеллигенции, главным образом литераторов, журналистов, студентов, части активистов ПОРП. Центрами интеллектуальных поисков, по мнению Дзержинского, были Институт общественных наук и партийные школы ЦК ПОРП, парторганизация издательства ПОРП «Książka i Wiedza», государственный комитет «Польское радио», Военно-политическая академия. В Объединенной крестьянской партии нарастали конфликты в руководстве, усилились тенденции непризнания руководящей роли ПОРП, налицо были симптомы реставрации идеологии Польской крестьянской партии. Стремление к «самостоятельности» Дзержинский обнаружил в руководстве Демократической партии. Познакомившись с польской молодежной печатью, он пришел к выводу, что Союз польской молодежи вступил в полосу кризиса. В организациях ПОРП, особенно в Варшаве и Кракове, выдвигались требования сменить руководство партии, вернуть В. Гомулку в состав ЦК. Журналисты добивались «полной самостоятельности и бесконтрольности печати», а некоторые из них высказывались в пользу «отрыва Польши от СССР, а Польской объединенной рабочей партии – от КПСС», студенчество требовало демократизации в стране, изменения учебных программ в высшей школе, протестовало против идеологизации науки. Автор записки обратил внимание на то, что в деревне распространялись слухи о роспуске производственных кооперативов высшего типа [3. Д. 140. Л. 137–139]. Таков был образ Польши глазами профессионального партийного работника, не один год изучавшего страну. Надо думать, ознакомившись с представленным в записке материалом, Президиум ЦК КПСС неизбежно пришел к выводу: зародившиеся в Польше процессы неконтролируемой, спонтанной активности всех слоев общества требуют более пристального внимания советского руководства, если оно не желает столкнуться с аналогичными явлениями как в своей стране, так и в странах народной демократии.

Разумеется, информирование советского политического руководства не ограничивалось только сообщениями аппарата ЦК КПСС, Комитета информации МИД СССР и других, в том числе специальных и идеологических, учреждений. Собранные об актуальной ситуации в Польше сведения, представленные в ЦК КПСС и МИД, лично Н.С. Хрущеву, позволяли выявить тенденции, характеризовавшие ПНР того времени. Во-первых, многие факты убеждали в том, что в стране утрачена внутренняя стабильность. Политизированные слои общества сверху донизу лихорадила прозвучавшая в Москве критика стали-

низма, И.В. Сталина и его ближайшего окружения, возбуждали назревшие проблемы функционирования политической системы в стране, кризис советско-польских отношений. Во-вторых, ряд бесспорных фактов свидетельствовал об отсутствии единства в верхнем эшелоне ПОРП. В-третьих, усилилась активность тех слоев польского общества, которые по тем или иным причинам были настроены против ПОРП, ее внешней и внутренней политики.

Похожая информация, уже по польским дипломатическим каналам, была сообщена напрямую в МИД СССР. 18 апреля 1956 г. во время встречи заместителя министра иностранных дел СССР В.С. Семенова и польского посла в СССР Вацлава Левиковского последний заявил, что материалы XX съезда КПСС, в том числе касавшиеся И.В. Сталина, пробудили «в кругах польской интеллигенции, и особенно среди работников литературы, ряд нездоровых настроений». Что здесь имелось в виду? Оказывается, в среде польской интеллигенции «делаются попытки атаковать партию с буржуазных позиций, попытки опорочить отдельные стороны жизни Народной Польши», некоторые «ставят вопрос о необходимости созыва чрезвычайного съезда партии, создания в партии фракций и группировок», публиковались статьи, в которых «в извращенном виде показывается новая Польша». Посол поспешил заверить, что принимаются меры для преодоления столь опасных тенденций [1. Оп. 40/1956 г. П. 335. Д. 3. Л. 53].

Для советского посольства в Варшаве одним из источников изучения польского общества была периодическая печать. Когда 10 марта 1956 г. «Trybuna Ludu» опубликовала редакционную статью «О культе личности и его последствиях», посольство сообщило в ЦК КПСС и МИД СССР, что газета «без ведома ЦК ПОРП» опубликовала этот установочный материал. «Неправильная позиция “Трибуны люду” в освещении важнейших политических вопросов особенно проявилась при опубликовании материалов, связанных с XX съездом КПСС [...], – говорится в информации посольства. – В связи с опубликованием этой статьи в ЦК, местные партийные комитеты, в редакцию газеты поступили многочисленные просьбы объяснить, что произошло. Вслед за “Трибуной люду” в польской печати появился ряд статей, в которых под видом борьбы против культа личности протаскивались антипартийные и антисоветские высказывания». Как считало посольство, ведущую роль играли в этом такие издания, как «Przegląd Kulturalny», «Nowa Kultura», «Po prostu», «Życie Warszawy» [2. Д. 169. Л. 106–107]. Одним словом, резко критические по направленности материалы заняли свое место в польской прессе, на радио и телевидении. Многие польские периодические издания стали пользоваться повышенным спросом и буквально расхватывались в газетных киосках. Температура общественной жизни в Польше повышалась, и это хорошо понимали в Кремле и на Старой площади.

Наблюдая функционирование политической системы ПНР, советское посольство еще в конце ноября 1955 г. подготовило для МИД СССР материал о работе Сейма (см. [1. Оп. 39а/1955 г. П. 343. Д. 12. Л. 1–10]), но сообщенная в МИД информация, по-видимому, вскоре устарела. Дело в том, что в газете «Trybuna Ludu» от 12 марта 1956 г. обратили внимание на статью известного польского публициста Ежи Равича «О Сейме», которая инициировала критику польского парламента. В ней говорилось, что, несмотря на специальное постановление Политбюро ЦК ПОРП, указывавшее на серьезные недостатки в работе Сейма и пути их устранения, в работе Сейма мало что изменилось [1.

Оп. 30. Д. 169. Л. 45]. В обсуждение вопроса включились «*Życie Warszawy*», «*Tygodnik Demokratyczny*» и др. Началась дискуссия, встреченная читательскими кругами с неподдельным интересом.

Привлекла внимание советского посольства также очередная сессия Сейма, состоявшаяся 23–28 апреля 1956 г. В день ее открытия премьер-министр Ю. Циранкевич в своем экспозе коснулся ряда актуальных проблем политической жизни страны (в том числе о реабилитации Армии Крайовой). Необычность содержания выступления премьера и последовавшая затем дискуссия, от чего в Сейме давно отвыкли, удивили советских дипломатов. П.К. Пономаренко немедленно распорядился подготовить записку «О некоторых вопросах деятельности Сейма Польской Народной Республики. (Краткая справка)» одновременно в два адреса – В.М. Молотову как шефу советского внешнеполитического ведомства и секретарю ЦК КПСС Д.Т. Шепилову для сведения (см. [2. Оп. 30. Д. 169. Л. 45–69]). В этом материале говорилось, что деятельность польского парламента широко обсуждается на страницах польских центральных газет, причем обращалось внимание на то, что работа парламента и его постоянных комиссий критикуется «за невыполнение функций высшего органа государственной власти в стране» [2. Оп. 30. Д. 169. Л. 45; Оп. 28. Д. 397. Л. 316]. Фактически Сейму приписывалось полное бездействие.

Полной неожиданностью для советских руководителей партии и государства оказались массовые волнения в Познани 28 июня 1956 г. Представления советского посольства об этих исполненных подлинного драматизма событиях формировались на основе разнообразных источников информации, в том числе бесед с польскими партийными деятелями высокого уровня (члены Политбюро и Секретариата, руководители отделов ЦК ПОРП, первые секретари воеводских комитетов партии). Известно также, что в Познань для изучения положения на месте был специально направлен советник посольства Ю.В. Бернов [8. С. 42]. Его наблюдения, безусловно, дополнили сообщения в Москву необходимыми фактами и оценками. Известно также, что советские спецслужбы непосредственно отслеживали развитие событий и даже информировали об их ходе представителей польских спецслужб [9. С. 9]. И все же достоверных документальных источников, отражающих оценки событий в Познани советскими спецслужбами, пока в распоряжении исследователей нет.

29 июня корреспондент ТАСС в Варшаве передал в Москву текст официального сообщения польской печати о волнениях в Познани. Президиум ЦК КПСС в тот же день рассмотрел вопрос «О событиях в Польше», представленный П.Н. Поспеловым. В протокольных записях заседания не зафиксировано ни обсуждение вопроса, ни выступление Поспелова, указано только, что было принято решение опубликовать краткое сообщение в массовой печати [4. С. 145]. 30 июня «Правда» опубликовала его под заголовком «Враждебная провокация империалистической агентуры в Познани». Так советской общественности был навязан идеологический стереотип, согласно которому все зло в европейские страны социалистического лагеря приходит с Запада. Тем же днем датировано постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» [10. 2 VII], в котором волнения в Познани оценивались как инспирированные враждебными западными, «антипольскими» центрами. Именно в таком духе в массовом московском еженедельнике была опубликована «установочная» статья, призванная «ориентировать» советского читателя в драматических событиях [11. С. 3–6]. Анализ материалов пока-

зывает, что сотрудники аппарата ЦК КПСС, занимавшиеся идеологическими вопросами под бдительной опекой М.А. Суслова, стремились выдать желаемое за действительное, а не представить хотя бы приближенную к действительности картину. Н.С. Хрущеву приходилось разговаривать с зарубежными коммунистами о событиях в Познани, например, 10 июля 1956 г. с делегацией Итальянской коммунистической партии. Массовые демонстрации и уличные эксцессы он посчитал восстанием, недостаточно подготовленным враждебными силами, правда, умолчал о вмешательстве регулярных воинских частей (см. [12. С. 86, 90]).

Между тем советское посольство в Варшаве располагало информацией, которая позволяла рассматривать события в Познани под иным углом зрения. Так, заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК ПОРП, кандидат в члены ЦК А. Вэрблян утверждал в беседе с советским дипломатом, что основная причина волнений заключалась в бюрократическом отношении партийных, государственных и профсоюзных представителей к требованиям рабочих («вовремя не разрешали их, даже те, которые можно было немедленно разрешить») [2. Оп. 28. Д. 396. Л. 297–298]. В том же духе о социальных проблемах рабочих Познани высказывался 1-й секретарь воеводского комитета ПОРП в Быдгощи Владыслав Кручек [1. Оп. 40/1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 62–63]. Таким образом, оценка событий советскими верхами разительно не совпадали с сообщениями в средствах массовой информации. В то время, когда в Варшаве работал VII пленум ЦК ПОРП (18–20, 23–28 июля), на котором много времени было уделено анализу причин волнений, газета «Правда» опубликовала передовую статью, в которой говорилось, что враги социализма «не гнушаются никакими провокациями и подрывными ходами, чтобы разобщить социалистические страны, подорвать или, по крайней мере, ослабить их братские связи. Недавние события в Познани показывают, на какие гнусные и грязные провокации идут враги мира и социализма, трубадуры и проводники политики «холодной войны»» [10. 22 VII].

Взгляды советских партийно-государственных верхов на причины волнений в Познани, как это со всей очевидностью вытекает из документов, не соответствовали реальным фактам, что выяснилось в октябре 1956 г. после выступления В. Гомулки, когда он на VIII пленуме ЦК ПОРП заявил, что налицо были чрезвычайно веские социальные причины волнений. «Веслав» (псевдоним Гомулки) реабилитировал массовые выступления в Познани в общественном сознании. Работники «идеологического фронта» на Старой площади принять этого не могли. Сопrotивление правящему режиму в ПНР, выражением которого и были волнения в Познани, объективной оценки в СССР не получили, вольно или невольно породив миф, ориентировавший советское общественное мнение в ложном направлении. Вплоть до рубежа 1980–1990-х годов для советского режима тема массовых выступлений в Познани, будучи идеологически неприемлемой, как предмет исторического изучения не существовала и не находила места в отечественной историографии. События в Познани, однако, опосредованно повлияли на коррекцию польского вектора внешней политики Кремля в тот момент, когда пришлось решать проблему более демократических взаимоотношений СССР со своими союзниками по Восточному блоку, о чем будет сказано ниже.

В первой половине октября 1956 г. в советско-польских межгосударственных и межпартийных отношениях напряженность усиливалась. Конкретных

фактов о недружественных акциях в адрес СССР в сообщениях из Варшавы становилось все больше, они трансформировались в проблемы, требовавшие немедленных политических решений Кремля.

30 сентября 1956 г. из Варшавы пришла зашифрованная телеграмма посольства СССР, сообщавшая об антисоветских высказываниях в польской периодической печати, главным образом в еженедельнике «Po prostu». «Известно, что газета «По prostu» превратилась в трибуну антиправительственных выступлений, – утверждалось в телеграмме. – На страницах этой газеты протаскиваются клеветнические и антисоветские статьи», пропагандируются, противопоставляя Союз польской молодежи руководству ПОРП, «троцкистские тенденции». Более того, в еженедельнике «ставят под сомнение руководящую роль партии в стране, проводят по существу линию на ослабление связей Польши с Советским Союзом». И самое главное: «Вокруг газеты “По prostu” группируются оппортунистические и враждебные элементы» [3. Д. 141. Л. 110–112; 4. С. 963–964]. Располагало ли в то время советское руководство альтернативными оценками польских периодических изданий – неизвестно. Зато известно, что упомянутая в телеграмме негативно заряженная информация сыграла далеко не последнюю роль пресловутой капли, переполнившей чашу терпения Н.С. Хрущева, когда принималось решение о поездке делегации КПСС в Варшаву 19 октября 1956 г. Поступавшая в Кремль и на Старую площадь документация из Польши бесспорно свидетельствовала о нарастании брожения в стране. Политическое руководство особенно беспокоило, что в дискуссии втягивались члены ЦК ПОРП. Как стало известно в Москве, 10 октября 1956 г. на заседании политбюро польской партии произошла словесная перепалка между Э. Охабом и К. Рокоссовским по вопросу отзыва из Войска Польского советских офицеров, занимавших командирские должности. Маршал считал, что повсеместные упреки в их адрес несправедливы [3. Д. 141. Л. 128–130].

Чем больше накапливалось «негативных» фактов, тем больше Н.С. Хрущев и его коллеги укреплялись в мысли, что следует предпринять радикальные и твердые действия для улучшения обстановки в непокорной Польше. Пожалуй, наиболее точное представление о тактической линии советских руководителей в ходе польского кризиса 1956 г. дает пребывание делегации ЦК КПСС в Варшаве 19–20 октября 1956 г. Предыстория визита связана с осмыслением в недрах аппарата ЦК КПСС текущих событий в Польше.

Вероятно, в связи с ожидавшимся 11 сентября кратковременным пребыванием в советской столице Э. Охаба и возможных бесед с ним в Президиум ЦК и лично Н.С. Хрущеву была направлена справка Комитета информации МИД СССР «О положении на идеологическом фронте в Польской Народной Республике», в которой была дана принципиальная оценка текущей ситуации в ПНР, как она виделась аналитикам советского внешнеполитического ведомства: «Развернувшееся после XX съезда КПСС среди польской общественности и в печати обсуждение важнейших вопросов политического и экономического положения в стране в целом приняло нездоровый характер и по существу вылилось во враждебную народно-демократическому строю кампанию» [3. Д. 141. Л. 72]. В информационных материалах, предназначенных для ЦК КПСС, такая оценка встречается неизменно. Как полагали в аппарате МИД СССР, советское политическое руководство наконец-то почувствует реальность того, что в Польше создалась угроза «руководящей роли» ПОРП, что виновницей опасных умонастроений является польская интеллигенция

(журналисты центральных газет и журналов, редакторы издательств, преподаватели высших и средних учебных заведений, работники министерств культуры и просвещения, литераторы), недовольная идеологическим прессом партии. В записке встречаем еще один штамп: «Враждебная кампания против ПОРП и государственного строя тесно переплетается с антисоветской клеветнической пропагандой, имеющей целью бросить тень на Советский Союз, подорвать и опорочить польско-советские отношения» [3. Д. 141. Л. 74]. Понятно, что Н.С. Хрущева, воспитанного в духе классовой политической борьбы и интернационализма, такого характера информация могла только беспокоить. Можно думать, этот важный по своей направленности документ окончательно подтолкнул его на путь пристального контроля за тем, что можно было видеть из информации по польской тематике.

Постепенно у Н.С. Хрущева созрело решение без промедления вмешаться в ход событий. В телефонном разговоре с Э. Охабом 17 октября 1956 г. он поставил вопрос о поездке делегации ЦК КПСС в Варшаву для переговоров, однако услышал твердый отказ. Охаб посчитал вмешательство восточного соседа во внутренние дела Польши недопустимым. С этого момента события в Москве и Варшаве стали развиваться в ускоренном темпе. На следующий день Президиум ЦК принял решение о поездке в Польшу делегации ЦК КПСС и ее персональном составе (Н.С. Хрущев, Л.М. Каганович, А.И. Микоян и В.М. Молотов). Одновременно о задуманном были оповещены руководители «братских партий». Сообщалась причина поездки – многочисленные сигналы по дипломатическим и разведывательным каналам об острых разногласиях в руководящих кругах ПОРП в оценке обстановки в партии и в стране. «Создавшееся положение в руководстве Польской объединенной рабочей партии, – говорится в соответствующем документе, – вызывает у нас тревогу ввиду особого значения положения Польши для лагеря социализма и в особенности для Советского Союза» [13. С. 181]. Следовательно, демарш обосновывался чрезвычайными обстоятельствами, требовавшими немедленного вмешательства. В прямой связи с этим следует рассматривать приведение в боевую готовность частей Северной группы войск по приказу министра обороны СССР маршала Г.К. Жукова, отданному 18 октября. По-видимому, именно в ночь с 18 на 19 октября советская тяжелая техника двинулась в направлении Варшавы.

Рано утром в Варшаву прибыла делегация ЦК КПСС, а через несколько часов открылся VIII пленум ЦК ПОРП. Он кооптировал в свой состав В. Гомулку и трех его единомышленников (чтобы обеспечить численный перевес сторонников реформ в новом составе ЦК и Политбюро), после чего был объявлен временный перерыв в ожидании результатов переговоров. Тем временем в Бельведере (официальной резиденции председателя Государственного Совета Польши) развернулась бурная, ни чем не сдерживаемая дискуссия, во время которой В. Гомулка сумел убедить Н.С. Хрущева распорядиться о том, чтобы марш советских танков был остановлен.

Идеологическая обработка советской общественности относительно того, что происходило в польской столице, продолжалась, но запаздывала. Кроме того, был допущен еще один опрометчивый шаг: 20 октября 1956 г., когда делегация ЦК КПСС уже была на обратном пути в Москву, «Правда» опубликовала статью собственного корреспондента в Варшаве «Антисоциалистические выступления на страницах польской печати» (без подписи). Из текста статьи следовало, что в польской прессе неприкрыто «звучит проповедь отказа от со-

циалистического пути». Советскому читателю, таким образом, внушалось, что в Польше преданы идеалы, за которые боролись целые поколения людей, что там происходит нечто необъяснимое, беспрецедентное, даже опасное для социалистического лагеря. Материал «Правды» уже не мог считаться актуальным, но все же сыграл определенную роль, так как часть польской общественности, ориентированная на стабилизацию польско-советских отношений, восприняла его с неодобрением, точно камень в свой огород. Дело заключалось, однако, в том, что именно таким представлялся образ Польши людям, профессионально занятым в СССР политикой, идеологией и пропагандой. Все это были звенья одной цепи, как и то, что высший советский руководитель проявил мужество и признал, хотя и не публично, ошибочность принятого решения о давлении на Польшу [5. С. 239, 579].

Так был сделан первый реальный шаг на пути стабилизации обстановки в Польше. С другой стороны, визит делегации ЦК КПСС лишний раз свидетельствовал о том, что первоначально Н.С. Хрущев, будучи убежден в беспорности своих суждений, уповал на привычные силовые методы (как бы мы сказали сейчас – побряцать оружием) в отношениях с европейскими странами советского блока. Отрезвление пришло достаточно быстро, и для политиков Советского Союза в практической плоскости встала проблема необходимости более гибкой внешнеполитической тактики применительно к странам социалистического лагеря, учитывающей стремления этих стран к суверенитету, праву на определение собственной политической линии в международных отношениях.

Как быть с Польшей? – так стоял вопрос перед советским руководством после «бельведерской дискуссии». 20 октября 1956 г. в Москве собрался Президиум ЦК КПСС для подведения итогов поездки Н.С. Хрущева и его коллег в Варшаву. На заседании выступили Н.С. Хрущев, А.И. Микоян, В.М. Молотов, Л.М. Каганович, И.С. Конев, Г.К. Жуков. Судя по неформальным записям хода заседания, было принято решение «покончить с тем, что есть в Польше» [4. С. 173]. Что означала эта неясная формула? Вторжение в польскую столицу и разрешение кризиса вооруженным способом? Представляется, однако, что путь силового давления с возможным применением оружия следует исключить по соображениям абсурдности самой идеи как таковой. Скорее имелась в виду общественно-политическая ситуация, осложненная, бесспорно, неудачным, можно сказать – авантюрным решением о марше советских танков, и выбор соответствующей представлениям советского политического руководства тактики. В ходе обмена мнениями подчеркивалось, что реализация решения могла быть отложена при условии оставления маршала К. Рокоссовского в составе Политбюро ЦК ПОРП и в должности министра национальной обороны.

Было принято также решение пригласить в Москву высших партийно-государственных деятелей Болгарии, Венгрии, ГДР, Румынии, Чехословакии и Китая, чтобы совместно проанализировать ситуацию, как она выглядела на тот момент [4. С. 173–174]. Замысел удалось реализовать в усеченном виде – без представителей Венгрии и Румынии.

Между тем близилась кульминация польского кризиса. Вечером 20 октября 1956 г. В. Гомулка выступил на VIII пленуме ЦК ПОРП с программой стабилизации положения в стране. Подавляющим большинством населения она была воспринята с одобрением и надеждой на улучшение социально-экономической и политической ситуации. В Москве же его выступление оценили весьма сдержанно. Заявленная В. Гомулкой необходимость укреплять советско-поль-

ские межгосударственные и межпартийные отношения вызывала удовлетворение, в то же время для советских политиков было ясно, что публиковать его речь в советской печати означало вызвать спонтанную и неконтролируемую реакцию общества.

21 октября 1956 г. Президиум ЦК КПСС дважды собирался для рассмотрения «польской» проблемы. В ходе ее обсуждения Н.С. Хрущев окончательно остановился на решении, зафиксированном в рабочей протокольной записи заседания: «Учитывая обстановку, следует отказаться от вооруженного вмешательства. Проявить терпимость». Все присутствовавшие с этим согласились (подробнее см. [4. С. 174–175]). Тогда же было решено подготовить письмо в ЦК ПОРП о согласии советской стороны отозвать своих советников из Польши, что следует признать важным шагом советского руководства на пути урегулирования советско-польских политических отношений, по крайней мере в тот кризисный момент. Постепенно недоверие к В. Гомулке и его сторонникам сменилась более прагматичным подходом.

Вопрос о танковом марше на Варшаву – стержневой в дискуссии в Бельведере – органично был связан с непростой проблемой пребывания советских войск на польской государственной территории. Проблема эта волновала не только польских руководителей, она выплеснулась на улицы польских городов, горячо обсуждалась повсюду. И с этим советской стороне нельзя было не считаться. На чем основывалась стратегическая линия советских руководителей в этом чрезвычайно существенном для советско-польских отношений вопросе? С одной стороны, Москва опиралась на известные решения послевоенной конференции в Потсдаме, и тем самым легитимность советского военного контингента в Польше как бы не вызывала сомнений, с другой – отдавала себе отчет в моральной и экономической цене пребывания советской армии на чужой территории. В условиях переживавшихся страной реальных экономических трудностей, считал Н.С. Хрущев, СССР не мог позволить себе содержать войска за пределами собственной страны. Впрочем, в тот момент речь шла о возвращении советских танков в места своей постоянной дислокации. Зато когда всеобщая напряженность разрядилась, В. Гомулка, опасавшийся реваншистских устремлений Германии, не возражал, как известно, против пребывания Северной группы советских войск в Польше. По той же причине за оставление в Польше советского военного контингента упорно держались маршалы Г.К. Жуков и И.С. Конев. В декабре 1956 г. проблема была разрешена на двусторонней основе.

Два дня спустя после пленарного заседания ЦК ПОРП Н.С. Хрущев в телефонном разговоре с В. Гомулкой заявил, что согласен с тем, чтобы «партийные и государственные взаимоотношения между СССР и Польшей основывались на принципах, изложенных VIII пленумом ЦК ПОРП» (цит. по [14. С. 234]). Следовательно, после прихода В. Гомулки к руководству партией политика советских партийно-правительственных кругов по отношению к Польше претерпела изменения, по крайней мере формально. Н.С. Хрущев и его «команда» убедились, что Польша остается в пространстве Варшавского договора. В советском руководстве постепенно вызревала мысль о том, что следует публично заявить о своем намерении пересмотреть патерналистские отношения с европейскими социалистическими странами, с Польшей в частности. Практическое воплощение она получила позднее в специальной декларации.

В Кремле и на Старой площади подписанная начальником штаба Объединенных вооруженных сил государств – участников Варшавского договора, генералом армии А.И. Антоновым «Информация о положении в Польше» (по

состоянию на 24.00 ч. 22 октября) позволяла сделать вывод о постепенном спаде напряженности в Польше [3. Д. 142. Л. 191–192]. Исходя из полученных данных, Н.С. Хрущев и другие члены политического руководства расценили полученную информацию как своеобразное выполнение обязательства (принять все меры для успокоения страны), с которым В. Гомулка выступил во время горячих споров в Бельведере.

23 октября 1956 г. Президиум ЦК КПСС вновь вернулся к рассмотрению положения в Польше. Было принято решение не публиковать выступления нового польского лидера на VIII пленуме в советской печати (см. подробнее [4. С. 177]). Президиум считал нецелесообразным, с точки зрения идеологических требований и сложившейся тогда в Советском Союзе внутривластной обстановки¹, ставить общественность страны в известность о реалиях советско-польских отношений. Ведь именно причинам напряженности между ПНР и СССР посвятил значительную часть своей речи В. Гомулка. Соответствующему контролю подверглись полученные из ТАССа и подготовленные для опубликования тексты отчета о работе VIII пленума ЦК ПОРП и программного выступления Гомулки [3. Д. 142. Л. 161–162]. В связи с этим следует указать на характерный момент приоритета идеологии в Советском Союзе: полностью, без каких-либо изъятий выступление В. Гомулки в открытых печатных средствах массовой информации никогда не публиковалось². Многомиллионное население СССР в абсолютном своем большинстве довольно слабо ориентировалось в том, что на самом деле происходило в ПНР, тем более что средства массовой информации под руководством профессиональных идеологов давали искаженную картину польских событий.

На заседании 24 октября 1956 г. Н.С. Хрущев в присутствии партийных и государственных руководителей Болгарии, ГДР и Чехословакии категорически заявил: «У ЦК КПСС сложилось мнение, что в отношениях с Польшей следует избегать нервозности и торопливости. Надо помочь польским товарищам выработать уравновешенную партийную линию и все сделать в интересах того, чтобы связи между Польшей и СССР, а также между Польшей и другими странами народной демократии, снова упрочились» (цит. по [17. С. 60]). Бесспорно, слова советского лидера свидетельствовали о том, что в Москве были сделаны конкретные выводы из успешного визита в польскую столицу и скорректирована политика в отношении Польши.

Поэтому нельзя считать простым совпадением то, что московская «Правда» на следующий день опубликовала заметку собственного корреспондента о выступлении В. Гомулки на многотысячном митинге в Варшаве, состоявшемся 24 октября. Изложение речи сопровождалось значительным цитированием, причем особый акцент был сделан как раз на вопросе о советско-польских отношениях и о необходимости присутствия на польской территории контингента советских вооруженных сил. В том же номере «Правды» опубликован полный текст передовой статьи газеты «Трубуна Ludu» под заголовком «Чистое течение и грязная пена», в которой говорилось об антисоветских заявлениях некоторых польских периодических изданий. 28 октября «Правда» публикует

¹ Имеются в виду национальные и интеллектуальные движения, индивидуальные протестные акции, вызванные в частности XX съездом КПСС (например, просталинские демонстрации в марте 1956 г. в Грузии, резкие критические высказывания на собраниях коллективов предприятий, учреждений и научных институтов и т.п.) (подробнее см. [15]).

² На русском языке опубликовано варшавским издательством «Полония» (см. [16]).

материал, озаглавленный «Из постановления VIII пленума ЦК Польской объединенной рабочей партии “Об актуальных политических и экономических задачах партии”», подготовленный собственным корреспондентом «Правды» в Варшаве [10. 28 X], который в какой-то мере компенсировал нежелание знакомить советского читателя с полным текстом программной речи В. Гомулки на недавно закончившемся пленуме ЦК ПОРП. Теперь в Кремле и на Старой площади специалисты по пропаганде могли сосредоточиться на других идеологических вопросах, требовавших срочного решения. Тем более что советская общественность, в первую очередь творческая и научная интеллигенция, ставили перед властями все новые проблемы.

30 октября 1956 г. в Москве принимается «Декларация Правительства Союза ССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами» [10. 31 X]. В тех конкретных обстоятельствах это был очень важный политический документ, который потенциально мог сыграть практическую роль в улучшении взаимоотношений между социалистическими странами Восточной Европы. Но так не произошло ввиду драматических событий, разыгравшихся в Венгрии и отодвинувших польские проблемы на второй план, а вместе с тем и реализацию идей, заложенных в декларации. Правда, в спешном порядке был подготовлен и уже 17 декабря 1956 г. подписан договор между СССР и ПНР, регламентировавший пребывание советских войск в Польше. Для других европейских социалистических стран он стал прецедентом: в мае 1957 г. был подписан договор о пребывании советских войск в Венгрии, в том же году начались переговоры о выводе советских войск из Румынии.

Политический кризис в Польше удалось преодолеть. 16 ноября 1956 г. «Правда» опубликовала корреспонденцию из Варшавы «Наши страны объединяет союз и дружба» – изложение редакционной статьи газеты «Trybuna Ludu» о пребывании в СССР польской партийно-правительственной делегации для продолжения переговоров. Давая «добро» на публикацию статьи, идеологи со Старой площади хотели подчеркнуть, что благополучно сняты все противоречия, мешавшие взаимоотношениям двух стран. Тем не менее идеологический контроль КПСС по-прежнему сохранялся. Это подтверждается, например, тем фактом, что в конце февраля 1957 г. посольством СССР для министра иностранных дел СССР Д.Т. Шепилова была подготовлена объемистая информационная записка «Об искажении и ревизии марксизма-ленинизма некоторыми философами, историками, журналистами и общественными деятелями на страницах польской печати, в научно-педагогической и исследовательской деятельности» (см. [2. Оп. 30. Д. 229. Л. 19–110]). В ней, в частности, подвергся грубым нападкам журнал ЦК ПОРП «Nowe drogi» за публикацию статьи молодого социолога Ежи Вятра «Кризис интернационализма?», критиковались известный философ-марксист Адам Шафф и «видные сотрудники Института общественных наук при ЦК ПОРП, ставшего наиболее опасным рассадником ревизионизма» [2. Оп. 30. Д. 229. Л. 20].

Общий итог дискуссии в Бельведере и официальных переговоров в Москве в ноябре 1956 г. означал достижение консенсуса, на уровне руководителей правящих партий и государственных руководителей самые важные препятствия, мешавшие добрососедскому развитию взаимоотношений СССР и Польши, снимались. Во-первых, удалось избежать вооруженного столкновения, и советские войска вернулись в места своей постоянной дислокации. В связи с

этим было решено упорядочить вопрос о пребывании советских военных гарнизонов в ПНР и разработать соответствующую правовую базу. Согласно договору, советские войска оставались в Польше ввиду международной конъюнктуры, обязывались уважать польское право и не вмешиваться во внутренние дела страны. Во-вторых, позитивно решился вопрос о советских военных советниках в польских силовых структурах, и сразу же началась его реализация. По данным МИД СССР, к февралю 1958 г. было отозвано 49 советских граждан, работавших при польских органах общественной безопасности, осталось для обеспечения контактов с польской стороной всего пять человек. Из Войска Польского отозвали большинство советских советников, осталось (по просьбе польской стороны) лишь четыре человека [1. Оп. 42/1958 г. П. 363. Д. 16. Л. 3]. В-третьих, был дан импульс подготовке к разрешению довольно болезненного для польской стороны вопроса о компенсации за продажу в СССР польского угля по заниженным ценам. Вскоре он трансформировался в более широкую проблему равноправия советско-польских экономических отношений. Она подробно рассматривалась на двух советско-польских переговорах в Москве 15–18 ноября 1956 г. и 24–25 мая 1957 г. Но это уже самостоятельная тема.

При разработке стратегии и тактики польского вектора восточноевропейской политики советская политическая элита, как это ни покажется парадоксальным, не учитывала социально-экономических, политических и духовных особенностей Польши, и в первую очередь стремления к суверенитету и национальной независимости, которое объясняется историческими и геополитическими условиями существования польского народа. Эти особенности Польши в аналитических разработках аппарата ЦК и внешнеполитического ведомства СССР, создававшихся в целях информирования руководителей партии и государства, находили крайне недостаточное, а подчас и просто неверное отражение, что в конечном счете сказывалось на понимании ментальности поляков, а значит и на эффективности принимавшихся советским руководством политических решений в сфере межгосударственных отношений СССР и ПНР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0122.
2. Российский государственный архив новейшей истории.
3. Архив Президента Российской Федерации.
4. Президиум ЦК КПСС 1954–1964. М., 2003. Т. 1..
5. Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания в 4-х книгах. М., 1999. Кн. 3.
6. Archiwum Akt Nowych. PZPR. KC.
7. Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М., 2002.
8. Бернов Ю.В. Записки дипломата. М., 1995.
9. Ptasiński J. Wydarzenia poznańskie: czerwiec 1956. Warszawa, 1986.
10. Правда. 1956.
11. Современник. К событиям в Познани // Новое время. 1956. № 29.
12. Хрущев Н.С. «У Сталина были моменты просветления». Запись беседы с делегацией Итальянской компартии // Источник. 1994. № 2.
13. СССР и Польша: октябрь 1956-го. Постановления и рабочие записки заседаний Президиума ЦК КПСС // Исторический архив. 1996, № 5–6.
14. Орехов А.М. События 1956 года в Польше и кризис польско-советских отношений // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985): Новое прочтение. М., 1995.
15. Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004.
16. Гомулка В. Речь на VIII Пленуме ЦК ПОРП 20 октября. Варшава, 1956.
17. Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы. М., 1998.

© 2009 г. Е. Ю. РОЖКОВА

СЛОВАЦКАЯ И ВЕНГЕРСКАЯ ДРАМА XIX ВЕКА В АСПЕКТЕ СЛОВАЦКО-ВЕНГЕРСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Словацко-венгерская межлитературная коммуникация, представляющая собой сложную систему контактно-генетических связей и типологических аналогий, обусловлена прежде всего внелитературными факторами (историческими, географическими, общественно-политическими). Литературные и культурные связи между двумя народами были предначертаны сосуществованием словаков и венгров в рамках единого государственного образования с X в. по 1918 г. (сначала Венгерского королевства, затем Габсбургской империи и, наконец, Австро-Венгерской монархии). Множество общих черт на уровне бытовой культуры и особенно фольклора сближало и объединяло два народа, что наиболее ярко проявилось в народной музыке, в устном народном творчестве. Следует отметить, что территория современной Словакии с древних времен представляла собой «мультикультурное» пространство, в котором собственно словацкое население соседствовало с немецкоязычным и венгероязычным. Исторические предпосылки предопределили, с одной стороны, типологические схождения словацкой и венгерской литератур, с другой – контакты между отдельными писателями двух народов.

В истории развития словацко-венгерских литературных отношений типы литературных контактов постоянно видоизменялись. В период Средневековья (X–XIV вв.) в результате приобщения словаков и венгров к западноевропейской латиноязычной письменной культуре приходится говорить о синкретизме литературных традиций. Однако уже в недрах культуры Средневековья начинается процесс дифференциации словацкой и венгерской литератур, что явилось следствием различных языковых основ. Общие для двух народов исторические события, одинаковая социально-политическая ситуация обусловили параллельное развитие словацкой и венгерской литератур в эпоху Ренессанса и барокко. В этот период (XV – середина XVIII в.) преобладают контактно-типологические связи между двумя литературами, проявившиеся, например, в жанре словацкой и венгерской исторической песни, в балладах, в куруцких песнях¹, лиро-эпической стихотворной повести, ренессансной любовной поэзии, а также в барочной дидактико-рефлексивной лирике. Особый

Рожкова Елена Юрьевна – ст. редактор радио «Голос России».

¹ Куруцы – в Венгерском королевстве участники антигабсбургских освободительных движений под руководством И. Тёкёя, Ф. Ракоци II.

интерес в исследовании словацко-венгерских литературных отношений представляет проблема билингвизма. Примером этого явления может служить творчество поэтов эпохи барокко П. Беницкого (1603–1664), Я. Римай (ок. 1570–1631) и Г. Мадача (1590–1647).

С конца XVIII в. в словацкой культуре начинается эпоха, которую принято называть национальным возрождением (1780–1870). Национальное возрождение «представляло собой широкое культурное и политическое движение, имевшее своей основой формирование словацкой нации» [1. С. 58]. Процессы, связанные с воспитанием национального самосознания словаков, с одной стороны, были подготовлены предыдущими поколениями словацких деятелей культуры, с другой – стали частью общего национального подъема народов Центральной Европы, в том числе и венгерского. Культурную парадигму этой эпохи у словаков и венгров составляли категории национального языка, исторической преемственности, политической независимости. Постепенное разобщение народов, причислявших некогда себя к так называемому *natio hungarica*, не могло не привести к политическому столкновению национальных интересов словаков и венгров. Трагическими оказались революционные события 1848–1849 гг., когда, сражаясь за одни и те же идеалы, словаки и венгры выступили в роли антагонистов.

По замечанию словацкого исследователя Д. Дюришина, «общественно-политический фактор... может действовать в интегрирующем направлении и активизировать межлитературные отношения или, напротив, в дифференцирующем и тормозить обмен литературными ценностями» [2. С. 217]. Следует отметить, что события исторической значимости оказали в XIX в. сильное влияние на развитие двух литератур, а также межлитературную коммуникацию. Несмотря на сложный и противоречивый общественно-политический фон той эпохи, словацко-венгерские литературные отношения проявились в ней наиболее ярко и разнообразно.

На раннем этапе словацкого национального возрождения, проходившем в словацкой литературе под знаком просветительского классицизма, классицизма и преромантизма (1780–1836), между двумя литературами продолжает превалировать контактно-типологическая форма связей. Однако активное сотрудничество некоторых представителей словацкой и венгерской интеллигенции в Пеште – общем для двух народов культурном центре той эпохи – способствовало формированию контактных отношений между ними.

Типологические аналогии прослеживаются и в словацком и венгерском романтизме (в Словакии – 1836–1870 гг., в Венгрии – 1825–1849), общие черты которого обнаруживаются в таких явлениях, как влияние фольклора на художественную литературу, близость к народному языку, обращение к национально-освободительной тематике, интерес к истории своего народа, неравномерное развитие жанров (преобладание поэзии). Однако в этой литературной эпохе большое значение приобретают и контактно-типологические отношения между двумя литературами, ярким примером которых является связь творчества словацких поэтов-романтиков с поэзией Ш. Петёфи (1823–1849). Так, например, определенные параллели можно провести между творчеством Ш. Петёфи и словацкого поэта Я. Краля (1822–1876). Помимо схожести мировоззрения, идеологических принципов, в их поэзии просматриваются сходения на уровне тематики, мотивов, образов, архитектоники стиха. Отголоски творчества венгерского поэта слышны в революционно-патриотической ли-

рике Я. Краля: его «Национальная песня» («Krajinská pieseň»), созданная в марте 1848 г., перекликается с «Национальной песней» («Nemzeti dal») Ш. Петёфи, а также со стихотворением «От имени народа» («A nép nevében»). Контактно-генетические отношения прослеживаются и между стихотворением словацкого поэта-романтика Я. Ботто (1829–1881) «Марш (По мотивам Ш. Петёфи)» («Pochod (Ponáska na Petófiho)») и «Национальной песней» венгерского поэта. Ботто переложил каждую строфу венгерского стихотворения близко к оригиналу, изменяя венгерские национальные реалии на словацкие и переадресовав революционные призывы венгерского поэта словакам.

Другим венгерским поэтом-романтиком, чье творчество оказало влияние на словацких литераторов, был Я. Арань (1817–1882), автор многочисленных баллад и лиро-эпических произведений. В литературоведении обычно проводят параллели между поэмой словацкого поэта А. Сладковича «Детван» («Detvan») и поэмой Я. Араня «Толди» («Toldi»), отмечая на основе схожести сюжетных мотивов, образов и художественных приемов наличие контактных отношений между творчеством писателей. Однако обе поэмы были созданы в одно и то же время – в 1847 г., и поскольку доподлинно неизвестно, успел ли Сладкович познакомиться с венгерским произведением, то мы относим эти схождения к разряду контактно-типологических отношений.

Некоторые параллели между словацкой и венгерской литературой прослеживаются и в прозаических жанрах эпохи романтизма. Прежде всего словацких и венгерских писателей объединяет интерес к истории венгерского государства, в состав которого входили и словаки. В этой общей истории словаки и венгры пытаются найти собственные исторические корни. Однако тематическая общность, например, прозы словацкого писателя Я. Калинчака (1822–1871) и венгерской исторической прозы (произведения М. Йошки, Й. Этвеша, М. Йокаи) свидетельствует, скорее, о типологических аналогиях между двумя литературами. Различие между ними состоит в том, что в венгерской литературе уже к середине XIX в. развился жанр исторического романа, а в словацкой историческая проза представлена в основном жанром повести.

Во второй половине XIX в. словацко-венгерские литературные контакты обретают новый характер. Это был период, когда события исторической значимости оказывали особое влияние на культурную жизнь двух народов (усиление политики мадьяризации в словацких землях, ущемление прав словаков во всех сферах общественной жизни, закрытие словацких гимназий и Матицы Словацкой). В кругах словацкой интеллигенции все заметнее наблюдается стремление обособиться от венгерской культуры и литературы. Поэтому в тот период преобладает типологический тип связей между литературами (постепенная смена художественных концепций, медленное угасание романтизма, появление реалистических тенденций). Тем не менее, контактно-типологические отношения можно обнаружить между словацкой и венгерской драматургией, а также в творчестве словацкого поэта, драматурга и переводчика П.О. Гвездослава (1849–1921).

Следует отметить, что в начале XX в. (до 1918 г.) доминируют типологические связи между словацкой и венгерской литературами (типологическое развитие, например, характерно для литературы словацкого и венгерского модернизма). Со сменой исторических реалий в 1918 г. (создание Чехословацкой Республики, в 1920 г. – подписание Трианонского договора) постепенно происходит и смена культурной и литературной парадигм у двух народов, чьи исто-

рические пути расходятся. Литературные связи между ними заметно ослабевают. Спецификой словацко-венгерских литературных отношений в XX в. является отсутствие прямых, контактных связей между двумя литературами и одновременное наличие типологических аналогий.

После краткого экскурса в историю словацко-венгерских литературных связей обратимся к взаимодействию словацкой и венгерской драматургии в XIX в. Отметим, что в драматургии этого периода наиболее ярко проявились контактно-типологические отношения между двумя литературами. Возможно, это связано с тем, что драма представляет собой, с одной стороны, один из родов литературы (наряду с эпикой и лирикой), а с другой – часть театральной культуры, и «основным ее признаком является назначение ее для театрального спектакля» [3. С. 210]. Таким образом, словацкие драматурги имели возможность знакомиться с венгерской драмой не только в книжном, но и в сценическом виде благодаря выступлениям венгерских бродячих трупп на территории современной Словакии, с подмостков городских театров, а с 1837 г. – со сцены Национального театра, открывшегося в Пеште. Словацкий театр на протяжении всего XIX в. существовал в форме любительского театра, что тормозило развитие словацкой драматургии. Тот фактор, что венгерская культура, развивавшаяся хотя и в сложных, но более благоприятных, нежели словацкая, условиях (активнее проходил процесс возрождения национального самосознания, более успешной была борьба за право использования венгерского языка во всех сферах государственной жизни² и т.д.), обусловил более динамичное развитие венгерской драмы. Это в свою очередь предопределило то влияние, которое венгерская драматургия оказывала на словацкую. Однако, по словам И.Г. Неупокоевой, «признание факта влияния отнюдь не означает принижения самобытности литературы, которая это влияние воспринимает. Напротив, интерес к тем художественным завоеваниям другого народа, использование которых может быть полезно литературе данной страны, свидетельствует о широте мысли и кругозора писателя, о его умении не замыкаться в национальную исключительность, видеть перспективы развития родной литературы не в отрыве от мирового литературного процесса, но в органической связи с ним» [4. С. 38].

Итак, в ходе сопоставительного анализа словацкой и венгерской драматургии XIX в. обнаруживаются определенные параллели и схождения. Так, уже в творчестве основоположника словацкой драматургии и национального репертуара Я. Халупки (1791–1871) прослеживаются связи с драматургией венгерской. В 1830 г. он дебютировал сатирическим фарсом «Коцурково, или Как бы нам в дураках не остаться», где изобразил жизнь небольшого словацкого городка, показав ее комические стороны и выведя гротескные типы ремесленников и чиновников. За «Коцурковым» последовало еще несколько комедий и фарсов, тематически связанных с вымышленным провинциальным городком Коцурково. Необходимо отметить, что свои комедии Халупка писал по-чешски, однако в 1870 г. он переписал их на литературный словацкий язык.

² Следует обратить внимание, что словацкий литературный язык был кодифицирован по этому, ученым, общественным деятелем эпохи национального возрождения Л. Штуром (1815–1856) в 1843 г. До этого писатели создавали свои произведения по-чешски или на словакизированном чешском языке. Отсутствие до 1843 г. единой литературной языковой нормы во многом препятствовало развитию словацкой литературы и, в частности, драматургии.

Кроме того, драматург в совершенстве владел венгерским и немецким, и в 1835 г. он издал в Пеште на венгерском языке комедию под названием «*A vén szerelmes, vagy a torházi negy vőlegény*» («Старый любовник, или Четыре жениха Торхази»), что позволило венгерскому исследователю конца XIX в. Й. Байеру в своей работе об истории венгерской драматургии причислить Я. Халупку к венгерским драматургам. Находясь внутри многонациональной, многоязычной культуры, творчество Халупки, с одной стороны, впитало в себя те импульсы и влияния, которые исходили от немецкоязычной и венгероязычной культур, с другой – сохранило оригинальность и самобытность таланта писателя, обращавшегося в своих произведениях к национально-патриотической словацкой тематике. Его творчество органично вписывается в контекст театральной культуры того времени, существовавшей на территории Венгрии, но одновременно содержит в себе черты пробуждающегося словацкого национального самосознания.

Самым популярным венгерским драматургом первой трети XIX в. был К. Кишфалуди (1788–1830), автор первых национальных комедий, приобретших необычайную популярность на венгерской сцене. О том, что Халупка был знаком с произведениями своего венгерского коллеги, свидетельствуют упоминания о нем и реминисценции из его драматургии в немецкоязычном сатирическом романе «Бендегуз, Дьюла Коломпош и Пишта Куртафоринт. Донкихотиада по новой моде. Выдумка и быль» (издан в Лейпциге в 1841 г.), причем все упоминания о венгерском писателе содержат положительную оценку его творчества.

Ввиду отсутствия письменных свидетельств довольно трудно установить, читал ли словацкий драматург комедии своего венгерского современника или видел их на сцене. В произведении Я. Халупки «Коцурково» и комедии К. Кишфалуди «Женихи» (1817) более всего прослеживаются сходства на уровне тематики (языковой вопрос, проблема патриотизма), сюжета (закрученная интрига, счастливый конец), мотивов (выгодное замужество и женитьба), образов (молодые патриоты в качестве героев-резонеров, травестийный образ сапожника-мадьярона в словацкой комедии). Сравнительное исследование текстов Халупки и Кишфалуди не исключает наличия контактных связей, а точнее – некоторого влияния комедий венгерского автора на творчество словацкого, которое, однако, не ставит под сомнение национальную самобытность произведения последнего. Тем более что говорить о непосредственном влиянии произведений Кишфалуди на комедии Халупки следует с большой осторожностью. Будучи искушенными театрами, они ориентировались в своем драматургическом творчестве на общеевропейский литературный и культурный контекст, в рамках которого к началу XIX в. уже оформились типы комедий, устойчивые сюжетные схемы, системы мотивов и характеров. Оба писателя исходят из традиций зарубежной театральной культуры. Нельзя отрицать влияния на Кишфалуди и Халупку произведений таких драматургов, как Мольер и Коцебу. Кроме того, в своем творчестве венгерский и словацкий писатели опирались на традиции религиозной и школьной драмы, интермедий, разыгрываемых школярами и написанных еще в XVII–XVIII вв., а также народного театра и представлений немецких трупп. Типологические аналогии чисто литературного плана можно обнаружить в переходном от эстетики классицизма к романтизму характере произведений двух драматургов (в словацкой комедии, например, о наличии романтических тенденций свидетель-

ствуется так называемая «лесная сцена», изображающая свободолюбивый мир студенчества и разбойников).

Таким образом, прослеживаются контактно-типологические схождения в комедиографии Я. Халупки и К. Кишфалуди. Словацкий драматург как бы вступает в творческий диалог с венгерским современником, в котором, с одной стороны, проявляет свою патриотическую позицию, а с другой – выражает огромное уважение к культуре соседнего народа. Вообще, в изучении сложной структуры межлитературных отношений диалогический подход играет существенную роль, ведь «если компаративистика занимается изучением разного рода сходств между литературными явлениями, то предпосылкой и почвой для возникновения таких сходств и их рассмотрения является наличие диалогических отношений между теми же явлениями» [5. С. 59].

Другую параллель можно провести между словацкой и венгерской исторической драмой XIX в. Существенное отличие в развитии венгерской драматургии от словацкой состоит в том, что, вероятно, под влиянием творчества Шекспира и Шиллера, произведения которых активно переводились на венгерский язык начиная с конца XVIII в., видное место в венгерской национальной драматургии занял жанр трагедии с исторической тематикой. Начало этому положил Й. Катона (1791–1830) своим произведением «Бан Банк»³ (“Bánk bán». 1814, 1819). Написанная в классицистическом духе с элементами сентиментализма, эта историческая трагедия оказала сильное влияние на драматургическое творчество венгерских романтиков, также обратившихся к жанру исторической трагедии в 20–40-е годы XIX в. (К. Кишфалуди, Ш. Кишфалуди, Б. Вираг, Я. Гараи, М. Вёрёшмарти, Й. Гаал, Э. Сиглигети, И. Вагот, Л. Телеки, Л. Тот, Л. Курти, а в 60-е годы – М. Йокаи). В словацкой литературе жанр трагедии вообще и исторической трагедии в частности не получил распространения вплоть до 50–60-х годов XIX в., когда к нему обратились Й. Заборский (1812–1876) и Я. Паларик (1822–1870). В отличие от венгерской культуры словацкие исторические трагедии на сцене не ставились и были известны лишь как книжные произведения.

В эпоху словацкого национального возрождения, в эпоху реформ в Венгрии необходим был поиск собственной национальной идентичности, «культурной памяти о прошлом» (терминология немецкого культуролога Я. Ассмана [6]), свидетельств о «длительности» существования и роли нации в истории, т.е. необходимо было формирование «культурной памяти» народов.

Й. Заборский был одним из тех литераторов, кто в значительной мере способствовал воссозданию словацкой «культурной памяти». Его творчество хронологически совпало с эпохой романтизма в словацкой литературе, однако оно развивалось в острой полемике с романтической эстетикой. Скептически относясь к романтической концепции литературы, Заборский отдает дань эстетике классицизма, что ставит его творчество на периферию литературного процесса того времени. Сложный, неоднозначный стиль Заборского не вписывался в канон словацкой литературы той эпохи, недаром современные литературоведы называют его «классицистическим модернистом» [7. С. 16], творчество которого построено на «аномалиях и парадоксах» [8. С. 87]. Скорее всего, его стиль свидетельствует о кризисном этапе смены художественных концепций, разрушении романтической эстетики.

³ Бан – титул: правитель, наместник, воевода.

В начале 50-х годов XIX в. Заборский пробует свои силы в качестве историка, создавая монументальный труд под названием «История Венгерского королевства от истоков до времени правления Сигизмунда» («Dejiny kráľovstva Uhorského od najstarších do časov Žigmundových»), который явился серьезной теоретической подготовкой к написанию драм с исторической тематикой, ставших первым образцом этого жанра в словацкой литературе. В период с 1858 по 1863 г. Заборский создает большую часть своих исторических пьес, обращаясь к материалу словацкой, венгерской, польской, русской, сербской и хорватской истории. Следует отметить, что все свои исторические драмы Заборский создавал в стихах.

Особенный интерес представляют пьесы Заборского, освещающие вопросы венгерской истории и словацко-венгерских отношений («Последние дни Великой Моравии», «Борьба задунайских словаков», «Арпады», «Битва у Розгановцев», «Фелициан Зах», «Альжбета Лудиековна», «Хуньяди», «Дожа», «Баторичка» и др.). Эти исторические драмы стали ответом Заборского на произведения венгерских драматургов с подобной тематикой. Словацкий писатель, с одной стороны, полемизирует со своими венгерскими коллегами, а с другой – во многом опирается на их достижения в этом жанре, поскольку в словацкой литературе подобной традиции не было. Творчество Заборского тесно связано со словацко-венгерским культурным контекстом того времени, о чем может свидетельствовать отрывок из его письма, где он жалуется на то, что словацкие критики не читали произведения венгерских драматургов и ни у одного из них не возникло мысли сравнить его драмы с венгерскими на подобную тематику (см. [9. S. 301]). Тема истории, таким образом, создала в словацкой и венгерской драматургии общий дискурс, в основе которого находилась национальная идея.

Заборский полемически реагирует на произведения венгерских драматургов, которые созданы в различных художественных концепциях – от классицизма до позднего романтизма. Это свидетельствует о том, что в венгерской литературе ко второй половине XIX в. жанр исторической драмы начинал складываться как литературный канон.

Так, полемика Й. Заборского с венгерскими драматургами развивается по двум модусам. Первый – идеологический – направлен на деконструкцию венгерских стереотипных представлений об истории Венгерского королевства, о зарождении и развитии венгерской государственности, которые черпались из древних легенд (например «Легенда о белом коне»), хроник (хроника Анонима), исторических трудов. Особенно это заметно при сопоставлении драмы Заборского «Последние дни Моравы» и пьесы Й. Гаала (1811–1866) «Святополк» (1839): там, где венгерский драматург использует готовые схемы (Арпад представлен как герой, Святополк – слабым политиком, окруженным предателями), словацкий писатель дает более сложную и неоднозначную картину, приведшую Великую Моравию к поражению в битве при Братиславе в 907 г.

Второй модус – литературный – представлен отказом Заборского от романтического типа исторической трагедии, в которой драматург свободно трактует героев и историю. Таким образом, Заборский противопоставляет правду соответствия фактам и правдоподобие. Действительность для Заборского сама по себе слишком драматична и трагична, поэтому литературному вымыслу он предпочитает максимально точное, основанное на фактах изло-

жение исторических событий в рамках жанра исторической драмы. Примером романтической исторической драмы с уходом от исторических фактов в область литературной фантазии может служить произведение венгерского драматурга Э. Сиглигети (1814–1878) «Вазул» (издана в 1839 г.). К аналогичной тематике (ситуация, сложившаяся в венгерской истории перед кончиной короля Иштвана I) обратился и Заборский в драме «Арпады». В произведении венгерского писателя главный персонаж Вазул представлен как романтический герой, которым управляют страсти. Сама история в драме приобретает лишь некий романтический фон, на котором разворачиваются полные драматизма события. Заборский же стремится в трагедии следовать тем представлениям об исторических событиях, которые он почерпнул либо в документах, либо домыслил сам согласно собственной концепции общей словацко-венгерской истории, изложенной в его историческом труде и публицистике. Тем не менее, как бы словацкий драматург не пытался избежать романтических тенденций, элементы романтизма присутствуют и в его произведении.

Большое внимание уделил Заборский исторической фигуре Матуша Тренчинского (Чака) в драме «Битва у Розгановцев». Это произведение можно сопоставить с неоконченной пьесой венгерского драматурга К. Кишфалуди «Матуш Чак» (1830). Схождения словацкой и венгерской драм проявляются, например, в том, что в них важную роль играют контраст «своего» (идеология патриотизма Матуша Чака) и «чуждого» (иностранная политика при дворе Карла Роберта), мотив предательства, появляются образы «из народа». Однако авторы по-разному интерпретируют одни и те же исторические события, часто применяя прием анахронизма – перенося в прошлое понятия и явления, характерные для XIX в.

Итак, драматургическое творчество Й. Заборского оказалось тесно переплетено с венгерской литературой. Со многими венгерскими пьесами словацкий драматург мог быть знаком (возможно, даже видел их в сценическом варианте), однако не следует забывать, что «контактные связи чаще всего выступают на основе типологической близости... но и их рассмотрение ведет к виткам типологических аналогий...» [10. С. 212]. Таким образом, между словацкой исторической драматургией Заборского и венгерскими историческими трагедиями проявились контактно-типологические связи.

Во второй половине XIX в. словацкая драматургия так и не достигла уровня развития словацкой поэзии, что объясняется не столько отсутствием авторов, сколько скромными возможностями любительского театра. Основной установкой словацкого театрального искусства и драматургии того времени была тесная связь с жизнью народа. В связи с этим в драме важными оказывались не художественно-эстетические функции, а внелитературные: нравственное воспитание и просвещение простого народа. Это достигалось с помощью забавных сюжетов, построенных на закрученной интриге и комедийности положений и призванных увеселять городской и деревенский люд, волновать их чувства, заставляя переживать. Публика любительского театра выдвигала свои условия драматургу: присутствие фольклорных элементов (песен, танцев), отражение каждодневной жизни человека (любовь, интриги, свадьбы, имущественные споры, ненависть, месть и т.д.), ярко выраженные социальные, национальные контрасты (богатые – бедные, патриоты – ренегаты, дети – родители). Лучшими из таких произведений были те, которые сочетали в себе развлекательные элементы с серьезной проблематикой социальной комедии.

Автором подобных пьес был Я. Паларик, продолжавший в своем творчестве традиции драматургии Я. Халупки.

Необходимо отметить, что в 40–60-е годы XIX в. в венгерской литературе и театральной культуре тоже появляется смешанный жанр, сочетающий в себе элементы бурлеска, фарса, музыкальной комедии – так называемая народная музыкальная пьеса («népszínház»), основными чертами которой было отражение жизни народа, усиленный развлекательный момент (народные танцы, песни). Этот жанр возник, с одной стороны, из установок венгерского романтизма (обращение к фольклорным традициям), а с другой – под влиянием запросов публики. Яркие примеры подобного жанра можно обнаружить в творчестве Э. Сиглигети, Й. Гаала и др.

В драматургии этого типа в ходе сопоставительного анализа прослеживаются параллели контактно-типологического характера между произведениями Й. Заборского «Подкидыш» («Najdúch») и политической комедией И. Надя (1810–1845) «Восстановление в должности» («A tisztújítás», 1843), а также народной драмой Э. Сиглигети «Подкидыш» («A lelenc», 1863); между комедией Я. Паларика «Инкогнито» («Inkognito», 1858) и комедией Э. Сиглигети «Лилиомфи» («Liliomfi», 1849), в которых присутствуют черты народных представлений в сочетании с национально значимой проблематикой.

Таким образом, в словацкой и венгерской драматургии середины и второй половины XIX в. наблюдается отход от так называемой высокой драматургии, ориентирующейся на трагедии Шекспира, Шиллера, Гете, в которых литературная, эстетическая составляющая превалирует над театральными установками эпохи, потребностями публики. Однако в начале XX в. к жанру «высокой драмы» в словацкой литературе обращается П.О. Гвездослав, идя наперекор доминирующим тенденциям театральной культуры того времени, отказываясь от традиций словацкой драматургии, заложенных Я. Халупкой и Я. Палариком.

П.О. Гвездослав был ведущим словацким поэтом последней трети XIX в. Его многогранное поэтическое творчество, корнями уходящее в национальный и европейский романтизм, в то же время открыло эпоху реализма в словацкой культуре. Помимо поэзии, привлекали Гвездослава и драматические жанры. Вершиной не только его творчества, но и всей словацкой драматургии того времени стала пятиактовая философская драма «Ирод и Иродиада», которая выходит за рамки национальной литературы, приобщаясь к литературе мировой.

Многие словацкие литературоведы единодушно отмечали связь творчества Гвездослава с литературой других народов. Об этом свидетельствуют его многочисленные переводы произведений Шекспира, Гете, Шиллера, Словацкого, Мицкевича, Пушкина, Лермонтова. Однако освоение Гвездославом достижений мировой литературы шло через контакты с литературой венгерской, которая дала поэту импульс к знакомству и изучению шедевров мировой значимости.

Со школьных лет владея венгерским языком, Гвездослав начал свое поэтическое творчество под влиянием стихов Ш. Петёфи, Я. Араня на венгерском языке. Однако осознав себя словаком, ощутив свое истинное предназначение – творить для словацкого народа на родном языке, поэт не утратил любви к венгерской литературе, о чем свидетельствуют его многочисленные переводы венгерской литературы. В 1912 г. за переводческую деятельность Гвездослав

был избран членом-корреспондентом венгерского литературного общества им. К. Кишфалуди.

Самым значительным переводом Гвездослава с венгерского языка, несомненно, была философская драма И. Мадача (1823–1864) «Трагедия человека» (1859–1860). Словацкий поэт закончил перевод в 1905 г., а через три года – в 1908 – приступил к созданию философской драмы «Ирод и Иродиада». Драма Мадача старше трагедии Гвездослава на полвека. Они принадлежат разным культурам, литературам и даже разным эпохам. Однако есть в произведениях то, что их объединяет: схожая философская позиция авторов, общность жанровых форм (философская драма), мотивов и образов.

Оба писателя обращаются к библейским темам и сюжетам, творчески модифицируя их. Драматургов также объединяет интерес к истории человечества: Гвездослав изображает конкретную историческую ситуацию времен правления Ирода Антипы, Мадач создает философско-символическую историю человечества, однако оба автора с помощью приема параболы пишут о современности. Необходимо отметить, что драматурги отказываются от философской концепции истории Гегеля, пользовавшейся популярностью у романтиков. Вообще, творческий метод создателей словацкой и венгерской драм определить достаточно сложно. Оба поэта творили уже в ту эпоху, когда романтизм в культуре и литературе постепенно сменялся реалистическими тенденциями, что не могло не сказаться на их произведениях.

Следует сказать, что обе драмы и на уровне формы, и на уровне содержания построены на противоречиях и противопоставлениях. В них отражаются самые разные философские идеи, контрасты (толпа – личность, свобода – несвобода и т.д.), которые утяжеляют их структуру, исключают сценическую пластичность и предполагают множественность интерпретаций. Недаром критики называют «Трагедию человека» «полифонической» драмой [11. 175 old.], а о трагедии Гвездослава говорят, что она вызывает впечатление «симфонии» [12. S. 230].

Сопоставительный анализ двух произведений, в ходе которого между ними были обнаружены схождения на тематическом и формальном уровнях, позволяет утверждать, что между драмами существуют контактно-типологические связи. «Трагедия человека» произвела неизгладимое впечатление на словацкого писателя, что, конечно, не сделало его эпигоном Мадача. Это влияние, скорее, духовное, невидимое, чем внешнее. Гвездослав твердо следовал своим убеждениям быть выше политики и предрассудков, ярким доказательством чему стали его перевод «Трагедии человека» на словацкий язык и философская драма «Ирод и Иродиада».

Итак, в результате исторического сосуществования словацкого и венгерского народов в рамках одного государства сложилась определенная система словацко-венгерских межлитературных связей. Общность тенденций драматургии двух народов в XIX в. органично вписывается в совместный культурный и литературный контекст так называемой билитературности, интерференции двух литературных структур. В ходе исследования было обнаружено четыре сферы схождения между словацкой и венгерской драмой XIX в. (комедиография начала XIX в., историческая драматургия, комедиография 40–60-х годов XIX в., философская драма), в которых преобладает контактно-типологический вид литературных связей. С одной стороны, аналогии в словацкой и венгерской драме обуславливаются общественно-типологическими и литера-

турно-типологическими схождениями. С другой – словацкие драматурги, владея венгерским языком, имели возможность напрямую знакомиться с произведениями своих венгерских коллег как в книжном, так и в сценическом виде, что предполагает наличие контактных связей. Однако определенные схождения между творчеством словацких и венгерских авторов XIX в. отнюдь не отрицают творческое, оригинальное начало словацкой драматургии, а, скорее, свидетельствуют о «диалоге» между двумя соседними культурами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Урбанцева Г.* Словацкое национальное возрождение // Словацкая литература. От истоков до конца XIX века. М., 1997.
2. *Дюршшин Д.* Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979.
3. *Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика. М., 1996.
4. *Неупокова И.Г.* Некоторые вопросы изучения взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур // Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. М., 1961.
5. *Эсалнек А.Я.* Компаративистика и диалогизм // Сравнительное литературоведение: теоретический и исторические аспекты. Материалы Международной научной конференции «Сравнительное литературоведение» (V Поспеловские чтения). М., 2003.
6. *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
7. *Šerpan O.* Paradoxy Jonáša Záborského // Biografické štúdie, VIII. Zborník referátov z vedeckej konferencie o Jonášovi Záborskom usporiadanej v Martine 22. – 23. 1. 1976. Martin, 1978.
8. *Bagin A.* Záborský modernista // Biografické štúdie, VIII. Zborník referátov z vedeckej konferencie o Jonášovi Záborskom usporiadanej v Martine 22. – 23. 1. 1976. Martin, 1978.
9. *Lazar E.* Jonáš Záborský. Bratislava, 1956.
10. *Баранов А.И.* Ключевые категории компаративистики и их функции на примере восприятия творчества Ф. Достоевского в Польше // Сравнительное литературоведение: теоретический и исторические аспекты. Материалы Международной научной конференции «Сравнительное литературоведение» (V Поспеловские чтения). М., 2003.
11. Magyar irodalom. 21. századi enciklopédia. Budapest, 2002.
12. *Pašteka J.* Slovenská dramatika v epoche realizmu. Bratislava, 1990.

© 2009 г. А. Ф. НОСКОВА

К ИСТОРИИ ВАРШАВСКОГО ВОССТАНИЯ 1944 года

Восстание, поднятое в Варшаве 1 августа 1944 г. против гитлеровцев и продолжавшееся до 5 октября, составляет героическую и одновременно трагическую страницу истории польского народа. Оно всегда было и остается предметом особого интереса интернационального сообщества историков, но в первую очередь польских ученых. Опубликованы десятки статей и фундаментальных монографий, изданы солидные сборники польских, английских, немецких и советских документов.

Анализируя военно-политические цели организаторов восстания и причины его поражения, исследователи занимают различные, порой прямо противоположные, нередко политизированные позиции. Научные и околонучные дискуссии продолжаются. Актуальным остается введение в научный оборот новых источников. При этом надо отметить, что ученые достаточно единодушно выступают за публикацию в первую очередь документов из архивов РФ, полагая, что там сокрыт ответ на вопросы, относящиеся к политическому контексту восстания. Однако обогатить знания, создать объективную картину того, что происходило в Варшаве, и понять, за какие цели сражались партизаны и ее жители, почему восстание закончилось поражением, можно на основе анализа комплекса различных, а не только советских источников.

В значительной мере такому запросу исследователей отвечает сборник документов, подготовленный коллективом архивистов и ученых России и Польши [1]. Он состоит из документов, хранящихся в Архиве ФСБ РФ и Архиве Института национальной памяти в Варшаве, куда переданы материалы спецслужб ПНР. Документы публикуются параллельно на двух языках – русском и польском, что, несомненно, расширяет возможности использования издания отечественными и зарубежными историками. В научный оборот вводится значительный корпус новых, за редким исключением ранее недоступных немецких, польских и советских документов, которые открывают иной срез истории Варшавского восстания. Поэтому книга, безусловно, займет достойное место в богатой документальной базе восстания.

В многочисленных работах, посвященных этому событию (см., например, [2]), главными действующими лицами, как правило, являлись крупные политические фигуры времени войны, от решений которых зависели судьбы государств

Носкова Альбина Федоровна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

и миллионов людей. Это – Верховный главнокомандующий и председатель Совнаркома СССР И.В. Сталин, премьер-министр Великобритании У. Черчилль, президент США Ф.Д. Рузвельт, а также премьер-министр польского правительства в эмиграции С. Миколайчик, представлявший в антигитлеровской коалиции государственные интересы Польши так, как понимала их польская элита. В новом сборнике документов упоминания этих деятелей единичны.

С повстанческой стороны высокий «уровень» здесь представлен документами, связанными с командующим Армии Крайовой (АК) ген. Т. Бур-Коморовским, заместителем начальника штаба АК ген. Л. Окулицким, командующим повстанцами в Варшаве полковником А. Хрусцелем, командиром группировки «Радослав» АК Я. Мазуркевичем и другими офицерами–участниками восстания. С немецкой стороны – с командующим всеми войсками в Варшаве Э. фон дем Бах-Зелевским, губернатором Варшавского дистрикта Л. Фишером, командующим СС и полиции дистрикта П.О. Гейблем, военным комендантом Варшавы Р. Штагелем, генерал-лейтенантом полиции Г. Рейнефартом. В сборнике публикуются протоколы допросов многих из них советскими и польскими спецслужбами.

Особая ценность издания и профессиональный успех его российских и польских составителей состоит в том, что большинство действующих лиц в книге – это рядовые участники исторического события – поляки-повстанцы и гитлеровцы, находившиеся в Варшаве. Их свидетельства публикуются в двух первых из трех разделов сборника. В названные разделы включены 93 немецких документа (всего в книге 142 различных материала и 7 документальных приложений). Отчеты специальных команд германской полиции безопасности и оперативные донесения разведывательных групп, протоколы допросов пленных повстанцев, завербованных немцами информаторов и агентов из поляков и фольксдойче, показания захваченных восставшими немецких военнослужащих «погружают» читателя в атмосферу восстания. Ситуация воспроизводится такой, какой ее видели повстанцы – с одной стороны, и гитлеровцы – с другой. Становится совершенно ясным понимание интересов Польши теми, кто за нее сражался.

В документах содержится самая разнообразная информация о жестоких боях, о гитлеровских зверствах и карательных операциях, о численности, социальном и возрастном составе повстанцев, о количестве погибших с обеих сторон. Исследователь находит здесь сведения о голоде в городе, о трагическом положении населения, о скверном обеспечении восставших оружием и боеприпасами. Повстанцы говорят о неудачных сбросах самолетами союзников, в том числе советскими, грузов для повстанцев и жителей города и слишком малой помощи от западных партнеров Польши. На последних рядовые поляки до восстания и возлагали главные надежды.

Особый интерес для историков представляют констатации в документах неустойчивости и в целом негативной динамики в настроениях варшавян, польских солдат и офицеров: от национального подъема в первые, успешные дни начала августа 1944 г. к угасанию энтузиазма, по мере того как нацистам удавалось подавлять очаги сопротивления. Рост раздражения, неудовлетворенности, возникновение сомнений в целесообразности борьбы тогда, когда с востока приближается освобождение, – так все чаще поляки и гитлеровцы характеризовали обстановку в городе. Эти свидетельства ни в коей мере не умаляют героизма патриотического порыва поляков, уважительную дань их па-

мяти, но они важны для установления полноты правды о Варшавском восстании и ухода от идеализации и ретуширования любого события прошлого.

Российские и польские составители сборника, отдав предпочтение документам, где звучит «голос» рядовых поляков, вероятно, не ставили специальной задачи публиковать материалы, относящиеся к «высокой» политике, к геополитической стороне истории восстания. Таких материалов опубликовано уже немало и непредвзятый историк, способный противостоять давлению национально-политической конъюнктуры, может сделать объективные выводы или же к ним приблизиться.

Тем не менее, внимательный читатель найдет в новом издании ценные свидетельства ориентации абсолютного большинства повстанцев на правительство в эмиграции. Как показывают документы, политические темы затрагивали многие из взятых гитлеровцами в плен польских офицеров нижних чинов. Настроенные остро антисоветски, они определяли восстание как совместный с западными союзниками отпор большевизму, не скрывали, что задумывалась краткосрочная операция по изгнанию гитлеровцев, призванная показать, что, сражаясь против немцев, Варшава сражается, в первую очередь, против большевиков, что «Польша не подчинится какой-то Ванде Василевской», не допустит вмешательства СССР в судьбу страны [1. С. 194].

Так были настроены и совсем молодые люди. Они предпочитали плен перспективе оказаться в армии генерала С. Берлинга, оперативно подчиненной командованию Красной армии. Как подтверждение можно привести показания, которые 17 сентября дал подпоручик Р. Янковский: «Если бы мне пришлось выбирать между Германией и Россией, я предпочел бы Германию. С большевистскими идеями я никогда не соглашусь [...] Нам всегда говорили, что восстание необходимо, чтобы показать польскую силу и встретить русских у себя дома как хозяева. Если бы русские с этим не согласились, мы должны были даже активно выступить против них. Восстание в первую очередь было направлено против Советов и только потом – против немцев. Дело обернулось таким образом, что АК была вынуждена принять советскую помощь. Продолжение повстанцами восстания – это не что иное, как помощь Советам. Эти причины и сделанные мною выводы привели меня к решению дезертировать из рядов повстанцев» [1. С. 409–410].

Свидетельство подпоручика и другие, подобные, вносят документальную конкретность в дискуссии о том, каков был политический замысел организаторов восстания, кто ответственен за его поражение и гибель людей. В показаниях повстанцев отчетливо прослеживается не только откровенное недоверие и враждебность к восточному соседу Польши. Их острое недовольство направлено и против главной польской союзницы – Великобритании, а претензии адресованы своему правительству, которое, как утверждали повстанцы, не обеспечило постоянные поставки вооружения и продовольствия с Запада.

Материалы сборника содержат небольшую, но важную информацию об участии в восстании отрядов созданной коммунистами Армии Людовой (АЛ). Силы АЛ в Варшаве были значительно скромнее сил АК, и восстание, по словам офицеров АК, было неожиданностью для коммунистов. Между тем, в историографии встречаются утверждения, что призыв к восстанию прозвучал из Москвы. В этом смысле ценными являются показания поляка С. Зембицкого, который был информатором немецкой полиции безопасности и поставлял отчеты о Польской рабочей партии (ППР). На допросе 2 октября 1944 г. он по-

казал: «Не ППР организовала восстание. 1.8.1944 АК самостоятельно начала восстание [...] Целью АК было занять Варшаву раньше большевиков. ППР вынуждена была потом примкнуть к восстанию [...] Воинские части ППР [...] вели боевые действия абсолютно отдельно от АК. Только 9 или 10.8.1944 г. АЛ была вынуждена войти в военное подчинение АК [...] В течение всего периода восстания взаимоотношения АК и АЛ отличались большой напряженностью, которая в последнее время переросла в открытую враждебность» [1. С. 536, 538].

В третий раздел книги включены послевоенные следственные материалы по делам лиц, арестованных органами государственной безопасности СССР и Польши. Условно эти документы можно разделить на три группы: первая – протоколы допросов польских руководителей и участников восстания; вторая – материалы по делам немецких генералов, связанных с восстанием; третья – документы по делам причастных к подавлению восстания в Варшаве бывших советских людей, перешедших на сторону Германии. Материалы раздела, датируются, в основном, 1945–1951 гг. Причем документы публикуются как полностью, так и фрагментарно.

Первая группа документов относится к разным этапам истории Польши: послевоенные, в основном 1945–1946 гг., когда польская власть и специальные войска НКВД проводили «оперативно-чекистские операции» против участников вооруженного подполья и арестовывали тысячи солдат и офицеров АК, и 1949–1951 гг., когда подполье в стране было уже разгромлено, но прошла новая «волна» арестов.

Среди документов, датируемых 1945–1946 гг., можно отметить показания генерала Л. Окулицкого, арестованного контрразведкой Красной армии в конце марта 1945 г. На одном из допросов он показал, что 1 октября 1944 г. не сдался немцам в плен, принял командование АК, вместе с жителями ушел из города, чтобы руководить антикоммунистическим сопротивлением в стране. За это советским судом он был приговорен к длительному сроку заключения. В 1946 г. Л. Окулицкий умер в тюрьме. Прах генерала покоится в мемориальном захоронении жертв политических репрессий на кладбище православного Донского монастыря в Москве.

Значительная часть документов первой группы относится к 1949–1951 гг. Их происхождение связано с массовыми политическими репрессиями в Польше. Польская госбезопасность «вычищала» Войско польское от считавшихся идейно и политически ненадежными довоенных кадров, от офицеров, ранее состоявших в АК или воевавших на западном фронте. Их должности освобождались для советских и молодых польских офицеров из рабочих и крестьян. Арестованные на рубеже 1940–1950-х годов допрашивались в госбезопасности и военной контрразведке. В сборнике публикуются показания офицеров АК: генерала Ф. Германа, полковников Я. Мазуркевича, К. Плюта-Чаховского, Ю. Шостака, капитана А. Курчевского и других.

Информация о восстании, которая сообщалась ими в 1949–1951 гг., совпадает с тем, что показывали в августе–сентябре 1944 г. рядовые повстанцы. Это, несомненно, демонстрирует высокую степень достоверности сведений, содержащихся в документах сборника. Например, А. Курчевский, в 1944 г. офицер корпуса безопасности, после ареста в 1949 г. воспроизводил «картину» абсолютной неподготовленности восстания: «В первых моментах повстанческих сражений сразу замечался полный беспорядок и отсутствие какого-либо

плана действий. Люди из отдельных группировок суетились по всему городу в поисках своих частей. Нехватка военной техники, а самое главное – оружия. Отсутствие приказов сверху. На некоторых участках (командиры. – *А.Н.*) [...] не знали, что делать, а лишь только хотели издавать приказы. Высших офицеров целые массы, приказы, выдаваемые без анализа положения. В штабах полно людей и даже оружия, а на участках один пистолет на 5 человек [...] В этих условиях у сражающихся людей опускались руки, и каждый знал, что допущена большая ошибка: начать восстание со столь слабым вооружением и подготовкой» [1. С. 884]. Такие констатации вызывают у читателя законный вопрос, была ли эта ситуация заблаговременно известна командованию АК и военному министерству польского правительства и сколь объективно политическим руководством Польши расценивалась степень готовности АК к успешным боевым действиям против регулярной немецкой армии?

Историки, несомненно, обратят внимание на включенный в сборник протокол допроса в декабре 1949 г. полковника АК К. Плюта-Чаховского. Он подтверждает уже имеющиеся в историографии сведения о том, что Берлин располагал информацией о подготовке восстания. Но из показаний полковника следует, что командование АК, отдавая приказ о начале восстания, тоже знало, что восстание не будет неожиданностью для немцев, «что немцы ждут этой вспышки, и о ее сроке они проинформированы [...] своими многочисленными агентами» [1. С. 924]. Это признание факта присутствия среди повстанцев немецкой агентуры соотносится со сведениями, имеющимися в первых разделах сборника. Для исследователей они важны не только потому, что такие данные вводятся в научный оборот, пожалуй, впервые, но и потому, что позволяют уточнить общую ситуацию в оккупированной Польше и в движении Сопротивления.

Публикуемые материалы допросов старших офицеров АК содержат конкретную информацию о стратегических целях восстания. Как и рядовые повстанцы в 1944 г., их командиры на рубеже 40–50-х годов XX в. не скрывали, что к началу восстания линия премьер-министра В. Сикорского, заключившего в 1941 г. с СССР договор о взаимодействии в борьбе с Германией, была отброшена, что СССР рассматривался теперь врагом № 1, «угрожающим «захватом» Польши» [1. С. 922]. Подробно на эту тему говорил на допросе в 1951 г. Ю. Шостак: «Если советские войска будут на подходе к Варшаве и [...] войдут в Варшаву, то по политическим предпосылкам было бы полезно, чтобы их встречала не ППР хлебом и солью, и, наоборот, правление, образованное из Лондонской Делегатуры (так в документе. – *А.Н.*), освободившей Варшаву. Для этого следует предупредить вступление советских войск путем начала восстания и, решительно сражаясь, [в течение] 1–3 дней захватить Варшаву» [1. С. 984]. Высокопоставленный офицер утверждал, что уже 2 августа стало ясно, что «принципиально мы борьбу проиграли. Момент неожиданности не принес эффекта [...] сейчас единственным спасением может стать Красная Армия. Если Варшава не будет достаточно быстро взята, повстанцы погибнут [...] Я рассчитывал, что Красная Армия возьмет Варшаву, хотя бы с задержкой в несколько дней. А если эти предсказания нас подвед[ут], то следует сражаться до последнего патрона» [1. С. 990, 992].

Капитан А. Курчевский на допросе говорил то же самое: «Всем было известно, что с момента приближения советских войск Варшава начнет восстание», с целью «[...] торпедировать происки поляков, которые шли с советски-

ми войсками, происки в сторону захвата власти красными» [1. С. 874]. В подтверждение своих слов он ссылаясь на инструкцию командования АК, которая была получена накануне восстания. По словам капитана, в ней разъяснялось, что восстание должно «продемонстрировать перед советскими войсками и ПКНО¹ присутствие Делегатуры и ее органов, а тем самым путем факта захвата Варшавы оказать воздействие на ход переговоров, которые должны были быть проведены с Советской Армией и ПКНО». В случае непризнания польских условий советской стороной АК должна была «возобновить свою подпольную деятельность» [1. С. 940], что и происходило по мере освобождения польских территорий от гитлеровцев в 1944 и 1945 гг.

Таким образом, эти и им подобные свидетельства офицеров АК, рядовых повстанцев и немецкой агентуры, приведенные в сборнике, подтверждают, что восстание имело, прежде всего, антисоветский замысел, который, в свою очередь, соответствовал массовым как антигитлеровским, так и антикоммунистическим настроениям поляков. Документальные материалы убеждают читателя, что восстание в Варшаве было отчаянной, но обреченной на поражение попыткой силой противостоять планам Москвы включить Польшу в сферу своего влияния. Они дают дополнительные аргументы тем историкам, которые считают решение правительства Польши и командования АК о восстании политической ошибкой, поскольку договоренности великих держав о разграничении интересов в Европе уже фактически состоялись. Самостоятельное, несогласованное с союзниками польское решение стоило многих тысяч жизней и разрушенных городов.

Вопрос о доле ответственности за это союзников, и прежде всего СССР, постоянно обсуждается в историографии, но, как правило, без связи с вопросом о цене, которую должны были бы заплатить советские солдаты за неподготовленный штурм Варшавы. В сборнике есть косвенные объяснения позиции советского руководства. В Москве, как известно, уже в августе 1944 г. негативно расценили выступление поляков и отказались от планов масштабной помощи и немедленного взятия города лобовым ударом. Вряд ли Сталин, жесткий и прагматичный политик, посодействовал бы успеху восстания и допустил превращение в партнеров советского руководства тех польских военно-политических деятелей, которые стремились воспрепятствовать реализации его геополитических замыслов в отношении Польши и Восточной Европы в целом.

Несомненный интерес для специалистов по истории Второй мировой войны представляют документы второй группы третьего раздела сборника и приложения – показания, протоколы допросов гитлеровских генералов, протоколы судебных заседаний в послевоенное время, обвинительные заключения, а также некоторые нацистские материалы о восстании, направлявшиеся в 1944 г. из Варшавы вышестоящему командованию. В них имеются неоднократные подтверждения ряда исторических фактов. Нацисты признают, что, благодаря разветвленной агентурной сети в польском движении Сопротивления, они были информированы о польском подполье, им «всегда были известны» намерения и «имена большей части» членов двух (АЛ и АК) основных военно-политических организаций [1. С. 1098]. Они подтверждают, что имелись

¹ ПКНО – Польский комитет национального освобождения.

сведения о подготовке восстания [1. С. 1022, 1024], что еще до его начала Гиммлер «запретил вступать в переговоры с мятежниками» и отдал приказ о массовом уничтожении людей [1. С. 970, 978, 980, 982], что приказ о разрушении города, где «не должно остаться камня на камне», исходил от Гитлера [1. С. 1026, 1054, 1046].

Многие свидетельства гитлеровцев не только способствуют разрешению научно-политических споров, в частности, о виновниках гибели города и его населения, но и уточняют благодаря новым фактам историю гитлеровской оккупации Польши. Например: если в показаниях офицеров АК есть информация, как, когда и кем принималось решение о капитуляции [1. С. 998], и в современной польскоязычной историографии излагается польская версия подписания договора о капитуляции, то в немецких документах процесс сдачи повстанцев в плен описывается победителями. По их словам, 2 октября 1944 г. был подписан «очень исчерпывающий» договор, где оговаривалось: «АК не будет привлекаться к ответственности за деятельность перед восстанием и в период восстания». Генерал П.О. Гейбель показывал: «Я видел генерала “Бур” в этот день, когда его АК шла в немецкий плен в Ожарове. Он прибыл туда со своим штабом на нескольких грузовых машинах и был принят самим ф[он] д[ем] Бахом... Бах рассказывал потом, что он храброму противнику, который один руководил борьбой в каждом из котлов (окружении) и каждый раз избегал конца, уходя в подполье, предложил свободу, ему и господам из его штаба. Однако генерал “Бур” отказался и заявил, что ему надо идти со своими солдатами в плен» [1. С. 1032].

Зафиксированное в договоре согласие гитлеровского командования признать повстанцев военнопленными, подпадающими под действие Женевской конвенции 1929 г., и предложение Бах-Зелевского командованию АК свободы вместо плена находятся в прямом противоречии с нацистской многолетней политикой систематического, массового и зверского истребления поляков. Они выглядят как индульгенция тем, кого оккупанты еще недавно расстреливали даже за брошенный косой взгляд, что может обоснованно расцениваться исследователями как проявление политической заинтересованности нацистов в антисоветских военно-политических силах в Польше в условиях приближавшегося краха Германии.

Интерес ученых должен привлечь «Итоговый отчет губернатора Варшавского округа Л. Фишера генерал-губернатору рейхсминистру д-ру Франку», датированный издателями декабрем 1944 г. На основании личных впечатлений автор излагает предысторию восстания, его ход, подавление, пишет о нескольких неудачных попытках гитлеровцев принудить повстанцев к капитуляции, о переговорах 28 сентября – 2 октября, завершившихся разоружением повстанцев и пленом [1. С. 1108–1118].

Заслуживают внимания оценки Фишером ситуации в Варшаве на 9 августа, когда «стало ясно, что восстание [...] не достигло своей цели. План противника предусматривал изгнание немцев из Варшавы в течение трех дней, причем ставка делалась на неожиданность и измотанность германских частей. Этот план полностью провалился. Только некоторые германские административные учреждения не выдержали широкомасштабного нападения» [1. С. 1106]. Напомним, что именно в этот день С. Миколайчик был принят И.В. Сталиным и просил оказать помощь повстанцам оружием.

Внимательный читатель вряд ли пройдет мимо оценок губернатором военных последствий восстания, сделанных исходя из интересов Германии: «То, что удалось уже на протяжении нескольких месяцев удерживать большевистские армии на восточном берегу Вислы и одновременно подавить крупнейшее в польской истории восстание в Варшаве, является крупнейшим военным достижением [...] бесспорная победа германского оружия [...] Для общего хода боевых действий на Восточном фронте это имело большое значение [...] Если бы большевикам удалось переправиться через Вислу в районе Варшавы и в соответствии со своим планом оттуда нанести удар через Варшаву, то фронт в Восточной Пруссии оказался бы в бедственном положении» [1. С. 1128, 1130].

Как следует из этого и других документов, немецкому командованию был ясен замысел организаторов восстания. По словам Фишера, они ставили «целью свержение германского господства в Варшаве» и «победу до прихода большевизма, чтобы тем самым противостоять Советам как самостоятельная власть, которая добилась освобождения собственными силами». Фишер признавал: восстание имеет «гораздо большее значение» в политическом, чем в военном отношении [1. С. 1130].

Информация высокопоставленных гитлеровцев непременно станет объектом изучения. Часть ее потребует соотнесения с современными знаниями и вряд ли выдержит такую проверку. Историки, пожалуй, не согласятся, что до конца 1942 г. «благодаря бдительности компетентных германских органов [...] подпольное движение удавалось держать под контролем таким образом, что не имела места ни одна достойная упоминания акция», а генерал-губернаторство и вся Варшава были «глубоким мирным тылом» [1. С. 1096]. Сомнительны утверждения, что, поскольку Англия «на самом деле подписала Варшаве смертный приговор», вера поляков в эту союзницу уничтожена, что, не оказав помощи Варшаве, Сталин потерпел поражение, и «поляки теперь твердо поняли», что с востока нельзя ждать «помощи в восстановлении их существовавшего ранее государства» [1. С. 1134]. Известно, что Сталин выступал за восстановление польской государственности и отстоял новые западные границы Польши. Послевоенная зависимость этой страны от Москвы, постепенно сокращаясь, исчезла к началу 1990-х годов, но границы, установленные в 1945 г. благодаря позиции СССР и закрепленные внешнеполитическими усилиями правительства народной Польши в 1950 и 1975 гг., выдержали испытание временем.

Особую группу документов третьего раздела составляют протоколы допросов и фрагменты из показаний бывших советских граждан и военнослужащих Красной армии, арестованных после войны по обвинению в предательстве. Из научной литературы известно, что с повстанцами в Варшаве сражались некоторые подразделения вермахта и войск СС, сформированные из этих людей. Как правило, называются украинская дивизия СС «Галиция» и Русская освободительная армия (РОА) под командованием ген. А.А. Власова. Документы сборника эти сведения не подтверждают, но уточняют, кто же из бывших военнослужащих Красной армии принимал участие в подавлении Варшавского восстания. Советскими следователями в этой связи допрашивались в основном офицеры из бригады СС РОНА (Русской освободительной народной армии) под командованием Б. Каминского, которая с 1942 г. действовала против советских партизан в России и Белоруссии. Летом 1944 г. она была перебазирована к границам Германии. 8–9 августа 1944 г. специально созданный

в бригаде сводный полк численностью 1500 человек был введен гитлеровцами в Варшаву, где находился около 20 дней [1. С. 602, 1084].

Как показал офицер бригады, полк «принимал участие в зверском подавлении восстания польских патриотов в Варшаве [...] Немцы и бойцы бригады Каминского врывались в жилые дома, грабили и убивали дико, бессмысленно женщин, детей и стариков» [1. С. 640, 642]. На допросах нацистские генералы подтверждали, что солдаты РОНА отличались жестокостью и больше грабили и пили, чем воевали, за что полк якобы и был выведен из города, а сам Каминский расстрелян [1. С. 686, 688, 1028, 1136]. Сведения о зверствах, чинимых этими солдатами, имеются и в публикуемых дневниковых записях одного из солдат бригады [1. С. 1074]. В конце 1944 г. командование вермахта передало РОНА в распоряжение ген. Власова.

Согласно опубликованному фрагменту протокола допроса в 1967 г. члена ОУН В. Малаженского, в подавлении восстания принимал участие Украинский легион самообороны, созданный осенью 1943 г. на Волыни специально для борьбы с советскими и польскими партизанами. В сентябре 1944 г. свыше 200 легионеров сдерживали прорыв повстанцев к р. Висле. Весной 1945 г. легион, находившийся на территории Югославии, был влит в дивизию СС «Галиция» [1. С. 1060–1066].

Таким образом, с выходом в свет данного сборника специалисты и заинтересованные читатели получили чрезвычайно ценный документальный источник высокой исторической достоверности. Он будет служить надежной основой для конкретно-исторического анализа и поспособствует закреплению истории Варшавского восстания как предмета научных дискуссий и объективных выводов специалистов.

Весьма солидные, почти безупречные комментарии к упоминаемым в документах лицам и большинству польских и немецких организаций, несомненно, демонстрируют добротное качество научной подготовки сборника. Правда, порой возникают трудности с поиском информации о военных подразделениях, созданных гитлеровцами из бывших советских людей. Читатель ощущает нехватку комментариев на некоторые события, упоминаемые в документах. Требуют объяснения составителями, вероятно недостоверные, агентурные сведения о том, что интеллигенция сбежала из Варшавы, что повстанцы используют труд евреев (док. № 15, 16), что повстанцы боятся украинцев (док. № 48). Каких украинцев и почему боятся? Есть досадные неточности. Например, в комментарии 5 (док. № 142) И. Тито назван членом Коминтерна, хотя он был лишь сотрудником аппарата Коминтерна.

По непонятным причинам не всегда совпадают тексты и порой количество комментариев к польскому и русскому вариантам одного и того же документа (см. док. № 90 комм. 1–2, а также комментарии к примечанию № 3). Случаются и ошибки, скорее всего опечатки, в датах. Например, РОА была создана не в 1945 г., как пишут составители. Она воевала против советских войск уже осенью 1944 г.

Известно, что «власовцы» участвовали в боях на стороне восставших в Праге в мае 1945 г. Необходимо было бы добавить и другой, менее известный факт: чехи не выполнили данного обещания за это участие предоставить им гражданство своей страны и тем самым выдали «власовцев» советским властям.

В целом качественный перевод с немецкого и польского языков на русский язык страдает погрешностями в литературном и, случается, в смысловом отношении. Ориентацию читателей в таком объемном издании затрудняют глухие, малоинформативные заголовки составителей к документам, особенно в их русском варианте. Возможно, это отчасти объясняется однотипностью публикуемых документов: донесения, показания, протоколы допросов. Но когда десятки подряд следующих документов именуется, например, «донесение айнцакоманды такой-то о карательной деятельности» или «показания повстанца такого-то», то тем самым только подчеркивается однотипность документов и создается неверное впечатление об их бедной содержательной стороне.

Высказанные замечания могут быть учтены авторами публикации при ее переиздании, что было бы полезно и необходимо, имея в виду особый интерес в России и других странах к истории Варшавского восстания. Большой и квалифицированный труд, вложенный в сборник документов его составителями, поспособствует пониманию и уважению российским и польским народами общих страниц истории, совместному преодолению нелегких страниц прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Powstanie Warszawskie 1944 w dokumentach z archiwów służb specjalnych. Варшавское восстание 1944 г. в документах из архивов спецслужб. Варшава; М., 2007.
2. *Алексеев В.М.* Варшавское восстание. Варшава в борьбе против гитлеровских захватчиков в 1939–1945. СПб., 1999; Россия в XX веке. Война 1941–1945 годов. Современные подходы. М., 2006; *Ciechomowski J.* Powstanie Warszawskie. Zarys podłoża politycznego i dyplomatycznego. Pułtusk, 2004; *Davies N.* Powstanie '44. Kraków, 2004; *Zavodny J.K.* Powstanie warszawskie w walce i dyplomacji. Warszawa, 2005.

© 2009 г. А. Л. ПОДБОРСКАЯ

ТРУДНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ: СУДЬБЫ ПОЛЬСКИХ ГРАЖДАН В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ (1940–1946 годы)

В ходе пяти депортаций, проведенных в 1940–1941 гг. на только что присоединенных к Советскому Союзу территориях Польского государства, в Красноярском крае оказались тысячи польских граждан. Репрессиям подверглись «социально чуждые» по терминологии того времени слои населения, не исключая детей и престарелых. Длительное время эти люди провели в Сибири в суровых климатических условиях, на принудительных работах и в отрыве от родины. Несмотря на большой интерес к данной теме в отечественной и польской историографии, конкретно-историческая реконструкция пребывания депортированных поляков в Сибири еще далека от завершения. Особая роль в решении этой задачи принадлежит региональным исследованиям, вводящим в оборот материалы местных архивохранилищ. В настоящее время стали доступны многие, ранее не известные документы о жизни спецпоселенцев в Красноярском крае в 1940–1946 гг., что дает основания для более глубокого изучения этой темы.

В результате депортаций 1940–1941 гг., которые охватили восемь из 16 воеводств (Станиславовское, Тернопольское, Львовское, Полесское, Волыньское, Виленское, Белостокское и Новоградское) прекратившей свое существование Польской Республики, переселению подверглись 210 559 бывших ее граждан [1. С. 85]. В официальном делопроизводстве этот контингент именовался «польские осадники¹ и беженцы», но в действительности сюда включались и другие категории ссыльных: представители польской интеллигенции, военные и политические деятели, фабриканты и помещики, офицеры, сотрудники польских спецслужб, полиции, жандармерии, пограничной и лесной стражи, российские белоэмигранты, украинские националисты и деклассированные элементы. 16 997 человек были размещены на территории 33 районов Красноярского края. В их числе значилось 15 538 осадников (проживали в 48 спецпоселках) и 1 459 беженцев (9 спецпоселков) [2. С. 370].

Первыми в марте 1940 г. прибыли осадники. Этот контингент был расселен очень широко: после разгрузки в Красноярске ссыльных из каждого эшелона

Подборская Анастасия Леонидовна – аспирантка РГГУ.

¹ Осадники (польск. *поселенцы*) – вышедшие в отставку солдаты, офицеры польской армии, члены их семей, а также гражданские переселенцы-поляки, получившие после окончания советско-польской войны и позднее земельные наделы на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии, отошедших Польше по Рижскому мирному договору (1921).

отправляли в разные концы необъятного края. Одни попали в Ярцевский район, другие – на Ману (Вилистое), третьи – на Маклаковский лесозавод, четвертые – на золотые рудники Удере́йского и Северо-Енисейского районов (Еленка, Аяхта), пятые – на Знаменский стеклозавод под Красноярском. По данным В. Биргера, осадники прибыли в Красноярский край исключительно из южных воеводств – Львовского, Станиславовского и Тарнопольского.

Вторая депортация, в апреле 1940 г., затронула семьи офицеров и резервистов, расстрелянных в мае 1940 г. Хотя эта волна ссыльных в основном проследовала в Казахстан, в Красноярский край также поступили депортированные из Новгородского воеводства. Одних выгрузили в Ачинске и разместили по колхозам, других довели до Абакана и расселили по деревням Минусинского района.

Третья депортация, в конце мая 1941 г., охватила в основном южные (Станиславовское и Волы́нское) воеводства. В этническом отношении в этом потоке преобладали украинцы. Кроме них, разумеется, были также поляки и евреи. Этих ссыльных распределили главным образом в леспромхозы в Даурском, Большему́ртинском, Казачинском районах.

Следующей стала депортация беженцев, среди которых преобладали евреи, в июне 1940 г. Особенно много их скопилось во Львове. Это были выходцы не только из западной части Польши – зоны германской оккупации, но также из Чехословакии и Австрии. Беженцы были расселены в Тасеево на реке Ангара, в глухой тайге на севере Красноярского края. В репатриационных эшелонных списках по Абакану и Минусинску еврейские семьи составляли 20–25% [3. С. 101–130].

Последняя из депортаций, в конце июня 1941 г., охватила Белостокское, Новгородское и Полесское воеводства. Эшелоны с ссыльными переправляли на Восток уже под бомбежкой. Часть этого потока выгрузили в Хакасии, где людей распределили по степным и предгорным овцесовхозам. Другую часть из Канска, на востоке Красноярского края, отправили в окрестные районы, в частности в Тасеевский.

Контингенты спецпереселенцев-осадников и спецпереселенцев-беженцев различались в национальном, конфессиональном, образовательном, социальном и гендерном планах. В целом, по данным на 1 апреля 1941 г., среди 177 043 спецпоселенцев, о которых имелись сведения по национальной принадлежности, поляки составляли 54.6%, евреи – 33.3, украинцы и белорусы – 10.4, прочие – 1.7%. Среди осадников доля поляков составляла 82.6%, а среди беженцев – 11.4%, доля евреев – соответственно 0.17% и 84.4%, украинцев и белорусов – 15.7% и 2.3% [1. С. 85].

Осадники были в основном сельскими жителями, обычно с невысоким образовательным уровнем. Их выселяли целыми семьями, зачастую многодетными. В отличие от них, беженцы являлись городскими жителями, как правило, более образованными. В этой категории депортированных было гораздо больше семей с одним ребенком, бездетных и одиноких. В числе спецпереселенцев-беженцев находилось 15 тыс. высококвалифицированных специалистов и ремесленников [2. С. 372].

Согласно документам ОТСП (Отдел трудовых и специальных поселений ГУЛАГа НКВД СССР), семьи спецпереселенцев-осадников насчитывали в среднем по пять человек, а спецпереселенцев-беженцев – по три человека. Это означает, что работающий глава семьи осадников имел на иждивении зна-

чительно больше членов семьи, чем глава семьи беженцев. Кроме того, именно дети, самые физически слабые, были наиболее подвержены болезням, которые часто приводили к смертельному исходу.

Беженцы смогли взять с собой на поселение значительно больше денег, драгоценностей, одежды, предметов домашнего обихода, что давало им возможность заниматься меновой торговлей с местным населением и получать таким образом дополнительные продукты питания. Осадники, будучи сельскими жителями, не располагали таким количеством имущества, пользующегося спросом в местах ссылки.

Половозрастная структура контингента ссыльных на 1 апреля 1941 г. выглядела следующим образом: женщины составляли 28,5% от числа сосланных осадников, дети до 16 лет – 43%, среди беженцев их было, соответственно, 34,8% и 26,5% [4. С. 398].

Сразу же по прибытии на места поселения бывшие польские граждане столкнулись с суровыми природными условиями. По словам Я. Замойского, сосланного в возрасте 16 лет в Красноярский край, «пережитый первый шок еще более усугублял чувство отчужденности и постоянной угрозы. Сибирь – это целый континент, и многое зависело от того, куда были заброшены люди» [5. С. 56]. Расселенные по берегам Енисея и его притоков поляки были заняты в основном на лесных работах и в горном деле. Добраться до многих спецпоселков можно было только водным путем в период навигации.

День 30 июля 1941 г. стал поворотным в судьбе сотен тысяч депортированных польских граждан. Премьером Республики Польша в изгнании генералом Владиславом Сикорским и послом СССР в Великобритании Иваном Майским был подписан двусторонний договор, на основании которого советские власти приняли постановление об амнистии для всех лишенных свободы польских граждан. Данное решение вступило в силу 12 августа 1941 г.

Верховный Совет СССР издал постановление об освобождении из тюрем и трудовых лагерей бывших польских граждан, восстановлении польского гражданства освобождаемых лиц и выдаче им паспортов. Это решение обеспечивало каждому амнистированному право бесплатного проезда к новому выбранному до окончания войны месту проживания и материальную помощь во время пути. Люди надеялись на то, что каждый, кто доберется до юга, уедет на родину. Многие предпочитали «умереть от тифа на юге, чем от холода на севере» [6. С. 442].

На выбор решения уехать или же остаться влияли делегации польской военной миссии, которые в поисках пригодных для службы мужчин уговаривали их вместе с семьями бросить работу и насиженные места.

Не производился набор в Алтайском и Красноярском краях, Иркутской, Читинской, Томской, Омской, Кемеровской областях и в северных районах Сибири [7. С. 382]. Причиной этого могло быть нежелание советской стороны лишиться значительного количества рабочей силы.

Случалось, что безответственность офицеров, распространявших ничем не подтвержденные слухи, приводила к тому, что люди оставляли неплохо оплачиваемую работу и уезжали, не подготовившись, буквально в неизвестность [8. С. 106]. Оказалось, что условия на севере, несмотря на множество проблем, все-таки лучше, чем на новых местах. Это подтверждает очевидец событий тех лет Ян Замойский: «В Красноярске нам предложили выбрать район ссылки. Это было очень странно. Южные районы: Ачинский, Минусинский – счи-

тались плодородными и хлебными районами, в северных – преобладала тайга, где можно прокормиться летом. Мы не знали, что выбрать, но нам разъяснили поляки, приехавшие раньше нас. Там, где есть лес, – там проще выжить, так как всегда есть дрова и можно быстро согреться. В южных районах степь и топить надо кизяком, строить из глинобитной массы хижины. Мы выбрали северный район – «Большемуртинский» [9].

Усугубленное приближающейся зимой стремление уехать переродилось в паническое бегство тысяч людей с севера СССР в Центральную Азию, особенно в Алма-Атинскую, Семипалатинскую, Джамбульскую и Южно-Казахстанскую области [6. С. 441]. Местные власти делали все, чтобы удержать рабочую силу [10. S. 12], хотя были случаи, когда, напротив, спецпоселенцев склоняли к отъезду [11. S. 123].

Польское посольство в местах значительного сосредоточения выходцев из Польши организовало комиссии, которые выдавали польские паспорта, подтверждающие польское гражданство, наладили взаимодействие с местными властями. Так называемые делегатуры в Сибири действовали в Челябинске, Красноярске, Алдане, Якутске, Барнауле.

В ноябре–декабре 1941 г. освобождение из трудовых лагерей, колхозов и предприятий было приостановлено. Власти объясняли это трудностями транспортировки в военное время. До декабря 1941 г. в Красноярском крае по разным причинам оставались на принудительных работах на лесоповале, в шахтах и оборонной промышленности около 15 тыс. бывших польских граждан [7. С. 383]. Как правило, они даже не знали об амнистии или о наборе в армию, так как находились в труднодоступных районах Красноярского края.

После визита генерала Сикорского в Москву² отношение к польским гражданам значительно улучшилось. Власти согласились организовать уход за нетрудоспособными в соответствии с советским законодательством (для обеспечения польских домов призрения, детских домов и лечебных заведений были организованы специальные фонды промышленных и продовольственных товаров), обеспечить всех польских граждан необходимыми документами (паспорта, справки об освобождении из лагерей и тюрем и пр.), создать культурные и образовательные учреждения для взрослых и юношества, органы опеки над детьми и сиротами, разрешить прием и складирование гуманитарных грузов, прибывающих для ссыльных из-за границы. Польское правительство обратилось к правительствам США, Канады, Индии и других государств с просьбой организовать постоянные поставки продовольствия, одежды и лекарств. Такая помощь поступала от Американского Красного Креста, Совета американской помощи, Совета католической помощи, еврейских организаций. Объем поставок оценивался в 815 тыс. долларов [12. S. 25].

Всего на советской территории, по воспоминаниям назначенного в сентябре 1941 г. послом Польши в СССР С. Кота, действовало 807 организаций, которые оказывали помощь более чем 300 тыс. польских граждан [12. S. 25]. Делегатуры польского посольства проработали всего год – с 1 февраля 1942 г. по февраль 1943 г. При делегатуре в Красноярске образовалась сеть доверенных лиц посольства в районах края с большим числом польских граждан. В этой

² Визит в Москву премьер-министра польского правительства генерала Сикорского начался 30 ноября 1941 г. 6 декабря он встречался с И.В. Сталиным.

роли выступали «Мешковский, в Абакане – Янишевский, в Минусинске – Плахт, в Черногорске и Усть-Абакане – Ольшевский, в Краснотуранске – Ю.Я. Бонк, в Казачинском – Ю.С. Врублевский» [13. Ф. Р-1330. Оп. 1. Д. 9. Л. 43].

В начале 1942 г. делегатуры стали организовывать учреждения социальной защиты и опеки над детьми. В Сибири было открыто 25 школ, девять детских домов, 31 приют [14. С. 23]. В Красноярском крае находилось три польских детских дома – Мало-Минусинский, Больше-Ербинский и Порожский. В них направлялись дети-сироты, а также дети, родители которых были на фронте или не могли по болезни содержать их. Начали работать дом инвалидов в Абакане, детские сады в Черногорске и Усть-Абакане, школы в Черногорске, Краснотуранске, Усть-Абакане и Бограде, столовые в Козульке, Иннокентьевке, Партизанском, Манском районах, где в леспромхозах работало много польских граждан. Детская столовая размещалась в деревне Пискуновке, где питались 100 детей разного возраста. В Минусинске открылась аптека польского посольства, которой заведовала доктор Соболевская [15. С. 13].

Позитивное отношение советских властей к ссыльным продолжалось недолго, с апреля 1942 г., а особенно после выхода армии ген. Андерса за пределы СССР наступает ужесточение режима. Представитель делегатуры разъяснял обратившимся с вопросами и просьбами: «Для нас, поляков, сейчас создавалась не самая лучшая ситуация. Отношение к Польше и полякам ухудшилось. Наша армия под руководством генерала Андерса передислоцировалась в Иран в силу стратегической и политической необходимости, я даже не знаю, долго ли просуществует наше представительство» [16. С. 298].

16 января 1943 г. правительство СССР вновь лишило спецпоселенцев польского гражданства, признав их советскими гражданами. Отбирались выданные прежде польские паспорта и справки об освобождении из трудовых лагерей. Тот, кто не желал отдавать паспорт, оказывался в тюрьме.

В соответствии с постановлением СНК СССР от 15 января 1943 г., на территории СССР была проведена паспортизация лиц, состоявших ранее в польском гражданстве. По ее итогам, в СССР проживало 257 660 бывших польских граждан (включая 66 718 детей до 16 лет), в том числе 81 217 евреев. По численности бывших польских граждан – 14 199 чел. – Красноярский край занимал четвертое место после Казахской ССР (76 942 чел.), Узбекской ССР (25 416 чел.) и Алтайского края (15 893 чел.) [17. С. 418].

С 1 апреля 1941 г. когда, по данным В.Н. Земскова, в Красноярском крае проживало 16 997 польских граждан, до 3 апреля 1943 г., когда, по данным управления НКГБ³ (из «Справки 2 Управления НКГБ СССР о количестве польских граждан на территории СССР»), их количество составило 14 199 чел., численность контингента в Красноярском крае уменьшилось на 2 798 чел.. В значительной степени это объяснялось смертью спецпоселенцев. По регионам ссылки годовой коэффициент смертности в Красноярском крае был самым высоким, достигая 6,3%. (Новосибирская область – 3,7, Иркутская область – 5,9%) [2. С. 370]. Причина высокой смертности могла быть связана с переводом в 1941 г. части ссыльных, в основном украинцев, в северные райо-

³ Народный комиссариат государственной безопасности СССР. В 1941 г. возглавлял В.Н. Меркулов.

ны на рыбный промысел. Какое-то количество людей переселилось в южные районы и впоследствии отправилось в Иран с армией ген. Андерса.

Во второй половине февраля 1943 г. наступает новый период в советско-польских отношениях: Сталин одобрил создание Союза польских патриотов (СПП) и подготовку к формированию лояльных СССР польских воинских соединений. 25 апреля 1943 г., после поступления информации о «катынском деле», происходит разрыв дипломатических отношений с польским правительством. 8 мая 1943 г. ГКО СССР принял решение о формировании на территории СССР польской пехотной дивизии под командованием З. Берлинга.

Под начало Берлинга пошли люди, которые по разным причинам не попали в армию Андерса. Будущие солдаты дивизии Костюшко понимали, что благодаря службе в армии они освободятся из лагерей, получают больше шансов для вызволения своих семей из Сибири. Солдаты после длительного перерыва услышали проповедь ксендза, что укрепляло их веру в возвращение на Родину к нормальной жизни.

Збигнев Домино так описывает настроения накануне отправки в армию: «Начиная с весны сорок третьего года, почти все польские ссыльные, прежде всего способные носить оружие мужчины, ушли на войну. [...] Важно было то, что они вступают в польскую армию и вместе с ней могут вырваться из этой преисподней. Через армию и фронт светил им слабый огонек надежды на возвращение в Польшу. Даже ценой солдатской жизни и всех связанных с войной невзгод. “Я погибну на фронте, но моя семья вернется”. [...] Другой дороги в Польшу не было. И все польские ссыльные это прекрасно понимали» [16. С. 350].

В Красноярском крае в 1943 г. в Польскую армию было призвано 1 860 чел. (13% всех польских граждан, находившихся на поселении) [18. Ф. 1386. Оп. 4. Д. 71. Л. 79]. Семьям военнослужащих оказывали помощь, они в первую очередь подлежали отправке в южные районы СССР.

11 июня 1944 г. СНК СССР было принято постановление № 854–224с «О частичном переселении поляков». Ответственность за проведение операции возлагалась на Л.П. Берию и А.Н. Косыгина. Как отмечал заместитель начальника Отдела спецпоселений НКВД СССР Малыгин, перемещению подлежали 25 062 чел., в том числе из северных районов Красноярского края – 3 000 чел. Переселение предлагалось провести в августе–сентябре 1944 г., но из-за нехватки транспортных средств, топлива, бюрократических проволочек операция растянулась на более продолжительное время.

Исполнительный комитет Красноярского краевого совета (Исполком крайсовета) от 31 июля 1944 г. принял решение № 030-44, утвердившее план частичного переселения из Красноярского края в области УССР бывших польских граждан. Переселение было намечено из северных районов и первоначально касалось 2 211 чел. Численность подлежавшего отправке контингента все время менялась: 2 200 чел., 2 211 чел., 3 000 чел., 5 269 чел. Из «Плана погрузки переселенцев, бывших польских граждан, из районов Красноярского края» от 15 августа 1944 г. следует, что имелось в виду переместить 3 000 человек из 8 северных районов [13. Ф. Р-2137. Оп. 1. Д. 147. Л. 13].

Отправкой поляков занимался СПП, отделение которого находилось в Красноярске (руководитель – М.Л. Чижевская). СПП собирал сведения обо всех поляках, проживающих на территории Красноярского края. Осенью 1944 г. было принято решение вывозить в Западную Украину семьи тех поляков, кто был призван в 1943 г. в Красную армию, независимо от районов их проживания

ния. По районам командировались представители СПП, занимавшиеся вопросами реэвакуации польских граждан.

Отправке поляков предшествовала большая организационная работа, о чем свидетельствует интенсивная переписка между Исполкомом крайсовета и районными исполкомами. Вся кампания по отправке находилась под контролем Москвы⁴, которая регулярно запрашивала отчеты о ходе проведения мероприятий по подготовке к переселению поляков в южные районы СССР.

До отправки по железной дороге людей еще нужно было доставить гужевым и водным транспортом к 25 августа 1944 г. на станцию Енисей для прохождения санобработки и погрузки в вагоны. Исполком крайсовета обязал начальника обсервационного пункта станции обеспечить польских граждан помещением, произвести санобработку и снабжать питанием в течение 5–6 суток до прибытия транспорта. В решении вопроса питания предписывалось действовать через краевой торговый отдел [13. Ф. Р-2137. Оп. 1. Д. 147. Л. 27].

7 августа в исполнительном комитете районного совета был рассмотрен вопрос о подготовке к отправке польских граждан из Козульского района. Между сотрудниками были распределены следующие обязанности: «Прием и погрузка в вагоны (ответственными назначены начальник милиции и председатель сельсовета); освобождение от работы в колхозах с 15 августа, полный расчет деньгами и натурой до 20 августа и перевозка из колхозов на станцию (ответственным назначен заведующий райземагделом); обеспечение рейсовыми карточками, справками, хлебным пайком на 10 дней вперед и выделение продуктов питания на дорогу в соответствии с нарядом Краевого торгового отдела (ответственным назначена заведующая Краевого торгового отдела); организация горячего питания (ответственный – председатель райпотребсоюза); проведение медосмотра и производство санобработки, снабжение по одной аптечке на каждый вагон (ответственный заведующий районным здравоохранением)» [13. Ф. Р-2137. Оп. 1. Д. 147. Л. 142]. Перечень позволяет реконструировать сложную систему подготовки этой локальной переселенческой операции.

Некоторые руководители просили оставить поляков до весны 1945 г. по двум причинам: выполнение производственного плана и отсутствие необходимого транспорта [13. Ф. Р-2137. Оп. 1. Д. 147. Л. 37]. Действительно, предприятия накануне зимы одновременно лишались значительной части рабочей силы. Например, на золотых приисках Северо-Енисейского и Удерецкого районов работали свыше 300 поляков (примерно 200 семей). Сохранилась телеграмма управляющего «ЕнисейЗолото» в Красноярский крайком партии, в которой он сетует на то, что «уход свыше 300 граждан польской республики, безусловно, отрицательно отразится на производственной деятельности приисков и выполнении плана этого года. Отправить это количество людей за неимением транспортных средств, отсутствием связи не представляется возможным». Управляющий просил отложить отправку поляков до весны 1945 г. [13. Ф. Р-2137. Оп. 1. Д. 147. Л. 38]. Но крайисполком отказал в удовлетворении этого ходатайства, обязав руководителей вывезти поляков осенью 1944 г. во что бы то ни стало.

⁴ Отдел хозяйственного устройства эвакуированного населения СНК РСФСР.

До пристаней людей свозили на гужевом транспорте и машинах. Сохранился документ от 13 сентября 1944 г. о порядке оплаты Тасеевскому автоотряду за перевозку польских граждан (сумма составляла 11 419 рублей 38 копеек). Предписывалось «собрать с колхозников заверенные счета на перевозку поляков от колхоза до ст. Тасеево. На счетах должны быть указаны номера счетов в Госбанке, на которые должны быть перечислены деньги, расстояние перевозок, количество подвод и т.д.» [13. Ф. Р-2137. Оп. 1. Д. 147. Л. 52].

Акция по переселению началась с задержкой и проходила трудно из-за бесчисленных согласований и неразберихи. Эшелоны должны были сформироваться в начале сентября, но на деле получалось так, что люди находились в холодных бараках и даже под открытым небом в ожидании отправки на протяжении сентября и октября. В связи со скоплением людей создавалась напряженная обстановка, возникала опасность эпидемий и социальных взрывов, что побуждало власти предпринять максимум усилий для того, чтобы отправить поляков как можно скорее.

Между тем, расходы по содержанию в местах сосредоточения росли, о чем свидетельствуют цифры выставленных счетов. Согласно одному из них, «все-го бывшие польские граждане занимали помещение в количестве 44 868 человеко-дней, за что был выставлен счет к оплате на 44 868 рублей из расчета по 1 рублю с человека в сутки». Кроме того, «был представлен счет 13 466 рублей за произведенную санобработку в бане, из расчета по 2 рубля с человека, за 6 733 пропущенных человека. А всего счет на 58 334 рубля за расходы, оплата которых не предусмотрена Краевым бюджетом [13. Ф. Р-2137. Оп. 1. Д. 147. Л. 156]. Из этого следует, что 3 793 чел. пробыли в обсервационном пункте ст. Енисей г. Красноярска 12 дней.

У ожидавших на пристанях людей запасы продовольствия, рассчитанные, как правило, на 10 дней, иссякли. Уволившиеся с работы получали ежедневно хлебный паек в размере 300 гр. В преддверии зимы их разместили в холодных казенных бараках. Необходимо было чем-то обогреть помещения, и люди стали выламывать изгороди и заборы. Найдены телеграммы-жалобы заместителю председателя исполкома крайсовета тов. Иванову от заместителя начальника краевого отдела от 26 сентября 1944 г. «Из-за отсутствия топлива, – говорилось в одной из них, – граждане самовольно разрушают завалины барака. Просим вас дать указание горсовету и подвезти кубометров 10–20 дров с четвертого лесозавода» [13. Ф. Р-2137. Оп. 1. Д. 147. Л. 131].

Сохранились и такие отчаянные тексты, как, например, от начальника пункта майора Ратнер: «23 августа прибыл контингент поляков, который был принят пунктом на 4 дня по указанию крайздравотдела. Контингент донныне (22 сентября 1944 г.) находится на пункте, причем, некоторые из контингента уничтожают бараки, используют доски, бревна для топлива. Завалины вокруг здания запасного госпиталя оторваны, запасные двери сломаны, стекла выбиты [...] В основе всего этого – отсутствие хозяина, который мог бы обязать контингент выполнять санитарные требования в бараках и вокруг барачков. Прошу дать указания, кто является ответственным за контингент, так как дальнейшее пребывание контингента невозможно» [13. Ф. Р-2137. Оп. 1. Д. 147. Л. 67].

6 октября 1944 г. начальнику Енисейского речного пароходства сообщалось, что «на пристани Устьит ожидают отправки 700 бывших польских граждан, большинство из коих находится под открытым небом. Проходящие с

низовьев реки Енисей пароходы в Устьит не заходят, и потому с 15 сентября поляки не могут выехать в Красноярск, вследствие чего формирующийся в Красноярске польский эшелон задерживается в отправке на запад. Просим дать срочное распоряжение пароходам, следующим с низовьев Енисея, а также пароходу “Энгельс” об обязательном заходе на пристань Устьит, погрузке всех ожидающих отправки поляков и доставке их в Красноярск на пристань ст. Енисей» [13. Ф. Р-2137. Оп. 1. Д. 147. Л. 52].

Погрузка на борт парохода тоже проходила не без трудностей. И. Яблонская вспоминает об этом так: «Началась погрузка. Люди бросились на пароход, словно дикие звери. Капитан заявил, что возьмет на борт только определенное количество пассажиров. Поэтому в панике люди превращались в зверей. Доходило даже до драки. Одни сталкивали других с мостков в воду. Крики, плач детей, отчаяние матерей, ругань до самого отплытия. В конце концов, команда, видя, что она ничего не может сделать, подняла сходни, и лишь нескольким семьям удалось добраться до парохода на лодке» [19. С. 458].

В ноябре 1944 г. В.В. Чернышов⁵ и М.В. Кузнецов⁶ доложили Л.П. Берии о том, что «переселение бывших польских граждан в соответствии с постановлением СНК СССР № 854-224с от 11 июля 1944 г. из северных и крайне отдаленных южных районов страны на Украину закончено». В итоге из Красноярского края были переселены 3 112 чел. [20. С. 196].

Переселенные поляки были определены на жительство в следующих областях: Николаевской – 4 485, Херсонской – 4 018, Запорожской – 3 287, Днепропетровской – 28 145, Харьковской – 1 980, Одесской – 1 355, Полтавской – 822, Черниговской – 443, Винницкой – 425, Сумской – 210, Каменец-Подольской – 105, Киевской – 1 949 чел. [20. С. 196].

Летом 1945 г. начался заключительный этап пребывания спецпереселенцев в Сибири. В период подготовки к репатриации в 1945 г. количественные данные собирались работниками красноярского Упрособторга⁷ совместно с краевым и районными правлениями СПП. Составлялись поименные списки на выдачу продуктов и промышленных товаров из благотворительных фондов. Для этой цели была проведена проверка количества польских спецпереселенцев. 15 ноября 1945 г. их было 9 441 чел., из них детей до 12 лет – 2 476. Детей в детских домах числилось 446 чел., инвалидов – 114 чел. [15. С. 33]. В сравнении с данными от 3 апреля 1943 г. (14 199 человек), численность польских граждан уменьшилась к 15 ноября 1945 г. на 4 758 человек.

В связи с окончанием военных действий в Европе 6 июля 1945 г. между Польшей и СССР было подписано соглашение о праве поляков и евреев, которые имели до 17 сентября 1939 г. польское гражданство, отказаться от советского гражданства и уехать в Польшу.

Областные и районные правления и ячейки СПП развернули деятельность, направленную на возвращение польского населения из СССР на родину. Начал действовать репатриационный фонд, возвращающимся предоставлялась материальная помощь.

⁵ В.В. Чернышев – начальник ГУЛАГа НКВД СССР (18.02.39–26.02.41); заместитель наркома (министра) внутренних дел СССР (26.02.41–12.09.52)

⁶ М.В. Кузнецов – начальник Отдела спецпоселений НКВД.

⁷ Управление особой торговли по снабжению польского населения создано при Наркомате торговли СССР в мае 1943 г.

Беспокойство вызывала процедура оптации – необходимость доказывать свое прежнее польское гражданство с помощью польских документов или соответствующих пометок в удостоверениях личности, сделанных советскими властями. Значительная часть депортированных не имела таких документов, поскольку они были изъяты. Дети, депортированные до 1940 г. и в 1945–1946 гг. ставшие уже взрослыми, также не имели требуемых документов. Подтвердить польское гражданство этих лиц могли лишь свидетели.

Для более четкого выполнения соглашения была создана польско-советская комиссия по вопросам репатриации. Комиссия состояла из шести человек. Польскую сторону представляли Г. Вольпе, А. Юшкевич, Я. Кучиньский, а советскую – А. Александров, Т. Прокофьев и полковник Ю. Антипов [7. С. 387]. Комиссия назначила более 100 уполномоченных по вопросам репатриации, которые работали на местах и в пограничных пунктах. Весь процесс репатриации должен был закончиться до конца 1945 г., но этот срок оказался нереальным и его продлили до 17 июля 1946 г. Председателем комиссии в Красноярском крае был назначен С.А. Агнетов – заместитель председателя исполкома крайсовета. По составленным спискам определялись места формирования эшелонов и их отправки. Списки заверялись местным правлением СПП и утверждались на заседаниях комиссии по репатриации.

18 июля 1945 г. в № 26 газеты «Свободная Польша»⁸ была напечатана статья, в которой разъяснялись пункты договора и особо подчеркивалась необходимость информирования о праве сменить гражданство и выехать в Польшу. В статье также сообщалось о том, что «лицам, выезжающим в Польшу, предоставляется право взять с собой личного имущества, не превышающего 2 тонн на семью из сельской местности, и 1 тонны для городской местности». Разрешалось иметь с собой «наличными до 1 000 золотых или 1 000 рублей» (цит. по [15. С. 34]).

Выезжающим полякам оказывалась материальная помощь, которая обеспечивалась из грузов ЮНРРА⁹ – товаров, выделенных польским правительством национального единства для снабжения репатрируемых в Польшу, из благотворительных фондов и фондов централизованного снабжения поляков правительством СССР. Распределение проходило в два этапа: 65% всех имеющихся грузов подлежали выдаче осенью 1945 г., а 35% были оставлены на базе для выдачи их в момент формирования эшелонов.

Отправка из Красноярского края организовывалась с четырех железнодорожных станций: Абакана, Ачинска, Ужура и Красноярска. На станциях формировали железнодорожные составы, туда подвозили людей, которые в большинстве своем проживали в колхозах и на труднодоступных лесных участках. Репатриантам было выдано более 100 000 рублей от красноярского крайсовета и 350 000 рублей от фонда репатриации краевого правления СПП [13. Ф. Р-1330. Оп. 1. Д. 6. Л. 48].

Отправка поляков на родину проводилась в согласованное с польским правительством весной, так как зимой невозможно было доставить всех желающих к узловым железнодорожным станциям. С 15 марта по 17 апреля 1946 г. из края было отправлено шесть эшелонов: со ст. Абакан: 15 марта 1946 г. –

⁸ С 1943 по 1945 г. главным редактором была Ванда Василевская. Издавалась в СССР.

⁹ ЮНРРА (UNRRA, Администрация помощи и восстановления Организации Объединенных Наций).

1 404 чел.; 27 марта 1946 г. – 1 698 чел.; ст. Ужур: 24 марта 1946 г. – 1 836 чел.; ст. Ачинск: 29 марта 1946 г. – 1 858 чел.; ст. Красноярск: 10 апреля 1946 г. – 1 692 чел.; 17 апреля 1946 г. – 947 чел [13. Ф. Р-1330. Оп. 1. Д. 6. Л. 48]. Всего, таким образом, репатрировано 9 435 чел. В апреле отправка в Польшу была завершена: к тому времени из Красноярского края выехало большинство польских граждан, депортированных в 1940–1941 гг.

Еженедельник «Wolna Polska» 15 августа 1946 г. сообщил следующее: «Все те, кто подал оптационное прошение в предусмотренные сроки, как положено, уже дома. Репатриация не коснулась лишь нескольких сот человек, которые в предусмотренные соглашением сроки не подали оптационное прошение, так как сами для себя не решили этот вопрос». Сообщалось также, что из СССР на родину вернулись 244 тыс. человек [7. С. 387].

Те, кто не смог отправиться сразу, позднее старались в индивидуальном порядке выехать в Польшу. Часть из них выехала туда до 1949 г., другие ждали третью официальную репатриацию 1955–1956 гг.

Преодолевшим все трудности спецпоселения предстояло вернуться на новообразованные территории УССР и БССР, но не в свои родные деревни и села.

Судьба польских граждан во многом зависела от советско-польских отношений, которые в 1939–1946 гг. пережили несколько кардинальных поворотов, определявшихся международной, в том числе военной, ситуацией. В период потепления этих отношений спецпоселенцы получили амнистию, гуманитарную помощь и свободу передвижения. Тысячам людей суждено было стать заложниками международной ситуации. В конечном счете, депортация поляков вглубь СССР внесла заметный вклад в решение поставленной советскими властями задачи по изменению национального состава новых приграничных территорий.

На процесс адаптации, по свидетельствам очевидцев, влияли два основных фактора. Первый определялся объективными условиями ссылки – природно-климатическими условиями, местом работы, социокультурным окружением. Второй фактор состоял в морально-психологических и физических способностях конкретных людей принимать решения. На это влияли возраст, состояние здоровья, уровень образованности. Выживание ссыльных зависело от сочетания этих двух факторов.

Принудительное переселение в Сибирь обернулось экстремальными переживаниями, вызвало кардинальное изменение привычного уклада жизни и социальную маргинализацию, которую многие люди смогли преодолеть лишь спустя годы. В ходе массового освобождения из спецпоселений стало совершенно очевидно, что большая часть депортированных покинет места ссылки. Лишь десятая часть контингента осталась в Сибири – чаще всего это люди, которым некуда было ехать, или те, кто создал в Красноярском крае смешанные семьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР в 1930–1960 гг. М., 2003.
2. Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в Сибири 1940–1941 гг. // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002.
3. Биргер В.С. Обзор ссыльных потоков // Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Красноярск, 2004. Т. 1.

4. *Цесельский С.* Сибирь периода Второй мировой войны глазами польских ссыльных // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002.
5. *Zamojski J.* Miejsca postoju. Warszawa, 1989.
6. *Боцковский Д.* «К земле обетованной»: Эксodus польского населения с севера СССР осенью 1941 года // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002.
7. *Жаронь П.* Депортация польского населения в Сибирь (1940–1941) и репатриация на родину (1945–1949) // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002.
8. *Grinberg H.* Dzieci Syjonu. Warszawa, 1996.
9. Из интервью с Я. Замойским от 27 июля 2007 г. Личный архив автора.
10. *Glowacki A.* Dla kogo «amnestia» w 1941 r. // My Sibiracy. Lodz, 1995. № 6.
11. *Kot S.* Rozmowy z Kremlem. Londyn, 1959.
12. Pomoc Amerykanskiego Czerwonego Krzyża dla ludności polskiej w ZSRP // *Kot S.* Listy s Rosji do gen. Sikorskiego. Londyn, 1956.
13. Государственный архив Красноярского края (ГАКК).
14. *Trela E.* Edukacja dzieci polskich w ZSRP w latach 1941–1946. Warszawa, 1983.
15. *Улейская Т.А.* Польские благотворительные учреждения в Красноярском крае в 1942–1946 гг. // Поляки на Енисее. Красноярск, 2005.
16. *Домино З.* Польская Сибириада. М., 2006.
17. История сталинского ГУлага. Собрание документов в семи томах. М., 2004. Т. 5.
18. Государственный архив Российской Федерации.
19. *Гловацкий А.* Начало возвращения на родину. Переселение части польских ссыльных из Восточной Сибири в Поволжье в 1944 г. // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002.
20. *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995.

Власть—общество—реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006. 442 с.

Работа, как отмечено в предисловии, была подготовлена к семидесятилетию доктора философских наук, профессора Ю.С. Новопашина – многолетнего заведующего отделом современной истории и социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. Все сотрудники отдела в той или иной мере занимаются исследованием эксперимента со строительством в странах региона социалистического общества. Многие из них оценивают это завершившееся неудачей явление как одно из наиболее значимых событий в истории восточноевропейских государств минувшего столетия.

Внимание исследователей в значительной степени продолжают привлекать проблемы антикоммунистических революций 1989–1991 гг. Они видят в них не только неизбежное следствие несостоятельности марксистско-ленинской теории, но и невозможность реформировать то государство, которое было создано по рецептам данной теории. Вместе с тем восточно-европейский так называемый «реальный социализм» просуществовал почти полвека. И, разумеется, в этом регионе революционная ситуация с характерными для нее массовыми антиправительственными действиями существовала не всегда. Причина заключалась в том, что власть, ощущая постоянное латентное недовольство общества режимом, была вынуждена идти на частичные социально-экономические реформы. Без эволюционного «подновле-

ния» государственных и общественных структур эта, по словам отечественных историков, «утопия у власти» лишилась бы последней гораздо раньше. Как представляется, исходя именно из этого факта, в качестве предмета научного анализа было взято применительно к соответствующим странам соотношение «власть—общество—реформы».

Содержание труда охватывает период от окончания Второй мировой войны и возникновения в Восточной Европе «народно-демократических» государств до крушения режимов «реального социализма» и попыток новых властей возродить подлинную демократию, радикально отказавшись от прежней советской авторитарной модели. В первой главе, написанной В.В. Марьиной, «Народная демократия»: теория и практика» рассматривается тип режима, установленного в восточноевропейских странах в послевоенные годы. Он был разработан в теории еще в недрах Коминтерна, а затем частично испытан в Испании в 1930-е годы и Прибалтике в 1940–1941 гг. Автор убедительно обосновывает свою позицию, заключающуюся в том, что установленный в этих странах режим являлся не оригинальным, отличным от демократий западного и советского образца (эта версия развития событий существует в историографии), а был задуман и реализован как переходный на пути к созданию социалистического строя советского типа.

Вторая глава «Трансформационные процессы в Болгарии 1944–1990 гг.: пере-

ход к социализму по советскому образцу и поворот к европейской модели развития», подготовленной Е.В. Валевой, начинается с анализа характера восстания 9 сентября 1944 г., организованного коммунистами, которое под прикрытием вошедших накануне в Болгарию советских войск, стало простым захватом власти. Завладев рычагами государственного управления, они, как и в других странах, заявили о планах реализации некой «национальной модели», которая должна была отличаться от существующей советской. Между тем эти «теории» не мешали болгарским коммунистам сразу же приступить к обеспечению собственной политической монополии большевистскими методами, дискредитируя вчерашних союзников по антифашистской борьбе, «расселяя» их по тюрьмам и уничтожая физически. В этом они оказались примерными учениками советского партийно-чекистского руководства и первыми в Восточной Европе.

Автор третьей главы «Венгерский опыт соотношения революции и реформ второй половины XX века» Б.И. Желицки начинает ее с анализа концепции постепенных преобразований в сфере народного хозяйства, получивших позднее название «реформ Имре Надя» – по имени их инициатора, бывшего недолгое время после смерти Сталина премьер-министром Венгрии. Эта концепция вызвала ожесточенное сопротивление со стороны Ракоши и его консервативного окружения, поддержанного хрущевским руководством, и процесс реформ, только начавшись, захлебнулся. Итогом данного «попятного движения», как верно отмечает автор, стали антиракошистские народные выступления осенью 1956 г. в Будапеште и других городах, подавленные советскими танками. Это восстание народа было названо Москвой и коммунистической верхушкой Венгерской народной республики – Я. Кадаром, Ф. Мюннихом, П. Лошонци и другими – «вылазкой внутренней контрреволюции и международной реакции», а И. Надь объявлен ее вдохновителем. Вероятно, в связи с этим к его реформаторским идеям никто в СССР с тех пор не проявлял интереса даже в исследовательском плане. Б. Же-

лицки своей работой существенно восполнил очевидный пробел, существовавший в отечественной историографии венгерской истории.

Четвертая глава, написанная О.Н. Майоровой, называется «Треть века польских реформ (1956–1989): от попыток либерализации социализма до “шоковой терапии”» и показывает, как польское коммунистическое руководство на протяжении многих лет пыталось перманентно реформировать режим «народной демократии». Следуя за авторским анализом, можно понять, что либерализм ПОРП имел почти программный характер и шел значительно дальше, чем в других странах «восточного блока», но, однако, и он не смог спасти в итоге эту партию от краха. Вместе с тем, либеральные идеи видоизменили в Польше государственные советского типа в сторону ее существенного смягчения во взаимоотношениях с обществом. Польский коммунистический либерализм дал толчок появлению в ПНР на рубеже 70–80-х годов XX в. организованного массового рабочего движения антикоммунистической направленности, не возникшего больше ни в одной восточноевропейской стране.

Особый блок составляют тематически близкие пятая и шестая главы, авторы которых попытались осветить проблему «власть–общество–реформы» на примере решения национального вопроса в двух федеративных государствах региона – ЧССР и СФРЮ. В пятой главе Э.Г. Задорожнюк, названной «Почему не устояло единое чехословацкое государство», на большом фактическом материале показано как игнорирование либо умышленное замалчивание нерешенности национального вопроса (в данном случае «словацкого») вело к тяжелым для целостности государства последствиям. Так произошло сразу после «бархатной» революции: демократические процедуры нередко использовались рядом ведущих чешских и словацких политиков для обострения вопроса государственно-правового урегулирования двусторонних отношений. Каждая из сторон имела свои представления о статусе и перспективах чехословацкой государственности, а отсюда и разные концепции решения

вопроса о взаимоотношениях двух родственных народов, которые их властным элитам не удалось согласовать. Многочисленные материалы, в том числе и архивные, использованные автором, свидетельствуют о том, что общество и властные структуры тоже демонстрировали тенденцию к расколу на чешскую и словацкую части, выявив в условиях перехода к демократии свой негативный потенциал, приведший к распаду единого государства.

Немало нового о народах Югославии во времена титовской федерации и после ее распада обнаружит читатель в шестой главе К.В. Никифорова «Югославский эксперимент». В центре исследования анализ усилий властных элит по решению сложнейшего для этой страны национального вопроса, поиска баланса между национальным и интернациональным. Можно согласиться с выводом автора о том, что «утопия у власти» так извратила межнациональные отношения и так усердно вытоптала ростки гражданского общества, что на этом фоне для народов Югославии даже национализм стал казаться более привлекательным, чем социалистический коллективизм. В отличие от национальной, классово-интернационалистская идея не стала интегрирующей. В начале послевоенного периода югославским народам удалось навязать эту коммунистическую идею в ее ленинско-сталинской трактовке, но с течением времени становилось ясно, что новая идеология ведет к еще большему дефициту национальной идентичности. Маятник, как верно замечает Никифоров, не только качнулся в другую сторону, но и дошел до противоположного края: национальный вакуум оказался заполненным радикальным национализмом. «Братство и единство югославских народов» периода Тито закончилось этногражданскими войнами и появлением на территории бывшей СФРЮ враждующих государств, а югославский эксперимент по созданию нового строя в очередной раз доказал невозможность принципиального реформи-

вания «реального социализма», даже в его весьма либеральном югославском варианте.

Наконец, в последней, седьмой главе «Социокультурная динамика общественных трансформаций середины и конца XX века», автором которой является Н.В. Коровицына, проводится мысль о том, что анализ проблемы «власть—общество—реформы» будет неполным, если ограничиться только рассмотрением ее политико-государственной составляющей, в том числе властных решений. В то же время, если подобные решения игнорируют позиции авторитетных общественных сил, они оказываются недолговечными. Ответственные за принятие решений во властно-управленческой вертикали и горизонтальные общественные структуры должны обязательно учитывать исторические и национальные традиции, культурный, поколенческий и семейный контекст. В противном случае социокультурные подвижки постепенно будут подтачивать государственную и общественную стабильность, подпитывать оппозиционное реформаторство и леворадикальные настроения.

Все сказанное о рассматриваемой монографии не исчерпывает ее содержания, которое значительно богаче. Как и во всякой творческой работе, в ней можно найти отдельные недочеты, с чем-то поспорить. Но основная концепция монографии не вызывает возражений. Нет в работе и фактических ошибок. Можно сказать, что в академической историографии появилось во многом оригинальное, новаторское по характеру исследование, написанное хорошим литературным языком, добротное отредактированное. Представляется уместным и приложением, посвященное 70-летию проф. Ю.С. Новопашина — инициатора подготовки коллективного труда и автора многочисленных научных и публицистических работ.

J. PEŠEK a kol. Kapitoly najnovších slovenských dejín. K 70 narodeninám Michala Barnovského. Bratislava, 2006. 320 S.

Я. ПЕШЕК и кол. По страницам новейшей словацкой истории. К семидесятилетию Михала Барновского.

Совместная работа словацких и чешских историков, приуроченная к юбилею М. Барновского, не может не привлечь внимания российских (и не только российских!) историков-славистов.

Причина этого, конечно, прежде всего, в личности самого юбиляра. Его многочисленные труды по широкому кругу проблем послевоенного развития Словакии, основанные на тщательном анализе архивных источников, широко известны исследователям Москвы, Петербурга и многих других городов РФ, а также Украины и Белоруссии – везде, где в университетах существуют кафедры южных и западных славян. Наряду с этим, так сказать, «личностным фактором», нельзя не видеть и другой причины интереса историков, занимающихся проблемами новейшей истории, к изданной книге. Труд, в создании которого приняли участие девятнадцать ведущих авторов из различных научных и учебных центров Братиславы, Праги, Кошице, Брно, Нитры, Баньской Быстрицы, является объективным показателем состояния современной исторической науки в Словакии и Чехии. Исследования, опубликованные в рассматриваемом сборнике, и тот весьма обширный научный аппарат, на который опираются их авторы, позволяют сделать вывод, что последнее десятилетие стало для словацких и чешских историков отнодь не только временем интенсивной поисковой работы в архивах. Рубеж XX и XXI вв. ознаменовался появлением интересных монографий и большого числа научных статей по различным проблемам послевоенного развития страны (см., например, [1]). Однако нам, в Москве, с сожалением приходится констатировать, что многие из цитируемых чешскими и словацкими коллегами

новых работ отсутствуют в российских библиотеках. Это является показателем явного ослабления научных контактов между Россией, с одной стороны, и Чехией и Словакией – с другой.

В такой ситуации подготовленный под руководством Я. Пешека сборник статей чешских и словацких исследователей для нас крайне важен – он показывает, какие проблемы исторического развития Словакии после Второй мировой войны находятся в сфере внимания историков этих двух стран.

Материалы рецензируемого сборника можно, хотя и с определенной долей условности, разделить на две группы. Первую из них составляют статьи, авторы которых поставили своей задачей ликвидировать «белые пятна» в новейшей истории Словакии, порожденные практикой жесткого идеологического контроля КПЧ в 50–80-е годы XX в. и прямым табуированием тематики исследований по изучению истории той части словацкого общества, которая после 1945 г. заняла открыто антикоммунистические позиции. К этой группе материалов прежде всего относится статья К. Каплана «К возникновению Словацкого национального совета (СНС) за рубежом». В ней на основе новых архивных материалов раскрывается деятельность К. Сидора по объединению дофевральской «людяцкой» эмиграции как «носительницы идеи самостоятельности словацкого государства». К статье К. Каплана примыкает, также базирующаяся на анализе архивных документов, прежде всего Министерства внутренних дел ЧСР, статья В. Варинского «Возникновение организации «Белый легион» в Словакии», где обстоятельно исследуется процесс

возникновения этой подпольной организации.

История антикоммунистической словацкой эмиграции в 50–60-е годы XX в. и реакция властных структур ЧСР на активизацию ее деятельности раскрываются в статье В. Вондрашака, который строит свое исследование также на документах архива Министерства внутренних дел ЧСР, дополняя их материалами архива Института национальной памяти в Братиславе. Эти три статьи являются по существу прологом к фундаментальным исследованиям тех страниц словацкой истории, которые на протяжении многих лет скрывались под грифом «секретно».

Для исследователей конфессиональной политики властей безусловный интерес будет представлять статья Я. Пешека «Персональное вмешательство коммунистического режима в деятельность Словацкой евангелической церкви 1948–1989». К материалам, ликвидирующим «белые пятна», можно отнести как статью И. Быстрицкого «Словацкая армия в планах чехословацкого Министерства национальной обороны», так и статью С. Михалика «Чехословацкая делегация на Парижской мирной конференции в 1946 г. (через призму участия Ю. Славика)». То обстоятельство, что к темам, прежде исключенным из официальной истории, обратились ведущие чешские и словацкие исследователи, наглядно свидетельствует, что ликвидация искусственно созданных в 1950–1980-е годы «белых пятен» рассматривается в настоящее время в словацком обществе как одна из приоритетных задач исторической науки.

Большую же часть материалов рецензируемого сборника составляют исследования, авторы которых предлагают новые подходы в трактовке развития чешского и словацкого общества во второй половине XX в. Речь идет, прежде всего, о тех вопросах, которые ранее или разрабатывались исключительно в идеологических рамках догматически понимаемой марксистской исторической науки или их изучение, актуализированное в 1963–1967 гг. вызревающей Пражской весной, было прервано процессом «нормализации» в 1970–1980-е годы.

Не имея возможности в рамках рецензии рассмотреть все статьи, относящиеся к этой категории, хотелось бы привлечь внимание российских историков к некоторым из них. Думается, что для нас представлять будут безусловный интерес статьи М. Сырнога «Три пражских соглашения Демократической партии Словакии в 1945–1947 гг.», М. Лондака «Изменения экономической системы в Чехословакии и Словакии после февраля 1948 г.», В. Главовой «1948 – год перелома в аграрной политике государства», И. Пернеса «Когда в 50-е годы можно говорить о кризисе коммунистического режима?», С. Сикоры «Различное восприятие Пражской весны в чешском и словацком обществе», Ю. Марущака «Словакия после 1989 г. – в полутени двух тоталитарных режимов», также весьма обстоятельно фундированная статья Е. Лондаковой о развитии науки в Словакии в 40–60-е годы XX в.

Первая из названных статей является примером вдумчивого анализа позиций Демократической партии Словакии (ДП) как политического представителя некоммунистических групп Движения сопротивления по одному из наиболее сложных вопросов послевоенного устройства ЧСР – государственно-правового положения Словакии в обновленном государстве.

Автор показал, как руководство этой партии, в начале своей деятельности не имевшее четкого представления о принципах, которые должны будут определять положение Словакии в рамках послевоенной ЧСР, постепенно подходило к идее национально-политического самоуправления. Изучение трех соглашений партнеров по Национальному фронту чехов и словаков на протяжении 1945–1947 гг. позволило автору сделать вывод, что руководство ДП и в период Словацкого национального восстания, и после окончания Второй мировой войны стремилось в своей практической деятельности реализовать принцип фактической федерализации. Однако, по его мнению, в силу сложившейся реальной политической ситуации, вербально эта идея никогда не ставилась.

«Давление политической реальности, – пишет автор, – заставило тогдашних ли-

дерев ДП отказаться от этой нереализуемой идеи и придерживаться асимметричной модели, обусловленной фактически условиями существования СНС и Корпуса уполномоченных» (S. 56).

М. Лондак в своей весьма обстоятельной статье исследует процесс изменения модели экономического развития ЧСР после утверждения монопольной власти коммунистов в феврале 1948 г. При этом автор не пошел по пути рассмотрения поставленной проблемы только через призму влияния Москвы. Он связывает начавшиеся в середине 1940-х годов изменения в системе управления экономикой страны с теми принципиальными преобразованиями ее структуры, которые произошли в результате реализации декретов президента Э. Бенеша о национализации тяжелых отраслей промышленности в 1945 г. В стране появился сильный государственный сектор, и возникла объективная потребность создания новых общегосударственных управленческих институтов и разработки единого плана экономического развития.

Сделав в начале статьи акцент на эти обстоятельства, автор вывел рассматриваемую проблему в новую плоскость: он показал, что с 1945 г. по 1948 г. в Чехословакии шел интенсивный процесс складывания новой системы управления экономикой, в рамках которой централизованное планирование должно было сопрягаться со свободной конкуренцией, а эффективность производства оставаться основным фактором, стимулирующим экономическое развитие.

В этой системе, существенно отличавшейся от довоенной, предстояло взаимодействовать государственным предприятиям, получавшим статус юридически самостоятельных лиц, с частнокапиталистическим сектором, а также с предприятиями мелких производителей. По-видимому, на наш взгляд, отнюдь не случайно именно к опыту складывавшейся в 1945–1948 гг. новой системы управления экономикой обращались позже О. Шик и его единомышленники, искавшие пути реформирования административно-командных структур, утвердившихся в 1950-е годы по советскому образцу. В статье М. Лондака раскрываются при-

чины, методы и механизмы свертывания этой новой экономической модели, может быть имевшей некоторые параллели с российским нэпом.

И. Пернес обращается к одной из наиболее дискуссионных среди историков и политологов проблеме – началу кризиса коммунистических режимов на европейском континенте. Поставив своей задачей проанализировать степень ее разработанности чешскими и словацкими исследователями, он обратился к работам К. Каплана, З. Млынаржа, А. Штефаниковой, В. Главовой, Ю. Марушцака и др. Обстоятельный разбор позиций названных авторов позволил ему сделать вывод, что исследователи к настоящему времени, говоря о кризисе коммунистических режимов, не дают пока четкого определения этого явления. Следствием такого положения, по мнению автора, является отсутствие единых подходов к изучаемым процессам. «Мы можем констатировать, – пишет И. Пернес, – коммунистический режим в Чехословакии в первой половине 50-х годов XX в. переживал большие экономические, социальные и политические трудности, которые привели к тому, что он не только не был способен достичь целей, которые им провозглашались – установить социально справедливое бесклассовое общество, повысить жизненный уровень населения, способствовать росту его культуры и образования, – но и сам попал в ситуацию, которая реально грозила ему внутренним крахом» (S. 237). Судя по этому выводу, автор исходит из того, что чехословацкое общество уже в первой половине 1950-х годов стало осознавать идеологическую утопичность коммунистической идеологии. Однако такая позиция И. Пернеса, по крайней мере, спорна. Представляется, что кризисные явления 1952–1953 гг. скорее свидетельствовали о начале проявления несоответствия между социалистическими идеалами и реальной практикой правящей партии. Отсюда в обществе стремление к реформам, к поиску «социализма с человеческим лицом» и как следствие – вызревание Пражской весны.

Вместе с тем, постановка И. Пернесом вопроса о необходимости подробно-

го анализа экономического, политического и социального развития Чехословакии в 1950-е годы важна и актуальна. Им предпринята попытка сформулировать программу исследований этой проблемы, которая, безусловно, заслуживает внимания.

В завершение краткого обзора содержания рецензируемого сборника, хотелось бы отметить еще две вышеназванные статьи С. Сикоры и Ю. Марушача. Обе эти статьи, несмотря на то что они написаны в разном с точки зрения методологии исторических исследований ключе, ставят одну очень важную для современных историков проблему – необходимость тщательного учета комплекса различных факторов (в том числе и социально-психологических), которые оказывали прямое влияние на развитие словацкой нации в XX в., определяя ее самосознание. Указанные авторы предприняли попытку вывести рассматриваемые ими проблемы реакции словацкого общества и его политических представителей на происходившие в стране в 60–90-е годы XX в. перемены на уровень междисциплинарных исследований.

Подводя итог размышлениям над коллективной работой чешских и словацких историков, можно с полным осно-

ванием сказать, что современная историческая наука как в Словакии, так и в Чехии, развивается сейчас в условиях, которые позволяют исследователям не только ликвидировать «белые пятна» в истории XX в., но искать и находить новые ракурсы в освещении проблем новейшей истории. Думается, что самое главное в этих поисках не отрываться от источников и стоять на почве реальных фактов. Пример такого подхода подает сам юбиляр, которому и посвящена рассматриваемая книга.

© 2009 г. Г.П. Мурашко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Šutaj Š., Mosný P., Olejník M. Prezidentské dekrety Edvarda Beneša v povojnovém Slovensku. Bratislava, 2003; Londáková E. Slovenske predjare a realita slovenskej intelligencie v Československu pred rokom 1956 (a po nem) // Československá historická ročenka 1998; Londák M., Sikora S., Londáková E. Predjare. Politické, ekonomické a kultúrny vyvoj na Slovensku v rokoch 1960–1967. Bratislava, 2002. Kusak A. Kultura a politika v Československu 1945–1956. Praha, 1998. Barnovský M., Pešek J. V zovretí normalizácie. Cirkvi na Slovensku v rokoch 1969–1989. Bratislava, 2004.

Славяноведение, № 3

Charta 77: Dokumenty 1977–1989 / Eds. B. Císařovská, V. Prečan. Praha, 2007. Sv. 1. 1977–1983; Sv. 2. 1984–1989. 1175 s.; Praha, 1977. Sv. 3. Přílohy. 523 s.

Хартия 77: Документы 1977–1989 / Отв. ред. Б. Цисаржовска, В. Пречан.

В конце 2007 г. в Праге увидела свет фундаментальная трехтомная публикация документов, приуроченная к 30-летию основания чехословацкой независимой гражданской инициативы – Хартии 77. В двух ее томах опубликованы 598 документов, а третий том – приложения –

представляет в основном комментарии к ним и дискуссии.

Основные источники труда: коллекция известного чешского историка В. Пречана из фонда Чехо-Словацкого документального центра, хранящегося ныне в пражском Национальном музее

(эти документы начиная с февраля 1977 г. переправлялись нелегально из ЧССР на Запад); документы частной информационной службы Г. и И. Медеков, записывавшие в Вене на магнитофон передававшиеся по телефону из Праги материалы; представленные в фондах Института современной истории АН ЧР в Праге материалы из Федерального министерства внутренних дел ЧССР, а также собрание документов из библиотеки «*Libri prohibiti*» в Праге.

Рецензируемое издание соответствует самому высокому уровню исследования архивных материалов, ряд документов представлен в последовательных вариантах, что позволяет выявить начальную и конечную точки становления идеи. Издатели, и в первую очередь В. Пречан, избежали и ловушки фетишизации документов, в которую часто попадают зарубежные и отечественные историки, а также модернизированного их истолкования в угоду нынешним концепциям.

Первый том сборника открывается «Словом к читателю» В. Пречана, его статьей «Хартия 77 как чехословацкий и международный феномен», а также статьями В. Гавела «Десять тезисов о Хартии» и Ж. Рупника «Хартия 77 и зарождение европейского общественного пространства».

Учреждение Хартии 77 положило начало новому этапу протестного движения в Чехословакии, лидирующие позиции в котором стали занимать диссиденты. Хартия 77 не ставила напрямую задачу свержения социалистического нормализационного режима во имя другого «социализма с человеческим лицом»; в качестве приоритета выдвигалась защита прав человека посредством выполнения уже провозглашенных в стране законов. Возникнув на пике «режима нормализации», она в качестве главной установки своей активности наметила принцип «неполитической политики». Его «секрет» содержится в одном из публикуемых документов, в котором утверждалось: «Деятельность Хартии не нацелена по своей сути на политическую сферу. Если же поддерживающие ее отдельные лица или группы граждан провозглашают политические лозунги, то они поступают так, ис-

ходя из собственных идеологических принципов и предпочтений, ставя цели вне рамок Хартии» (sv. 1, s. 303). Политический плюрализм не только как провозглашенная, но и по-новому реализуемая установка просматривается в этом заявлении в полной мере.

Авторы документов Хартии скрупулезно, можно даже сказать, педантично, отслеживали ситуацию с конституционно гарантированными правами и свободами граждан ЧССР, и соответствующие сигналы об их нарушениях постоянно порождали большой резонанс на Западе. Как показывает анализ содержания документов, именно Хартия 77 конституировала себя как важную структуру гражданского общества с функцией мониторинга деятельности «режима нормализации».

Это прослеживается с первых шагов хартистов. В книге приведены три версии Воззвания Хартии: первая, обсуждением которой начались дискуссии инициаторов Хартии 77, была выработана 16 декабря 1976 г., вторая от 17 декабря с рядом исправлений и третья, окончательная, почему-то датированная 18–19 декабря 1977, а не 1976 г. Приводится и своеобразная инструкция В. Гавела собирателям подписей от 20 декабря 1976 г. Наконец, публикуется алфавитный список первых подписантов. Все это свидетельствует о поисковом характере первых документов диссидентов.

Примечательно, как они стали достоянием гласности. Так, «Телетайп № 868» посольства ФРГ в Праге Министерству иностранных дел в Бонне еще 30 декабря сообщил о подготовке акции по подписанию, а западные газеты уже в первую неделю нового года широко осветили все происходящее. В сборнике представлены сведения о трагической кончине первого спикера Хартии Я. Паточки, ее причинах и последствиях. Уже 6 января 1977 г. он выступил с протестом против задержания В. Гавела, П. Ландовского, З. Урбана и Л. Вацулика, 7 января выпустил в свет эссе «О значении, нравственном смысле и цели Хартии 77», а вскоре и сам подвергся нелегким допросам, о чем свидетельствуют их протоколы с 10 по

17 января. 3 марта его заставили дать объяснения органам госбезопасности по поводу встречи с голландским дипломатом, а 9–10 марта он дал интервью западногерманской газете «Die Zeit». 13 марта Паточка умер, оставив другим хартистам образец служения делу вопреки любым обстоятельствам.

Интересна реакция чешских (Л. Вацулик, И. Кадличек, Л. Гейданек) и словацкого (М. Шимечка) писателей на появление Хартии 77. Это письма друзьям, памфлеты, очерки, которые имеют целью зафиксировать важный момент: рождение надежды. В сборнике публикуются документы ЦК КПЧ о деятельности Хартии 77; представлены сообщения и протоколы МИД ЧССР о том, как деятельность хартистов воспринималась за рубежами страны.

Интересна динамика числа публикаций Хартии по годам. В 1977 г. было выпущено 33 документа, их перечень начинается Воззванием Хартии 77. Его так и не перевели до сих пор на русский язык, а подобные переводы за рубежом не доступны отечественному читателю. Может, потому, что знакомство с этим документом демонстрирует его как бы «неинтересность»? На самом деле с учетом доминирования установки плюрализма он задает новое видение анти-нормализационной деятельности и ее целей. В 1978 г. Хартия издала 54 документа, в которых содержалось большое число обращений за границу: намечалась интенция на установление прямых связей с КОС–КОР (польский Комитет общественной самообороны–Комитет защиты рабочих), ООН, французскими студентами, немецкими экономистами и т.д. Что касается первой оппозиционной организации, то хартисты писали в «Открытом письме польским друзьям»: «Мы следим за вашей справедливой борьбой за соблюдение законов и прав человека в Польше, с радостью отмечая каждый отдельный успех вашей деятельности. Тем самым вы укрепляете и нашу уверенность в том, что совместная борьба открывает новую перспективу, а именно: в рамках общественной системы наших стран мы можем содействовать росту

уважения к закону и праву каждого человека на свободное развитие» (sv. 1, s. 70).

В 1979 г. опубликованы 40 документов, тогда же были установлены контакты с А. Сахаровым. После первых двух лет бурной активности хартисты поставили перед собой задачу разобратся в своих возможностях и оказалось, что сила их заключалась в том, что независимая гражданская инициатива Хартия 77 включала в себя представителей практически всех слоев населения. Важная особенность заключалась в том, что принцип ротации руководства позволял постоянно предпринимать инициативы по защите и самозащите. Наконец, хартисты поняли большую ценность внешних связей и нашли там приверженцев своих идей. Процессы в 1979 г. против спикеров, усиление репрессий и поиски новых способов контроля над деятельностью Хартии привели к тому, что ее активность все-таки снизилась. Основные документы этого периода касались более частных вещей. Можно говорить о наступлении некоторого кризиса возможностей Хартии. Тем не менее количество документов, выпущенных в 1979 г., осталось на прежнем уровне. В них находили свое отражение новые темы: хартисты вступали в переписку или выступали по поводу важных фигур мирового масштаба.

В 33-х документах 1980 г. возросло число обращений к международным организациям, включая Федерацию по защите прав человека, Международную амнистию, Социалистический Интернационал и ряд других. В 1981 г. появился только 21 документ, зафиксировав низшую количественную точку, хотя в их числе есть документы в поддержку Сахарова. В 1982 г. было 38 документов, в числе которых можно отметить большой удельный вес польской темы в связи с введением там военного положения. В 1983 г. опубликованы 43 документа с превалярованием в них обращений к местным властям. В 1984 г. – 33 документа, в 1985 г. – 27, в 1986 г. увидели свет 48 документов.

Резкий скачок наблюдался в 1987 г. – 80 документов: десятая годовщина Хартии 77 привлекла широкое внимание

мировой общественности. Оказалось, что хартисты постоянно находились в поле зрения самых разнородных политических сил на Западе, однако важные моменты для своей активизации они отыскивали скорее на Востоке, поскольку на их инициативы оказывали влияние многие направления политики советской перестройки. В 1988 г. появилось 70 документов, а в 1989 г. – 87, то есть наибольшее их число.

В 1989 г. хартисты как бы выпали из поля зрения, поскольку все внимание было обращено на Москву, и самые яркие их инициативы на этом фоне меркли. Однако стало ясно, что оживление политической жизни в СССР неизбежно повлечет за собой политизацию и «неполитической политики», исповедывавшейся хартистами. Документы Хартии 77 в этом плане отражали готовность к новым метаморфозам, и начало 1989 г. показало, что он явился временем появления новых политических сил и течений, претендовавших на свою роль в оппозиционном движении.

Документы 1989 г. фиксируют эти новые веяния в истории и Чехословакии, и Хартии. Продолжились апелляции к зарубежным правозащитным организациям, составлялись письма в чехословацкие государственные органы, отправлялись поздравительные адреса. Однако все в большей мере росло число документов по инициированию других движений и диалога с чехословацкими властями на новых основаниях. Образцы соответствующего диалога уже были, но Прага не пошла ни по пути Варшавы, ни Будапешта. Сложилась такая ситуация, что организованных структур, готовых взять власть или участвовать в переговорах с властью и разделить власть в рамках Хартии, не просматривалось: хартисты не брали в полную меру ответственности ни за действия властей, ни за противостояние им. Инициатива как бы отдавалась другим силам, одной из главных в конечном итоге явилось студенчество.

Если провести графическую линию, отражающую количественную динамику появления документов, то она будет похожа на некую синусоиду – с резким

скачком с 1987 г. Это косвенно свидетельствует о том, что в деятельности Хартии имелись, по различным причинам, свои подъемы и спады, да и число документов не всегда отражает степень активности хартистов. Но если подкрепить этот количественный анализ качественным, факт, что два первых и три последних года были самыми активными, сомнений не вызывает.

Важно, что хартисты вовремя наметили и освоили то поле активности, которое определялось Хельсинкским процессом. Возникает даже вопрос: а была бы Хартия без этого силового поля? В какой мере она плод внутренних импульсов, а в какой – и внешних воздействий, результат спонтанных усилий или продуманного действия? Связь между Хельсинкским процессом никто не оспаривает, но до сих пор большинство исследователей не отваживается признать, что последние годы активности Хартии инспирированы советской перестройкой. Количественный рост документов и качество их наполняемости явное тому свидетельство. Ответы на выше поставленные вопросы крайне значимы для изучения любых протестных движений, причем не только в странах региона, да и не только Европы.

Важен вопрос о социалистической составляющей Хартии. Карту приверженности социалистической идее хотя бы в ее социал-демократическом оформлении поддержали бы ведущие политические партии Европы и Социнтерн. Однако хартисты уже имели опыт отрицательного воплощения в жизнь любой идеи, которая может быть деформирована при наличии репрессивного режима, поэтому они принципиально допускали наличие каждой из них в рамках оппозиции, не давая преимуществ ни одной. Эта была своеобразная фантомная боль от 1968 г. Социалисты, но на равных правах с христианами демократами, приверженцами либерализма, консерватизма, европеизма и т.д.

И все же надежды на обновляющийся социализм у многих хартистов возродились в связи с политикой перестройки М.С. Горбачева. Надо сказать, что первое из 25 упоминаний его имени в

документах связывалось с 17-ой годовщиной ввода войска в ЧССР. В документе напрямую указывается: «Мы, например, не можем проигнорировать то, с каким оживлением следят люди за новым развитием в Советском Союзе, как они читают и относятся с почтением к выступлениям Михаила Горбачева и сравнивают его формулировки с мертвенной неподвижностью в Чехословакии. Самые посвященные из них замечают, что советские выступления в нашей печати подвергаются цензуре. Пока что нельзя утверждать, в каком направлении новая политика будет развиваться. Но можно сказать, что народ Чехословакии вовсе не утратил интерес к публичным делам, как это кажется на первый взгляд. Он чутко диагностирует, когда в политических лозунгах правящих органов преобладает идеологический камуфляж, а когда вещи называются своими именами» (sv. 2, s. 730). В то же время отмечалось, что лишь вывод советских войск из Чехословакии может создать условия для взаимопонимания между двумя народами.

В документе № 481 представлена политика «чехословацких Брежневых», которые «вербально имитируют Горбачева», не следуя его политике по сути. Имели место прямые обращения Хартии к Горбачеву, роль которых ни в коем случае не следует преувеличивать, ибо характер этих связей не мог быть конструктивным. Для хартистов приоритетом являлся вывод войск из страны. Горбачев же представил свои инициативы не столько элите, довольно косному партийному руководству КПЧ или контрэлите, которой можно считать хартистов, сколько, как говорится, простому народу. Поэтому продуктивного контакта быть и не могло, а документы прямо или косвенно это подтверждают.

Сколько человек подписали Хартию 77? В публикации приведены имена 241 подписанта от 1 февраля 1977 г., которые составили ядро Хартии (sv. 3, s. 19–24); 9 марта их было уже 617, а к 21 декабря добавился еще 81 чел. (sv. 2, s. 30, 88). Всего сборник указывает на 1889 подписей с 1977 по 1989 г. (sv. 3,

s. 337–378); отозвали же свои подписи всего девять человек, из них шесть рабочих.

Большинство подписавших Хартию 77 – чехи. Что касается словаков, то их было 36 чел. (sv. 3, s. 393), т.е. примерно одна пятидесятая часть из всех подписавших документ. Данный своеобразный исторический грех (но не следственно-причинная связь) – непривлечение к Хартии словаков – обернулся, в том числе, тем, что страна в дальнейшем распалась. Это не значит, что словаки игнорировали данную форму протеста, но они предпочитали канализировать протестный процесс в других направлениях. А чешские, и в первую очередь пражские, хартисты на это особого внимания не обращали.

Вторая специфическая черта – доминирование лиц творческих профессий. Из 45 спикеров больше всего было людей творческих профессий, на втором месте – ученые, на третьем – юристы, на четвертом – инженеры, на пятом – политики, на шестом – религиозные деятели, на седьмом – дипломаты.

После 17 ноября 1989 г. тональность приведенных документов Хартии резко меняется. Это уже не увещевания, констатации, обращения, а требования и призывы. Если документ № 591 является собой типичное обращение к органам власти, следующий за ним касается признания святости Анежки Пражской, а последующий, от 16 ноября – осуждения интервенции, то документ № 594 выступает уже с резким осуждением разгона прошедшей в Праге 17 ноября 1989 г. студенческой демонстрации. Предпоследний документ – поздравление В. Гавела с избранием его президентом Чехословакии.

Ясно, что хартисты занялись принципиально иными видами деятельности и готовили документы уже в других форматах – как политические акторы и государственные деятели. Почти полные 13 лет борьбы завершились победой «безвластных», авангард которых – хартисты – стали «властными», но в иных условиях и на других основаниях. Уникальный опыт данной трансформации и отражен в указанном труде.

Ход «бархатной» революции 1989 г. может многое объяснить в истории Хартии, но ясно одно – едва ли не на второй день после революции политическая жизнь начала развиваться по своим законам. Появились политические партии, бывшие хартисты настолько быстро вошли во власть, что их оппозиционное прошлое за ними просто не поспевало. Выходить же из власти они не хотели и не могли, а лидер Хартии 77 В. Гавел показал это своим примером достаточно определенно.

Один из проектов Хартии – призыв к созданию некоего «параллельного полиса», образцы которого в отдельных странах региона уже имелись – это в первую очередь независимые профсоюзы и вся соответствующая инфраструктура в Польше. Однако в ЧССР этот проект в полной мере реализован не был. «Неполитическая политика» не позволила организовать даже зародыши будущих властных структур. И фактически «параллельный полис» предстал как нечто другое – совокупность носителей протестного состояния. А политической партией Хартия 77 не стремилась стать принципиально.

Эти процессы нельзя оценивать однозначно положительно или отрицательно. Неслучайно со спецификой определения идентичности Хартии исследователи работают до сих пор. Ясно одно – это был принципиально новый тип политической активности, диффузный по свое-

му характеру, но, может как раз вследствие этого, достаточно эффективный в условиях глобального политического контроля – «режима нормализации». Фактически Хартия взяла на себя миссию манифестации массовых протестных настроений, даже в их отсутствие.

Если вернуться к трехтомнику, то его заключительная часть примечательна следующим: в ней проясняются многие смыслы того, что условно можно назвать траекторией документов. Это около полутора десятка разделов, включающих материалы самого различного характера. Они могут, с одной стороны, пролить свет на причины возникновения того или иного документа, а с другой – дать дополнительную информацию о последствиях его принятия.

Фундаментальный сборник документов о Хартии 77 и сопутствующие им исследования выглядят, таким образом, в чем-то нормативными в плане изучения протестных движений во всех странах региона. Лишь на данной основе можно реконструировать многие поворотные пункты в истории оппозиционного движения в самых различных ее формах, а через это – представить во всем богатстве историю всех стран региона. Причем не только до ключевого 1989 г., но и после него.

© 2009 г. Э.Г. Задорожнюк

Славяноведение, № 3

А.И. ПУШКАШ. Цивилизация или варварство: Закарпатье. 1918–1945. М., 2006. 564 с.

Недавно ушедший из жизни проф. А.И. Пушкаш (1923–2008) снискал уважение в профессиональной среде как видный специалист по новейшей истории Венгрии (особенно ее внешней политике), а также по проблемам международных

отношений в Центральной и Восточной Европе в 1920–1940-е годы. Опубликованное в 1981–2003 гг. его четырехтомное исследование внешней политики Венгрии в 1918–1939 гг., основанное на скрупулезном изучении большого масси-

ва документов из архивов разных стран, представляет собой весомый вклад в историографию дипломатии межвоенного периода. Рецензируемая монография А.И. Пушкаша, завершающая его многолетний творческий путь, тематически примыкает к вышеупомянутой тетралогии, в ней также уделено большое внимание внешнеполитической проблематике. Это не удивительно, ведь речь идет о четвертьвековой истории Закарпатья, края, хотя и небольшого по площади и численности населения, однако неоднократно менявшего (именно в первой половине XX в.) свою государственную принадлежность, становившегося, хотя и в разной мере, объектом вождельний нескольких соседних государств, привлекавшего к себе (в силу специфического географического положения) интерес и крупных держав, стремившихся к расширению своего влияния в карпатском регионе (нацистской Германии, а позже СССР).

Тема исследования отнюдь не нова для А.И. Пушкаша. С изучения проблем истории Закарпатья он начал свой путь в науке в конце 1940-х годов, возвращаясь к ним позже как в монографиях о внешней политике Венгрии, так и в многочисленных статьях. Историк фронтового поколения и к тому же уроженец Закарпатской Украины, А.И. Пушкаш был в 1939–1945 гг. не только непосредственным свидетелем, но в известной мере и участником многих описываемых им событий, после захвата родного края хорватской Венгрией преследовался хорватской полицией за участие в нелегальных движениях. Ему было что вспомнить и в качестве мемуариста. Однако в нашей рецензии речь идет, конечно же, не о мемуарах, а об исследовании, основанном на строго научной методологии, и обращение автора к собственным воспоминаниям носит единичный и ненавязчивый характер, лишь дополняет яркими, интересными штрихами картину, которая вырисовывается из многочисленных источников, критически отобранных.

Из основательной книги А.И. Пушкаша читатель может получить представление о социально-экономическом развитии края, о внутренней политике лидеров

межвоенной Чехословакии, видевших в Подкарпатской Руси (согласно чешскому и словацкому определениям этого региона) не более, чем аграрно-сырьевой придаток развитых в индустриальном отношении земель, и мало заботившихся о создании условий для экономического подъема, роста материального благосостояния населения, что влекло за собой усиление социальной напряженности в крае, усугубившейся вследствие экономического кризиса 1929 г. Соответственно в Подкарпатской Руси в годы первой Чехословацкой республики существовала мощная база для оппозиционных движений, выдвигавших на первый план как социальные лозунги, так и национальные.

Из работы предстает во всей ее динамике острая межпартийная борьба в Закарпатье. В основе партийного деления, как явствует из работы А.И. Пушкаша, лежали едва ли не в первую очередь внешнеполитические ориентации (провенгерские, прочехословацкие), а также вопрос национально-языковой идентичности. Часть славянского населения Подкарпатской Руси идентифицировала себя в качестве самостоятельного этноса – русин, другие называли себя украинцами (немалая часть политически активных украинофилов была настроена в конце 1930-х годов прогермански во внешнеполитическом плане), некоторые – русскими, пытаясь взять за основу великорусский литературный язык (культурная традиция, уходившая корнями в XIX в.). На ход политической борьбы в крае влияла как русская, так и украинская эмиграция, имевшая в межвоенной Чехословакии свои важные институты. А.И. Пушкаш признает, что возникновение украинофильских партий Закарпатья после 1918 г. было во многом обусловлено контактами русинской и украинской эмиграции в США на завершающем этапе Первой мировой войны, что тем не менее отнюдь не свидетельствовало о неукорененности украинофильства в этнически и лингвистически близкой среде.

В монографии показана роль закарпатского вопроса в дипломатии конца 1930-х годов, в условиях «мюнхенского сговора» и краха Чехословакии.

А.И. Пушкаш уже затрагивал эти сюжеты в своей книге «Внешняя политика Венгрии, 1937–1939» (М., 2003), однако в последней его большой работе дается едва ли не наиболее подробное в историографии описание всех дипломатических игр с участием Венгрии, Польши, Германии, Италии и т.д., связанных с первым венским арбитражем (1938 г.) и последовавшей весной 1939 г. оккупацией Венгрией всей Подкарпатской Руси. Хортистская Венгрия неизменно претендовала на эту территорию, входившую в состав земель «короны святого Иштвана». Большую заинтересованность в присоединении этих земель к Венгрии демонстрировала Польша, ведь создание общей польско-венгерской границы могло бы значительно усилить степень сопротивляемости этих двух, находившихся в хороших отношениях между собой авторитарных режимов диктату нацистской Германии. Тем более, что к польско-венгерскому союзу долгое время благосклонно относилась фашистская Италия, также не слишком заинтересованная в беспредельном усилении позиций третьего рейха на европейском континенте. В Берлине, однако, разгадали суть польско-венгерских дипломатических маневров и стали им противодействовать: у Гитлера были свои виды как на «самостоятельную» Словакию, так и на обладавшую еще более важным стратегическим положением Закарпатскую Украину, и слишком сильная Венгрия со своими внешнеполитическими амбициями была ему не нужна, поскольку могла нарушить равновесие в проектируемом Берлином «новом европейском порядке», т.е. системе отношений между Германией и ее сателлитами.

Вопрос о месте и роли Закарпатской Украины в политике СССР и эмигрантского чехословацкого правительства на завершающем этапе Второй мировой войны подробно изучен В.В. Марьиной в ее ценном исследовании «Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина» (М., 2003). Касае-

ся этих вопросов и А.И. Пушкаш. Но особенно подробно в его работе освещены не столько дипломатические перипетии вокруг послевоенной судьбы Закарпатя, сколько внутривосточная ситуация в этом крае, настроения его населения в годы войны.

Автор на протяжении десятилетий внимательно следил за литературой по истории края – чешской, словацкой, венгерской, украинской и даже американской (П. Магочи), свои исследования он пытался вписать в контекст мировой науки. По некоторым принципиальным вопросам А.И. Пушкаш дискутирует (другой вопрос, насколько убедительно) с коллегами, представленными в работах коллег и в том числе таких известных специалистов по истории Закарпатя, как И.И. Поп и Б.Й. Желички. В то же время вне поля зрения автора оказалась немалая часть самой новой литературы по проблемам истории международных отношений в канун Второй мировой войны. Этот пробел, однако, до известной степени компенсируется тщательным обращением самого автора к первоисточникам при разработке сюжетов, уже многократно привлекавших внимание исследователей («мюнхенский створ» и т.д.).

Последняя монография А.И. Пушкаша обещает найти отклик профессиональных сообществ тех стран, где в силу исторических причин существует интерес к проблемам Закарпатя – речь идет об Украине, Венгрии, Чехии, Словакии, отчасти о Польше. Небесполезно было бы познакомиться с его работой некоторым современным венгерским историкам и публицистам правонационалистического толка, склонных к идеализации политики хортистской Венгрии в отношении национальных меньшинств на территориях, временно отошедших к Венгрии в 1938–1941 гг. при поддержке фашистских Германии и Италии.

D. HODROVÁ. Citlivé město. (Eseje z mytopoetiky). Praha, 2006. 414 s.
 Д. ГОДРОВА. Чувствительный город. (Эссе из мифопоэтики)

В начале 2007 г. в издательстве «Акрополис» (Прага) вышла новая книга известного чешского литературоведа и романиста Даниелы Годровой (род. 1946) «Чувствительный город», имеющая подзаголовок «Эссе из мифопоэтики». Привязанность Годровой к теме города известна давно. Город, а именно Прага, является одним из главных действующих лиц ее свободной трилогии «Мучительный город» (1991–1992), в 1992 г. выходит в свет сборник прозы «Я вижу город», представляющий, по собственному признанию автора, послесловие к трилогии, где историческое прошлое Праги (а вместе с ней и чешского народа) переплетается с настоящим, с размышлениями о будущем города и нации. В книге «Места с тайной. Главы из литературной топологии» (1994) Годрову занимают взаимоотношения литературного произведения и городского пространства. И теперь на суд читателей и критиков автор предлагает новое исследование о городе, городском тексте и топосах города, о Праге, любовь к которой чувствуется в каждой строке довольно внушительной по размерам книги.

Рецензируемое исследование состоит из трех крупных глав: «Читаем и пишем город», «Движение по городу» и «Обживаем город». Определяя основные понятия, Годрова исходит из концепции текста и интертекстуальности Р. Барта и Ю. Кристевой. Развивая теорию о тексте как об открытой движущейся системе, автор делает вывод о том, что Текст города (Годрова сознательно употребляет заглавную букву, как бы отсылая читателя к поэтике символизма), равно как и городской текст являются открытыми знаковыми системами, находящимися в постоянном движении и развитии. В обоих можно проследить работу мысли, найти цитаты и аллюзии на другие тексты, оба подлежат строитель-

ству, разрушению, реконструкции, как со стороны автора (строителя, писателя), так и со стороны жителя города и читателя литературного текста.

При объяснении понятий города и его Текста Годрова исходит из определений представителей Тартуской школы, прежде всего Ю. Лотмана и В. Топорова, во многом развивая идеи тартуского сборника, посвященного семиотике города и городской культуры [1]. Городской контекст, по мысли автора, формируется текстами, которые связаны с конкретными городами, «лежит» в самом городе и его текстах и существует как бы независимо от отдельных субъектов, фигурирует как парадигма мотивов и сеть аллюзий, эксплицитных и имплицитных. При этом существует связь между вымышленными городскими текстами и Текстами городов. Например, пражский Текст города и пражские городские тексты (т.е. тексты, в которых тем или иным образом присутствует город) взаимно влияют не только друг на друга, но и на другие городские тексты, на понимание Текстов других городов (например, Парижа).

Объясняя свое восприятие города как живого организма, который имеет ментальную и чувственную стороны, свое сознание и подсознание, чешская исследовательница исходит из философской концепции К. Юнга об индивидуальном и коллективном бессознательном. Особое внимание Годрова уделяет городу «внутреннему», тайному, «потустороннему» (такие названия носят некоторые параграфы данного исследования), который открывается лишь избранному, «иному». Город понимается как текст, который можно читать, который можно понимать и, главное, постоянно дописывать (в широком смысле слова). «Жители “пишут” город, чтобы выжить

в нем в эпоху кризисов и нестабильности» (s. 225).

Даниела Годрова – ученый с энциклопедическими знаниями и потрясающей эрудицией. На протяжении многих лет особо пристальный интерес вызывает у нее история философии и эзотерические учения, где она находит все новые и новые источники вдохновения. Одним из таких источников является древнекитайская философия. Анализируя большое количество литературных произведений (от Пушкина до Кастанеды), Годрова делает вывод о наличии двух противоположных типов города и городского текста – город «правильный», с прямыми улицами (Санкт-Петербург), которому соответствует городской текст «янь», и город «неправильный», город-«растение» (Москва), который, по мнению автора, рождает тексты «инь». Как и в философии, «инь» и «янь» символизируют у автора женское и мужское начала, «женскую» и «мужскую» манеры письма. Необходимо отметить, что «женские» тексты в понимании автора – не те, что написаны женщинами, равно как и тексты «янь» не являются исключительно мужской прерогативой. Как в человеческом организме, так и в Тексте города и других литературных текстах могут встречаться одновременно черты обоих стилей, но превалирует, по мнению исследовательницы, всегда один. Все тексты Годрова делит на две категории: текст-«поток», соответствующий тексту «янь», т.е. «мужской» текст, для которого характерен целостный сюжет, движение вперед, отсутствие рефлексии, и текст-«ткань» (термин автора), основу которого, как и на ткацком станке, составляет уток, повторяющиеся движения, завязывание и развязывание разнообразных узлов и узелков. Текст-«ткань» характерен для «женского» письма, для стиля «инь», за ним «всегда сидит ткачиха» (s. 85). Именно эти тексты, «женские», «рефлектирующие», и составляют предмет исследования в монографии.

Центральная тема книги – любимый город автора Прага. Исследуя Текст города Праги и пражский литературный текст, она не скрывает субъективности

своего подхода, подчеркивает, что ее представление о Праге «...ограничено не временными рамками, а кругом авторов (от Махи до Айваза)» (s. 103). Отказавшись от термина «пражский текст», Годрова вводит новый – «моя пражская сеть» либо «мой пражский контекст», подчеркивая, что речь идет о «внутренне связанном, потенциально неограниченном полицентрическом целом... Сеть, о которой пытаюсь писать, я начала развивать, читая и исследуя город еще в середине 1970-х годов» (s. 115). (Речь идет об одной из первых публикаций Годровой о пражском тексте – «Символика “Маринки” Карла Гинека Махи» в журнале «Slavia» [2].)

Большое внимание уделено в книге характерным образам городского текста – человек, идущий по городу, прохожий обычный и «иной», «чувствительный», мифические герои города – «Одиссей» и «Тезей», двойник, Черная дама, вечный странник Агасфер, скиталец, чиновник как один из «иных», тонко чувствующих горожан, и тому подобное. Исследуя городской дискурс, автор подробно останавливается на таких топосах города, как храм, музей, театр, кладбище, библиотека и т.п., давая свой, очень спорный, но всегда интересный анализ. Годрова полагает, что не только авторы литературных текстов творят город, но и все пражане «сотрудничают» с ними, «пишут», «внутренне проживают» город, живя в нем, без них он перестал бы быть городом. Третья глава книги посвящена именно «проживанию» в городе, в ней анализируются характерные для данного дискурса метафоры – «дом детства», с колыбелью, ванночкой, кухней и кладовкой. Все это является для автора пространством «инициации», «магическими местами». Здесь необходимо отметить, что проблема инициации занимает и в художественном творчестве автора, и в ее теоретических работах одно из наиболее существенных мест. В 1993 г. чешская исследовательница выпустила монографию «Роман посвящения» (написанную еще в начале 1970-х годов, но тогда не опубликованную). Через посвящение, эзотерический путь к познанию, полный трудных

испытаний, проходят многие герои романов Годровой. По мысли автора, дорога к познанию представлена в современных пражских текстах как горизонталью (квартира – комната – кухня – кладовка – ванная – спальня – постель), так и вертикалью (спуск вниз, из квартиры в подвал или на первый этаж, подъем на чердак). Дорога, ведущая внутрь города, до самой его «сердцевины», сути, не только географической, но и духовной, – путь к сокровенному, сакральному пониманию города.

В мифопоэтическом пространстве происходит слияние внешнего и внутреннего, субъекта и объекта, разных временных пластов. Свое чтение литературных текстов и Текста города Годрова соединяет с «иным» движением по городу, с пешеходом «чувствительным», тонко понимающим, слышащим и видящим то, что «обычному» рядовому горожанину не дано. Сама Годрова принадлежит к первым, избранным. «Моя дорога по городу в этой книге местами приобретает характер “сна”, идет по границе между сознанием и подсознанием... представляет собой дорогу мифологическую... может пониматься как автобиография и одновременно психография, более того, как “психоанализ” города, города – живого существа» (s.181).

При всем разнообразии книг, проанализированных чешской исследовательницей, очевидно, что круг авторов и произведений, попавших в поле ее зрения, ограничен. Сама Годрова говорит: «Я не буду стараться описать коллективную пражскую сеть, такая задача была бы мне не по силам, да и реализация ее все равно была бы субъективна. Сеть, о которой я стремлюсь написать, будет результатом моего чтения текстов, их выбор зависит от моих знаний, и их интерпретация связана с моей направленностью и склонностями» (s. 115). Необходимо признать, что не только представленная в книге точка зрения автора крайне субъективна, но и сам стиль письма нельзя назвать сугубо научным. В книге чередуются теоретические выводы с исключительно личными замечаниями и описаниями Праги, но такова уж Даниела Годрова, давно переставшая

делать различие между литературоведческими работами и собственными художественными текстами. Она создала свой особый, очень личный способ анализа литературных произведений. В «Чувствительном городе» много образных выражений, в текст монографии включены цитаты из произведений других авторов. Нельзя не заметить многих интимных, глубоко личных признаний автора, связанных с потерей любимого человека (книга имеет посвящение умершему мужу Годровой).

Отличительной чертой городского дискурса, под которым чешский ученый понимает «определенные пространственные, временные, культурные рамки с их режимом письма, чтения и понимания...» (s. 89), является взаимосвязь и взаимопроникновение архитектуры, живописи, скульптуры и литературы. Автор подробно анализирует архитектуру города, произведения живописи и скульптуры, не обходит своим вниманием и явления молодежной городской субкультуры. Как уже было отмечено выше, Годрова придает большое значение психоанализу Города и горожан. Все это, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о том, что «Чувствительный город» – не просто литературоведческий труд, а междисциплинарное исследование, находящееся на стыке нескольких наук, – искусствоведения, литературоведения, психологии.

Однако нельзя не отметить, что стремление автора утвердить свою концепцию приводит к тому, что за рамками исследования остаются имена, без которых невозможно представить образ Праги в чешской литературе, – Я. Неруда, К. Чапек, М. Майерова, М. Пуйманова и др. Кроме того, семиотический подход, на котором строит свою книгу Годрова, приводит к ситуации, которую мы могли бы вместе с ней назвать «пароксизмом знаковости», и таит в себе опасность, понимаемую самим автором. На первых страницах монографии Годрова оговаривает тот факт, что «проблема эстетической ценности и аксиологический момент как таковой остаются в стороне, нет различия между “хорошим” и “плохим” текстом, что способствует

развитию интереса к низкосортной литературе, к кичу и т.п.» (s. 10).

К несомненным достоинствам книги следует отнести потрясающие фотографии, большая часть которых сделана самим автором. Скульптурные изображения на фасадах пражских зданий, которыми Годрова иллюстрирует свой труд, являются неотъемлемой частью Текста города, Прага «говорит» ими, раскрывает тайные комплексы, обнажает травмы и в то же время «лечит» и себя, и того, кто живет в «чувствительном городе», «видит» его скрытую от посторонних сакральную суть.

«Чувствительный город» является одной из наиболее полных монографий, посвященных городскому дискурсу. Книга снабжена большой библиографией художественной и специальной литературы, что представляет, на наш взгляд, ценность не только для литературоведов, но и для всех тех, кто интересуется литературой, а главное, любит Прагу и разделя-

ет пристрастие автора книги к этому таинственному, волшебному городу. Закрывая последнюю страницу, читатель остается уверенным, что его ждут и дальнейшие встречи с этой талантливейшей чешской писательницей и ученым, не случайно она дала последней главе подзаголовок «Эпилог и одновременно Пролог новой книги». И мы можем быть уверены, что обещанная новая книга, будь то роман или научное исследование, будет снова о Праге. Книга о Праге бесконечна, как сам город, как наша любовь к нему.

© 2009 г. А.А. Баянова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семиотика города и городской культуры – Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Тарту, 1984.
2. *Hodrová D. Symbolika Máchovy Marinky // Slavica. 1976. 46. № 3.*

Славяноведение, № 3

А.В. РЕПНИКОВ. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. 520 с. + вклейка 32 с.

Изучение теоретического наследия русской консервативной мысли долгое время находилось на периферии отечественной исторической науки. Даже в наиболее фундаментальных исследованиях, вышедших за последние 15 лет, преимущественное внимание уделялось практической деятельности крайне правых партий. В рецензируемой книге доктора исторических наук А.В. Репникова анализируются основные концепции переустройства России конца XIX – начала XX в., главным образом разработанных российскими правыми с целью сохранения и развития монархической государственности. В книге рассматриваются теоретические основы дореволюционного российского консерватизма, представления консерваторов о месте Российской

империи в мире, их взгляды на социально-экономические, этноконфессиональные проблемы.

Само содержание понятия «консерватизм» является одним из спорных вопросов политической философии и истории общественной мысли. С накоплением знаний содержание любого понятия углубляется, уточняется – это неотъемлемая часть научного познания действительности. В случае с консерватизмом, терминологическая путаница, которую не раз отмечает Репников (с. 8–9, 14), связана с неприятием рядом исследователей самого факта развития понятий как части развития науки. Сам автор монографии к их числу не относится, поддерживая идею о необходимости разделения консерватизма и традиционализма в об-

шественной мысли (с. 11), но не разрушая при этом ядра определения консерватизма, которое было выработано мировой философией и наукой в Новое время. По словам Репникова, «консерватизм означает признание возможности развития на почве сохранения традиционных ценностей» (с. 9).

Наряду с известными мыслителями (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев, М.О. Меньшиков и др.), автор впервые подробно рассмотрел взгляды таких ученых и публицистов, как И. Восторгов, С.Ф. Шарапов, К.Н. Пасхалов, И.И. Дусинский, С.Н. Сыромятников, В. Строганов, В.А. Грингмут, П.Е. Казанский, Н.А. Захаров, П.И. Ковалевский, А.Е. Вандам, Э.Э. Ухтомский, А.Г. Щербатов, Д.А. Хомяков, Н.И. Черняев, Г.В. Бутми, А.Д. Нечволодов, П.Ф. Булацель и др. В монографии, как и должно быть в любом труде, посвященном общественной мысли, много цитат, с помощью которых исследователь дает представление о социально-политических (включая то, что ныне именуется политтехнологиями) и экономических наработках русских монархистов. Немалое внимание уделяет Репников проблемам элитарности, социального неравенства, иерархической организации как базовым принципам российского (и не только) консерватизма конца XIX – начала XX в.

Затрагивая взгляды консерваторов на столь важные для них вопросы, как профессиональный и национальный, автор выделяет мыслителей, отстаивавших имперский принцип (К.Н. Леонтьев), в противопоставление тем, кто обращался к принципу «крови» (известный русский психиатр И.А. Сикорский, М.О. Меньшиков). Интересно, что эти направления политической философии и идеологии именно в таком виде возрождаются в России в настоящее время.

Отдельная глава книги посвящена внешнеполитическим представлениям правых, где немалое место уделяется славянскому вопросу.

Анализируя трансформацию взглядов консерваторов на идею славянского объединения, автор отмечает, что в начале XX в. она подвергалась жесткой критике.

Во второй половине XIX в. выпады К.Н. Леонтьева в адрес «проевропейских» (проникнутых либеральным духом) славян казались чем-то странным в среде консерваторов, но в начале XX в. многие из идеологов Всероссийского национального союза (ВНС) открыто писали, что славянские народы, воспользовавшись поддержкой России и получив независимость, отнюдь не спешили к оформлению с ней каких-либо дружественных альянсов.

Националист В. Строганов полагал, что «даже для наших братьев-славян, за освобождение которых мы проливали свою кровь почти три столетия подряд, мы имеем ценность постольку, поскольку мы можем быть им полезны» (с. 241). П.И. Ковалевский также прагматично подходил к вопросу, считая, что, оказывая постоянную поддержку «братьям-славянам», мы в итоге «добились того, что все эти наши славянские братья смотрели на нас, как на своих обязанных батраков [...] В благодарность те же вырученные братушки и лягут эту глупую Россию» (с. 241). А.И. Савенко доказывал, что политика национального эгоизма должна заставить русских искать таких союзников, которые смогли бы помочь в достижении национальных задач. И если эти задачи достижимы только при условии союза с Германией, нужно «всеми силами стремиться к этому союзу (ближайшей целью союза должно быть поставлено обеспечение русских и германских интересов при разделе Австро-Венгрии)». Если же для заключения между Россией и Германией тайного союза «придется пожертвовать интересами чехов и прочего западного (но не южного) славянства», то, мы «ни на минуту не задумываясь должны это сделать», как делают это поляки и чехи, постольку «западное славянство само усердно лезет в немецкую пасть и для облегчения этой операции придумало соус под названием австрославизм». В итоге Савенко пришел к выводу, что здоровая политика национального эгоизма должна учитывать тот факт, что «все интересы западного славянства не стоят ни одного русского солдата, ни одного русского рубля» (с. 242).

Как показывает Репников, немногие консерваторы (Н.П. Аксаков, С.Ф. Шарапов) в то время остались верными панславистским идеям. Вместе с тем представляется, что работа только бы выиграла, если бы автор уделил поздним славянофилам, почвенничеству и панславизму больше внимания и при рассмотрении теоретических основ русского консерватизма, и в главе, посвященной внешнеполитическим взглядам правых, и при рассмотрении вопросов общины и соборности в их социально-экономическом аспекте. Само это течение, его представители оказали весьма серьезное влияние на идеологическое и социально-психологическое пространство российской элиты. В монографии приводится материал, посвященный общественно-политической борьбе вокруг идеи созыва Земского собора в начальный период правления Александра III, но он выглядит несколько обособленно.

Одним из наиболее острых на правом поле всегда был польский вопрос, которому также уделено внимание в монографии. В традиционном представлении, российская консервативная мысль – это мысль антипольская. Но Репников показывает, что однозначность и прямолинейность в данном случае не более чем иллюзия. Тысячелетний русско-польский исторический антагонизм на консервативном поле сталкивался с идеей славянского единства и далеко не всегда побеждал. Так, С.Ф. Шарапов в начале XX в. выступал с мыслью о необходимости русско-польского примирения, чем заслужил похвалы зарубежной славянской печати и ожидаемые обвинения в «полонофильстве» со стороны российских правых изданий. Другой важный аспект этой проблемы – отношение консерваторов к насильственной русификации, проводимой правительством. Интересно, что крупнейшие правые мыслители: Леонтьев, Меньшиков, Мещерский, – вопреки сложившимся стереотипам, полагали, что подобная политика не является средством государственной интеграции и может привести только к ослаблению империи (с. 297–298).

Но все представители консерватизма отводили первенствующую роль в Рос-

сийской империи русскому народу, который понимался как совокупность великороссов, малороссов и белорусов. Соответственно, «украинский» и «белорусский» вопросы принимались мыслителями этого направления как надуманные и одновременно крайне опасные для единства страны, о чем Репников приводит немало любопытных данных. На указанной позиции находились не только такие политики и публицисты, как В.В. Шульгин, но и многие выдающиеся ученые-слависты, приводя в качестве аргументов этнографические данные. А.С. Будилович отмечал, что «центробежные стремления если и проявлялись иной раз у южнорусов, то обыкновенно не в среде народных масс, а в верхах населения, вследствие разъединительной политики сначала старорусских князей и бояр, потом гетманов и казацкой панов-рады, а в новейшее время – разных интеллигентов». По наблюдениям А.И. Соболевского, «русский народ нигде не называет себя великорусами, малорусами или белорусами; эти этнографические названия принадлежат науке и употребляются только образованными людьми». Вопрос о том, кого считать русскими возникал еще и потому, что, по замечанию того же Соболевского, «в огромной части своей территории русский народ не дает себе никакого названия». Если самоидентификация и происходит, то она отталкивается не от «крови», а от религии – «православные» и «не православные» (с. 306–307). Консерваторы воспринимали Малороссию как неотъемлемую часть России, приписывая малороссам в целом чувство единства с великороссами (в противоречии с формирующимся украинским национализмом). В монографии Репникова эта проблема справедливо показана как часть общего недопонимания российскими правыми социально-политических и этноконфессиональных процессов в стране.

Многие материалы ГА РФ, РГАЛИ, ЦА ФСБ России, использованные в книге, были впервые опубликованы Репниковым. В 2008 г. вышел подготовленный им «Дневник Л.А. Тихомирова 1915–1917 гг.». Совместно с исследователями из Центрального архива федеральной

службы безопасности Российской Федерации он впервые ввел в научный оборот материалы из следственных дел А.И. Дубровина и В.В. Шульгина, вызвавшие большой интерес в научных кругах.

Заключительная глава книги повествует о судьбах лидеров русского консервативного движения в постреволюционный период. В ней интересна прослеженная Репниковым эволюция взглядов тех, кто до Февральской революции числился «правоверными монархистами». Многие из них (Л.А. Тихомиров, М.О. Меньшиков, В.М. Пуришкевич и др.) позитивно восприняли весть о падении самодержавия. Полное разочарование в Николае II наглядно демонстрируют многочисленные цитаты, приводимые историком. Репников последовательно показывает хронику идеологического краха монархизма. Тем, кто сегодня идеализирует личность последнего императора, одновременно рисуя «сусальные образы», будет особенно полезно внимательно прочитать материалы последней главы монографии. В той же главе рассматривается весьма болезненная тема коллаборационизма русских консерваторов в период эмиграции.

Помимо магистральных проблем, обозначенных в названии глав, в работе также показано отношение консерваторов к идее прогресса и иерархической системе построения государства и общества; злободневно звучит их позитивная оценка армии; дается анализ критики бюрократии; показывается отношение к представительным органам власти – Государственной думе, Государственному совету, Земским соборам; в ряде глав рассматриваются различные аспекты такой непростой темы, как русские правые и еврейский вопрос. Отдельная тема – консервативная оценка Москвы и Петербурга.

В целом, Репникову удалось выработать собственную концепцию, дающую объяснение специфики российского консерватизма и его эволюции в такой сложный временной период, как конец XIX – начало XX в., не отягощенную излишним субъективизмом, который так характерен для очень многих современных исследований, посвященных этой проблеме.

© 2009 г. *Е.С. Галкина*

Славяноведение, № 3

Алманах на българските национални движения след 1878 г. София, 2005. 639 с.

Болгарские национальные движения после 1878 года. Альманах

В издательстве Болгарской академии наук увидела свет книга, которой достаточно не просто дать четкую дефиницию. Это и энциклопедия, и справочно-биографический словарь. Издание совмещает несколько научных «жанров». Наверное, поэтому составители назвали свой труд «альманах».

«Болгарские национальные движения» это, действительно, краткая энциклопедия национального движения болгар после 1878 г., в большей или меньшей степени проявившегося как в различных

частях современной Болгарии, так и на тех территориях за ее границами, которые и поныне болгарами воспринимаются как болгарские земли. Отдельно выделены национальные движения в болгарской диаспоре. В аннотации к изданию говорится: «Данный альманах посвящен 110-й годовщине создания крупнейшей болгарской национально-освободительной организации – ВМОРО, и 100-летию самого яркого и памятного события в ее истории – Ильинденско-Преображенского восстания 1903 года» (с. 4).

Составителям (Г. Марков, А. Гребенаров, В. Милачков, Л. Стоянов) и 57 авторам статей удалось объединить в одном томе разбросанный по многочисленным изданиям справочный материал о болгарских национально-освободительных организациях и известнейших их участниках, о церковных деятелях, деятелях культуры, просвещения, науки, экономики и политики. Хорошо иллюстрированный энциклопедический труд уникален по своему тематическому и хронологическому охвату. Сами составители подчеркивают, что перед нами «первый опыт представления болгарского национального вопроса от момента его возникновения в 1878 году до наших дней в нескольких аспектах» (с. 23).

Альманах включает около 800 статей с краткой библиографией, которые систематизированы по разделам и в алфавитном порядке, состоит из вступительной статьи профессора Д. Дойнова, Введения и четырех разделов.

Во Введении составители делают акцент на преемственности альманаха сложившимся в болгарской научно-публицистической литературе традициям. Первая подобная публикация увидела свет в 1931 г. в Софии и называлась «Альбом-альманах Македония». Второе издание под названием «Македонский альманах», выпущенное эмигрантским Союзом македонских политических организаций, действующим в США, появилось в 1940 г.

В Первый раздел альманаха «Этнодемографические процессы. Болгарская диаспора в мире. Церковные, образовательные, благотворительные институты и организации» включены статьи, посвященные этнодемографическим процессам на территориях, оставшихся за пределами Болгарии после Берлинского конгресса 1878 г. В этом же разделе описывается возникновение болгарской диаспоры в мире, болгарских культурных и просветительских организаций в различных странах мира. В разделе серьезное внимание, насколько позволяет формат издания, уделено деятельности церковно-просветительских институтов и центров (например, благотворительных организаций и банков), способство-

вавших сохранению и развитию болгарского самосознания у населения на территориях, оставшихся за пределами Болгарии.

Приоритетное внимание в альманахе уделено болгарским национально-освободительным организациям – и нелегальным, и легальным. Как подчеркивают составители, все подобные организации, за незначительным исключением, включены в издание. Им посвящен Второй, самый большой раздел альманаха – «Болгарские национально-освободительные организации. События и деятели». В этом разделе находятся и статьи о более чем 250-ти деятелях, внесших значительный вклад в развитие болгарского национального движения. Здесь же можно найти и статьи об ученых и общественных деятелях, оказавших значительное влияние на идеологию организаций, а также статьи о зарубежных ученых, общественных деятелях и деятелях культуры, так или иначе связанных с Болгарией. Здесь же помещены статьи о некоторых самых влиятельных и выходявших продолжительное время печатных изданиях организаций. Всего раздел содержит 781 статью.

В Третьем разделе – «Национальный вопрос и болгарская общественность. Организации, события и деятели» – особое внимание уделено патриотическим организациям в самой Болгарии, на которых, как отмечают составители, «до недавнего времени стояло клеймо «националистических» (с. 22.). Составители же альманаха считают, что деятельность этих организаций заслуживает популяризации. В этом разделе размещены статьи о болгарских деятелях культуры, науки, просвещения, о политических и общественных деятелях, связанных с национальным движением. То, что статьи о них размещены в данном разделе, а не во втором, составители объясняют тем, что национальное движение было у них на втором плане, по сравнению с профессиональной деятельностью. Тут же содержатся статьи о современных исследователях болгарского национального вопроса, внесших существенный вклад в освещение различных аспектов развития болгарской нации.

В Четвертом разделе альманаха – «Болгарский национальный вопрос в международных отношениях и мировая общественность» – собраны статьи о международных событиях, в которых Болгария оказалась основным субъектом, о событиях на международной арене, зарубежных деятелях и организациях, имевших непосредственное отношение к болгарскому национальному вопросу. Как отмечают составители, «некоторые из них играли негативную роль, противодействуя справедливому разрешению болгарского национального вопроса» (с. 23).

Следует отметить, что, как и следовало ожидать, одно из основных мест в альманахе отдано Внутренней македонско-одринской организации (ВМОРО), впрочем, на протяжении времени носившей разные названия, но прочно вошедшей в историю как ВМРО, и ее деятелям. Естественно, что в издании роль Организации оценивается однозначно – положительно.

Основы Внутренней македонской революционной организации (ВМРО) были заложены в октябре 1893 г. в городе Салоники. В первые месяцы 1894 г. цель Организации была конкретизирована – достижение автономии Македонии, подразумевавшее дальнейшее ее присоединение к Болгарии. До 1896 г. Организация, созданная в Салониках, носила название Македонской революционной организации, затем, по 1902 г., называлась Болгарские македонско-одринские революционные комитеты, с 1902 г. по 1905 г. – Тайная македонско-одринская революционная организация, а в 1905 г. получила название Внутренней македонско-одринской революционной организации. Одринская – по болгарскому названию Адрианопольского вилайета Османской империи. После Балканских и Первой мировой войн исчезла всякая надежда на присоединение этого края к Болгарии и возможность деятельности там, а из названия организации была исключена и первая буква «О».

«Революционность» Организации подразумевала террористические и провокационные методы деятельности. Не вдаваясь в подробности, что отвлекло

бы нас от основной темы и заняло бы слишком много времени и печатного пространства, отметим, что в истории мировой политики ВМРО навсегда осталась террористической организацией. Что же касается ее деятельности на рубеже XIX–XX вв. в Македонии, то не будет преувеличением сказать, что это была непрерывная цепь террора и провокаций, прикрываемая национальной фразой. Новые лидеры ВМРО признали в 1925 г.: «Даже Ильинденское восстание в 1903 г., самое большое и массовое восстание, не могло рассчитывать само завоевать свободу Македонии, а имело целью принудить общеевропейское общественное мнение и международную дипломатию разрешить македонский вопрос» (Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. М., 2000. Ч. 1. С. 272). Заложенные при формировании ВМРО принципы (в первую очередь, «кадровая политика») предопределили судьбу этой организации. Сразу после так называемого Ильинденского восстания внутри нее началась самая настоящая безжалостная междоусобная война. Организация прославилась тесным сотрудничеством с усташами, а самым известным предприятием организации стало участие в марсельском убийстве 1934 г. Организация, не способная к существованию в мирных условиях, была запрещена и разогнана болгарским правительством в 1934 г. Этот разгон не вызвал никакого массового отклика в Болгарии, что говорит о степени «массовости» и «популярности» Организации. Правда, этот красноречивый факт авторы Альманаха не комментируют. Впрочем, все это можно отнести к субъективному мнению автора этих строк. Но нельзя не заметить, что в альманахе практически не освещена активность болгарского государства в 1970–1980 гг. в деле развития национальной исторической науки, нет статей о государственных деятелях тех лет, в том числе и о Т. Живкове.

Так или иначе, альманах – это масштабное научно-справочное издание, труд известных болгарских и зарубежных исследователей, продолжающих болгарские традиции научно-популяр-

ной литературы в ее современных измерениях. Альманах богато иллюстрирован – здесь не только множество портретов, но и картографические материалы, образцы вооружений повстанцев, копии разнообразных печатных материалов и

т.п. Некоторые из фотографий публикуются впервые.

© 2009 г. М.Л. Ямбаев

Славяноведение, № 3

А.Г. ШЕШКЕН. Македонская литература XX века: Генезис. Этапы развития. Национальное своеобразие. М., 2007. 252 с.

В 2007 г. в издательстве Московского университета им. М.В. Ломоносова вышла монография канд. филол. наук, доцента кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ Аллы Геннадьевны Шешкен «Македонская литература XX века: Генезис. Этапы развития. Национальное своеобразие».

А.Г. Шешкен – автор многочисленных статей, посвященных югославянским литературам и, в частности, литературе Македонии в фундаментальных трудах Института славяноведения РАН «История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. Том 2. 1970–1980-е годы (М., 2001), «История литератур южных и западных славян. Том 3» (М., 2001), «Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы 1990-х годов: прерывность-непрерывность литературного процесса» (М., 2002), а также монографий «Русская и югославянская литература в свете компаративистики» (М., 2003) и «Студии за македонската литература» («Исследования по македонской литературе») (Скопје, 2005).

«Македонская литература XX века...» – первая в российской славистике и македонистике монография, посвященная специфике развития этой национальной литературы, чей путь в XX в. был отнюдь не прост и связан со сложной исторической судьбой македонских славян. Далеко не случайно автор озаглавливает введение к монографии следующим образом: «Судьба народа – судьба литературы», воспроизводя рус-

ское название книги известного болгарского историка литературы Тончо Жечева [1], писавшего о литературе своего народа. Как верно замечает во вступлении к монографии А.Г. Шешкен, «история культуры и литературы любого народа отражает особенности его исторической судьбы, связана с процессом зарождения и формирования у него этнического и национального самосознания и становлением национального литературного языка» (с. 3).

Выстроенная по хронологическому принципу, монография А.Г. Шешкен, отражает главные этапы развития македонской литературы, начиная с 1880-х и завершая концом 1980-х годов. Ставя себе задачу представить по возможности целостный взгляд на эту национальную литературу, автор делит книгу на четыре части, каждая из которых отражает очередную ступень становления и развития литературы Македонии: «Формирование македонской литературы (1880–1945)», «Македонская литература на македонском языке (1945–1955)», «Время эстетических перемен (1950–1960-е гг.)», «1970–1980-е гг. Зрелость литературы». Жанровое и стилевое своеобразие.

Вместе с тем предложенная автором хронология македонской словесности, казалось бы, на первый взгляд, приходит в противоречие с самим заглавием книги – «Македонская литература XX века». Ибо коль скоро речь идет о судьбе литературы этого славянского народа на протяжении всего XX в., то, с одной стороны, в контексте всей книги

могут показаться избыточными рассуждения А.Г. Шешкен о том, что происходило с македонской словесностью в конце XIX в. (речь идет о двух последних его десятилетиях), а с другой – у читателя может возникнуть недоумение, связанное тем, что крайним рубежом развития македонской литературы в XX в. оказываются 1980-е, а не 1990-е годы. Подчеркнем, однако, что это лишь кажущееся противоречие, которое в очень большой степени отражает и противоречия самой македонской культуры.

Общеизвестно, что примеры несовпадения литературного века с календарными рамками – явление не такое уж редкое. Как писал А.С. Дмитриев, «литературный XIX век не совпадает с календарным XIX веком, поскольку историко-литературный и исторический процессы определяются не датами как таковыми, а теми или иными событиями, оказавшими существенное влияние на поступательный ход развития общества. Такими событиями, определившими хронологические рамки исторического развития и соответственно литературного процесса несколько условного в данном случае XIX века, были Великая французская революция 1789–1794 гг. и Парижская Коммуна 1871 г.» [2. С. 5]. Другие же исследователи говорят о 1914 г. как о дате, когда XIX век ушел в историю.

Периодизация македонской литературы, выстроенная А.Г. Шешкен, вписывается в контекст подобных размышлений многих исследователей. Македонский литературный XX век начинается, по мнению автора, с конца 1880-х годов, когда возник вопрос об осознании македонскими славянами своей национальной специфичности, а завершается в 1991 г., ставшим новым рубежом в жизни македонцев. Думается, что эти весьма существенные размышления могли бы появиться уже во введении к монографии: тем самым сразу были бы сняты многие вопросы, возникающие у непросвещенного читателя по ходу знакомства с монографией А.Г. Шешкен. Последнее десятилетие XX в. – это совершенно особый этап, связанный с образованием независимого македонского

государства и принеший свою специфику в национальную, а следовательно, и в культурную жизнь Македонии. Кардинальная смена вектора развития страны в 1990-е годы не могла не отразиться на сфере литературы, перенесшей весьма внушительные трансформации и потому заслуживающей отдельного исследования.

Историко-типологический подход, положенный в основу монографии А.Г. Шешкен, позволяет автору осветить самый широкий круг вопросов, касающихся общих особенностей формирования и эволюции македонской литературы в конце XIX – XX в., развития литературных родов в национальной словесности на протяжении столетия, бытования в культурном пространстве Македонии разнообразных эстетических концепций, эволюции жанров, стилевых поисков отдельных авторов и пр.

Смысловой доминантой исследования А.Г. Шешкен стала попытка решения важнейшего для македонистики вопроса, связанного с «ускоренным» характером развития этой национальной литературы. Данная проблема всесторонне рассматривается автором, подчеркивающим внешнеэстетические причины «запаздывающего» движения македонской словесности в общеевропейском литературном процессе. «Ускоренности» как закономерности литературного процесса новой эпохи А.Г. Шешкен уделяет внимание в специальном разделе второй главы монографии, подчеркивая, что речь идет не столько о специфике сугубо македонской, сколько о целом ряде теоретических вопросов, возникающих при рассмотрении «внутренних темпов» (с. 70) движения многих славянских литератур (в том числе и русской) в XIX–XX вв. Опираясь на работы многих исследователей, размышлявших над проблемами скачкообразного развития разных национальных литератур (Г.Н. Поспелов, П.М. Бацилли, Г.Д. Гачев, С.В. Никольский, Н.И. Кравцов, А.С. Бушмин), автор монографии подробно останавливается на концепции Г.Д. Гачева, выдвинутой им в работе «Ускоренное развитие литературы (на материале болгарской литературы пер-

вой половины XIX в.» (М., 1964), а также на полемике, которую вызвали идеи ученого в филологической среде. Весь этот серьезнейший материал необходим А.Г. Шешкен для выработки собственной концепции, касающейся оригинального пути македонской литературы в XX в. Подчеркнем, что для подтверждения своих идей автор обращается и к мало изученной у нас белорусской литературе, выстраивая тем самым своеобразную типологическую систему ускоренного развития некоторых национальных литератур. Материал, касающийся белорусской литературы, представляется, на наш взгляд, столь интересным, что остается сожалеть, что он зачастую остается в сносках, а не помещается в основной текст.

Размышляя о самом содержании термина «ускоренное развитие», А.Г.Шешкен показывает, что механизм ускоренного (скачкообразного) развития на македонской культурной почве выглядит несколько иным. Как замечает автор, «македонская литература, перескочившая целый ряд культурных эпох, демонстрирует и характерную для многих славянских литератур особенность, и свою специфику» (с. 81). Эта «молодая литература с древними корнями», по мнению автора, с которым можно полностью согласиться, своеобразна как раз тем, что скачок в ее развитии, определивший все доминанты литературной жизни страны, приходится на совершенно специфические условия – середину XX в. Безусловно, А.Г. Шешкен права, когда утверждает, что это не могло не оставить своего отпечатка, поскольку если сопоставлять достижения македонской словесности в XX в. с теми результатами, которых достигли соседние славянские литературы, совершившие подобный скачок столетием раньше, то становится очевидным, что рывок македонской литературы и те быстрые темпы, которыми она развивается сейчас, привели ее к весьма значительным художественным результатам. Уникальность ускоренной эволюции македонской литературы связана, по мысли автора, и с тем общемировым литературным контекстом, в котором очутилась литература Македонии

во второй половине XX в., и возможностью черпать из этого контекста разнообразные эстетические традиции, по-своему трансформируя их на основе традиций собственной культуры.

Литературный материал, содержащийся в последующих главах монографии, полностью подтверждает эти теоретические установки А.Г. Шешкен. Так, например, в гл. III «Время эстетических перемен (1950–1960-е гг.)» автором уделяется особое внимание литературным связям и их влиянию на «интенсификацию» художественного творческого процесса, а также переводу как фактору ускорения национального литературного развития. Те радикальные изменения, которые переживала македонская литература во второй половине XX в., проанализированы автором в гл. IV и трех ее параграфах: «Поэзия: традиции и новаторство», «Проза. Проблема универсального и национального», «Драма. Синтез фольклора и авангарда». Вместе с тем македонская литература XX в. представлена А.Г. Шешкен в обширном контексте русской литературы. Имена А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.А. Жуковского, Ф.И. Тютчева, А. Блока, С. Есенина, И. Бродского, Б. Пастернака и многих других звучат в разделах, посвященных развитию македонской поэзии на разных этапах. Без обращения к традициям Л. Толстого, И. Тургенева, Ф. Достоевского, Ф. Сологуба, И. Бабеля, М. Горького, М. Шолохова и других трудно было бы осмыслить картину развития основных жанров македонской прозы. Точно так же невозможно представить и драматургию Македонии без учета системного влияния творчества А.П. Чехова на развитие театрального искусства в мире. Органическая связь литературы Македонии с иными славянскими литературами, и прежде всего с литературой русской, системно представленная в монографии, делает исследование А.Г. Шешкен еще более полновесным и значимым.

А.Г. Шешкен удалось проанализировать пеструю и трудно дифференцируемую картину македонской литературы XX в., обозначить главные векторы ее развития, выявить специфику бытова-

ния этой национальной литературы в мировом литературном процессе, показав, что при всей оригинальности она является его неотъемлемой частью. Книга А.Г. Шешкен «Македонская литература XX века: Генезис. Этапы развития. Национальное своеобразие», без сомнений, уникальна, потому что знакомит как славистов, так и широкий круг читателей с таким своеобразным явлением, как молодая, но имеющая глубокие корни, македонская литература, и впервые в отечественной славистике демонстрирует системный взгляд российского ма-

кедониста на основные вопросы развития македонской литературы от истоков до конца XX в.

© 2009 г. М. Проскурнина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жечев Т. Судьба народа – судьба литературы. М., 1987.
2. Дмитриев А.С. XIX век – век гуманизма // История зарубежной литературы XIX века / Под ред. Н.А. Соловьевой. М., 1991.

Славяноведение, № 3

Н.В. ШВЕДОВА. Философские мотивы в словацкой поэзии (конец XIX – первая половина XX века). М., 2005. 160 с.

Монография Н.В. Шведовой посвящена анализу философских мотивов в словацкой поэзии последней трети XIX – первой половины XX в. В книге рассматривается творчество и философское осмысление мира через призму поэзии четырех ведущих словацких поэтов, о которых автор говорит, что они «принимают эстафету друг у друга» (с. 8). Это Павол Орсак-Гвездослав, Иван Краско, Эмиль Болеслав Лукач и Павол Горов.

Открывается книга главой о словацком Прометее – П. Орсаге-Гвездославе, которая получила название «Человек и Космос в творчестве Павла Орсага-Гвездослава». Автор показывает читателю творчество Гвездослава с разных сторон, делая осью своих рассуждений философское осмысление поэтом человеческого бытия. Шведова знакомит нас последовательно с основными вехами в творчестве Гвездослава и с развитием его представлений о центральных вопросах бытия – экзистенциальных вопросах жизни и смерти, одиночества, смысла жизни поэта и с тем, каким образом поэт разрабатывает эти темы в своем творчестве. Главным проводни-

ком в мир идеальных представлений для Гвездослава становится природа, которая оказывается «гносеологическим, этическим и эстетическим критерием поэзии Гвездослава» (с. 26). Именно через ее цикличность, ее образы поэт постигает законы жизни человека на Земле. Это проявляется в тематике стихов, как ранних, так и поздних, в образности (любимые образы поэта, помогающие ему познать мир, – звезда, цветок, дерево).

Рассматривая раннее творчество поэта, автор говорит о том, что Гвездослав продолжает некоторые традиции словацкого романтизма, для которого характерны народно-патриотические мотивы, поэтому поэт часто обращается к мифологическим и библейским образам и сюжетам. Единение с миром, Богом и собой проникнуто оптимизмом, а смерть видится печальной, но естественной и не вызывает у поэта мрачных, трагических мыслей, хотя уже в то время ему пришлось пережить смерть родных. Позднему творчеству Гвездослава в большей степени свойственно глубокое осмысление собственной жизни, творчества, причин неизбежности одиночества, разобщенности людей, звучат мотивы от-

верженности поэта, утраты себя, мотивы безнадежности, предчувствие смерти. Шведова приходит к такому выводу, подробно анализируя циклы стихотворений «Печали», «Последние звуки», «Летние беги», «Кровавые сонеты». Но, несмотря на то, что в поздней поэзии Гведослава звучит все больше пессимистичных нот, автор показывает, что он и тут не опускает голову и «упорно доискивается гармонии в окружающей жизни» (с. 47). Гармоническое равновесие, соблюдение высших законов он находил в природе, «вера в Бога не покидала его в самые трудные минуты» (с. 47).

Особенно ценными для российского читателя становятся размышления автора книги о связи творчества Гведослава с творчеством Тютчева. Словацкий поэт-философ оказывается близким по духу российскому, их обоих интересует «мир в его космических координатах» (с. 36), сходство прослеживается в «трактовке бытия и смысла человеческой жизни» (с. 37). Кроме того, если Тютчева можно назвать одним из предшественников русского символизма, то Гведослав, как показывает автор, стоял у истоков Словацкой Модерны, хоть и не был ее непосредственным глашатаяем.

Следуя хронологии, во второй, самой большой главе – «Словацкая Модерна: поэзия сумерек и озарений» Шведова переходит к рассмотрению философских поисков, характерных для следующей после Гведослава эпохи словацкой литературы, на примере творчества поэта-символиста И. Краско и его окружения.

Несмотря на активную полемику, как в словацкой, так и в российской критике, Н.В. Шведова считает И. Краско несомненным и ярким представителем словацкого символизма и доказывает это, подробно анализируя его тексты, находя в них немало общего с представителями чешского и русского символизма (О. Бржезина, А. Блок, А. Белый, В. Иванов). Особенно интересна трактовка поэзии Краско на фоне широко представленных в книге теоретических размышлений русских «младших символистов» о сути творчества и смысле символистского искусства. Но на протяже-

нии всей главы автор не упускает из виду и тесную связь творчества Краско и других поэтов Модерны с их великим словацким предшественником Гведославом.

Детальный анализ немногочисленных поэтических сборников Краско дает читателю прочувствовать изменения в мироощущении поэта, развитие его художественной мысли и духовных исканий. Раннему творчеству Краско, печатавшемуся под «говорящим» псевдонимом Янко Цигань, была свойственна балладность, песенность, прослеживалось влияние штуровцев и Гведослава, но даже тогда его песни были «неизменно грустны» (с. 54). Уже в первых стихах проявляются основные черты и мотивы его творчества: символистская атмосфера таинственности, недосказанность, противоречивость внутреннего мира человека, мотив вины, ощущение непознаваемости мира. В дальнейшем они разовьются, наполнятся более глубоким осмыслением трагизма человеческого существования и неразрешимости вопроса смысла бытия.

Философские категории, как показывает автор книги, проявлены в его творчестве через символы: туман, ночь, ворон, одинокие голые тополя призваны в творчестве Краско показать разобщенность, отчужденность людей, невозможность проникнуть в тайны мироздания. При этом Н.В. Шведова подчеркивает, что в отличие от русских старших символистов это вынужденные состояния, сквозь которые Краско всю жизнь пытается прорваться.

Особенно важную роль в духовных и философских исканиях поэта играет осмысление религиозных постулатов. «Для Краско ... ни Бог, ни религия не были догматичным понятием», – говорит Шведова и описывает красковскую религию как религию собственную, синтез язычества, христианских и буддийских учений. Причина поисков, которые привели поэта к подобному синтезу, заключается в том, что «его (Краско) религиозная вера уже не так крепка, как во времена Гведослава, поэтому разочарование в жизни и ее загадки гнетут его сильнее» (с. 65). Через анализ стихо-

творений автор показывает метания души поэта, оставшегося без опоры, но все равно верящего в достижимость нового единства с миром и с собой.

Сопоставляя представления о жизни и творческих постулатах двух поэтических эпох, «красковской» и «гвездославянской», автор книги говорит: «Если поэт поколения Гвездослава ощущал себя глашатаем нации, пророком, учителем, как и в романтизме, то поэт Модерны, Краско, видит себя “маленьким человеком”, таким же “рабом”, как и остальные. [...] Уже не “человек и Космос” определяют видение поэта, а “человек в XX столетии”, “надорванная” личность кризисной эпохи, ошеломленная “хаосом” бытия» (с. 82).

Шведова подытоживает размышления о поэзии И. Краско словами, точно описывающими конечную позитивную точку его творческого пути: «Центром его философских исканий остался человек, а одной из главных ценностей жизни – возвышенная любовь» (с. 89).

В этой же главе с точки зрения философских поисков рассматривается и творчество таких поэтов Словацкой Модерны, как Франтишек Вотруба, Иван Галл, Владимир Рой, которые по мнению автора, «составляют фон поэзии Краско» (с. 89). Каждый из них прошел свой творческий путь, но автор объединяет их: «Опора на национальные литературно-философские традиции, вера в торжество светлых начал жизни, тяга к коллективизму (у русских поэтов – “соборности”) помогали противостоять нравственно неоднозначным ценностям декаданса и эстетизма и всегда помнить о “духе, жаждущем света” (Краско)» (с. 106).

Следующая глава – «Меняющийся мир и вечные ценности. Эмиль Болеслав Лукач» посвящена периоду осмысления событий Первой мировой войны и творческим и философским поискам поэзии межвоенного периода. «Вообще философичность в словацкой поэзии межвоенного двадцатилетия была так или иначе связана с символистским началом» (с. 139), – говорит Шведова, поэтому центральной фигурой этого периода автор видит Э.Б. Лукача – священника, ак-

тивного деятеля культуры и политики, переводчика, «поэта-философа, поэта-аналитика, склонного к пессимизму». Лукач – продолжатель красковских традиций и традиций французского символизма, но Шведова прослеживает связи его творчества и с Гвездославом, а в поэзии обнаруживает черты экспрессионизма.

По мнению автора, основные духовно-философские поиски поэта сосредоточены вокруг проблем религиозного осознания катастроф войны и человеческой разобщенности и жестокости. Будучи священником, Лукач пытается разрешить эти вопросы с помощью нахождения источника всеобщей любви, но в начале творческого пути, как показывает Шведова, эти попытки приводят лишь к разрушению иллюзий. Такая важная категория человеческого бытия, как любовь, осмыслена Лукачем через «диалектическое единство противоположностей» (с. 124), болезненный парадокс, в котором любовь одного поддерживается холодностью другого.

Автор показывает, что Лукач, как и его предшественники, пережил глубокий душевный кризис, кульминацией которого стало осознание «жизни как бесконечного пути в тумане, как фатального поиска недостижимого» (с. 126). Выходом из этого кризиса послужило новое восприятие нации и родины, что дало опору и вдохнуло новую жизнь в его поэзию. Отчасти, но не до конца, он отходит от поэтики символизма. Выйти из сферы внутренних исканий в земную жизнь заставляет поэта и начало Второй мировой войны. В его поэзии усиливаются ноты патриотизма, боли за родину, поиски возможностей восстановления мирового порядка. Давая целостную картину творчества этого поэта, Н.В. Шведова пишет: «Лукач воспринимал человечество как целое, будучи патриотом, доискивался смысла его существования с точки зрения христианских принципов» (с. 136).

Последняя глава книги – «Волны жизни. Павол Горюв: творчество 1940-х годов» посвящена осмыслению событий Второй мировой войны в творчестве П. Горюва, одного из заметнейших по-

этов того времени. Шведова выделяет военный период поэзии Горова, так как именно он стал наиболее яркой страницей его творчества. Философская система Горова наполнена трагизмом мироощущения, страхом, борьбой, недоверием. Автор показывает, что в его творчестве проявлены черты самых разных направлений – от неосимволизма до поэтизма и надреализма (сюрреализма). Его поэтическая речь отличается новой традиционно «непоэтической» лексикой, имеющей экспрессивную функцию. Отношение к миру Горова Н.В. Шведова характеризует как «пессимистическое, «жестoko пробуждающееся» и гуманистическое ... со своей поэтикой, противящейся однозначному определению» (с. 143).

Основные мотивы творчества Горова – смерть, вселенская катастрофа, скорбь и любовь женщины-матери, «Вечной Женственности». Здесь автор прослеживает переключку с подобными женскими образами у Блока и Бениака. Автор книги подчеркивает важность этого образа: «Посреди военного кошмара ... поэт предвидит их конец не во всеобщем опустошении, но в последующем за ним возрождении мира на основе любви» (с. 148). И далее в творчестве Горова исследователь находит позитивный поток, несмотря на философское ощущение тщетности усилий, так как поэт развивает мысль о нахождении опоры в корнях, в родной земле.

Как нам представляется, на протяжении всей книги автор показывает, что это позитивное стремление, животворный источник питает не одно поколение словацких поэтов. О том же говорится и в за-

ключительной части книги: «Помимо веры в Бога, названным поэтам свойственна опора на такие жизненные ценности, как нация, родина, мать, а также любовь ... Словацкая поэзия в анализируемый промежуток ... отмечена некоей нравственной основательностью» (с. 157).

В заключение следует сказать, что монография Н.В. Шведовой, несомненно, является ценным научным трудом, в котором проведен подробный анализ творчества ярчайших представителей словацкой поэзии, рассмотрены их философские искания, подчеркнуты типологические для словацкой поэзии элементы, прослежена связь четырех поколений словацких поэтов, творивших в разных условиях – и во время формирования реализма, и в сложнейшей обстановке духовного кризиса рубежа веков, а также двух мировых войн и межвоенного периода, наполненного сомнениями и тяжелыми предчувствиями. В книге дан широкий культурный контекст их творчества, проведено сравнение словацких поэтов с их современниками в России, Чехии, Франции, Германии, детально освещены мнения словацкой и российской критики. В то же время, не зная на научную направленность, книга написана невероятно живо, и читателю не составляет труда нарисовать широкую картину движения мысли словацких поэтов разных эпох, их философских поисков, прорывов от мрачных ощущений к гармоническому принятию действительности, являющимся результатом упорного труда человеческой души.

© 2009 г. А.Ю. Вольнова

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ 1917 г. И ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС. НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ, НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ»

22–23 ноября 2007 г. в Институте славяноведения РАН состоялась международная научная конференция «Революционная Россия 1917 г. и польский вопрос. Новые источники, новые взгляды», подготовленная Представительством Польской академии наук в Москве совместно с Институтом славяноведения. Она ставила своей задачей оценить нынешнее состояние польской проблематики в изучении истории русских революций 1917 г., а также сопутствующие темы, связанные с историей региона Центрально-Восточной Европы в целом. В работе конференции участвовали исследователи из Польши, России и Чехии, представители польской диаспоры в Москве, сотрудники польского посольства. Участников конференции тепло приветствовали посол Республики Польша *Е. Бар*, директор Института славяноведения *К.В. Никифоров* и постоянный представитель ПАН в Москве *М. Волос*.

Серию докладов, заслушанных в первый день работы конференции, открыл *Э. Дурачинский* (Институт истории ПАН). Он представил широкую панораму событий всемирной истории, тем или иным образом связанных с Февральской и Октябрьской революциями в России, сформулировал темы будущих научных исследований на данную тему.

Ряд докладчиков посвятили свои выступления преломлению в польском сознании социально-политических трансформаций в России, имевших место в

конце XIX – 20-е годы XX в. *С.М. Фалькович* (ИСл РАН) представила общую картину развития общественного движения в Польше, подробно остановившись на соотношении социальных и национальных требований в лозунгах разных идейных течений и политических партий. Сходную проблематику применительно к событиям Февральской революции рассмотрел *Г.Ф. Матвеев* (МГУ). *И.С. Яжборовская* (ИС РАН) указала на ошибочность представлений советской историографии об Октябрьской революции как одном из факторов восстановления независимости Польши и недооценку роли Февральской революции в этом процессе. *В.А. Хорев* (ИСл РАН) оценил воздействие большевистской революции и Гражданской войны в России на творчество польских писателей 1920-х годов (*С.И. Виткевича*, *С. Жеромского*, *В. Вандурского*, *В. Броневского* и др.) и их идейную эволюцию. Развитие взглядов польской интеллигенции на Октябрьскую революцию после окончания Второй мировой войны было проанализировано в докладе *В.В. Волобуева* (ИСл РАН), сопоставившего различные идейные течения в Польше 1956 г. с воззрениями западных социал-демократов. Картину жизни польского крестьянства в канун российских революций представила *М.А. Кризань* (ИСл РАН).

Часть докладов была посвящена судьбам поляков, оказавшихся в России в период революций и Гражданской войны.

А. Коханьский подробно остановился на участии поляков в Гражданской войне на стороне Красной армии, их роли в органах государственной безопасности. Докладчик подчеркнул их роль в работе ВЧК–ОГПУ вплоть до 1931 г., когда поляки были устранены из советских репрессивных органов. Деятельность Польской военной организации на Украине и в Белоруссии в 1917–1918 гг. была рассмотрена *М. Волосом*, который пришел к выводу, что сторонники Ю. Пилсудского проиграли в борьбе за польское общественное мнение на так называемых кресах с приверженцами Р. Дмовского и Национально-демократической партии. На малоизвестные факты участия поляков в белых армиях в Сибири и на Дальнем Востоке опирался в своем докладе *Я. Висьневский* (Университет М. Коперника в Торуня), проследивший их боевой путь вплоть до эвакуации из Маньчжурии в начале 1920-х годов. Судьбам беженцев из Советской России посвятил свой доклад *З. Карнус* (Университет М. Коперника в Торуня). Обратившись к документам Министерства внутренних дел межвоенной Польши, он пришел к убеждению, что тяжелые переживания этих людей повлияли на возникновение негативного образа СССР в глазах поляков того времени. Та же мысль была продолжена в докладе *М. Радзивона* (Институт истории ПАН) о судьбе оставшегося после 1917 г. на Украине Б. Ивашкевича – старшего брата известного польского писателя и поэта Ярослава Ивашкевича. Письма Болеслава своему брату явились красноречивой иллюстрацией тягот, которые переживали оторванные от родины поляки.

В трех докладах рассматривалась региональная проблематика. Свое выступление *Е.Ю. Борисёнок* (ИСЛ РАН) посвятила влиянию польского фактора на национальную политику Политбюро ЦК

ВКП(б) в 1917–1923 гг., *Д. Михалык* (Университет М. Коперника в Торуня) проследила перипетии белорусского национального движения в период Гражданской войны в России, *Г.Д. Шкундин* (МГУ) рассмотрел вопрос о влиянии польской эмиграции на позицию Болгарии в годы Первой мировой войны, подчеркнув роль, которую сыграли деятели польской эмиграции в антироссийской политике болгарского царя.

В развернувшейся дискуссии большое внимание было уделено вопросам терминологии и методологии. *Э. Варачек* (Институт истории ЧАН) указал на необходимость изучения диктатуры как оборотной стороны демократии и поднял проблему соотношения авторитаризма и тоталитаризма, обосновал потребность в социологическом анализе исследуемых явлений. *В.Т. Поляковский* (Конгресс поляков в России), полемизируя с Э. Дурачинским, провел параллели между российским и американским определением понятия «супердержава». *Э. Дурачинский* и *А. Коханьский* призвали обратить внимание на довоенную польскую социологию и на современные работы польских историков об историографии СССР. С замечаниями по докладам выступили *И.С. Яжборовская*, *С.М. Фалькович*, *И.И. Костюшко* (ИСЛ РАН), *А.В. Липатов* (ИСЛ РАН).

Подводя итоги работы конференции, *М. Волос* выразил удовлетворение тем, что в ходе ее встретились старшее, среднее и молодое поколения историков, были продемонстрированы разные взгляды и подходы. Все это безусловно обогатило историческую науку России и Польши, продемонстрировало актуальность тем конференции и перспективность дальнейших исследовательских поисков.

© 2009 г. *В.В. Волобуев*

РОССИЯ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВРЕМЕННОМ ДУХОВНОМ КОНТЕКСТЕ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. Материалы «круглого стола»

20–21 ноября 2007 г. в Институте славяноведения РАН состоялся «круглый стол» «Россия и русская литература в современном духовном контексте стран Центральной и Юго-Восточной Европы». Программу круглого стола составили 16 докладов сотрудников Центра по изучению современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы, коллег из Центра истории славянских литератур и Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Открывая круглый стол, руководитель Центра по изучению современных литератур С.А. Шерлаимова отметила, что работа Центра ведется по двум основным направлениям. Во-первых, это мониторинг современного литературного процесса в странах ЦЮВЕ и попытки его осмысления «по горячим литературным следам». Во-вторых, восприятие России и русской культуры в литературах изучаемого региона. «Сегодняшний “круглый стол”, – сказала С.А. Шерлаимова, – идет в рамках разработки второго из этих направлений, которое, конечно же, тесно связано и с первым, поскольку в центре нашего внимания – современная литература. Однако понять и объективно оценить современное положение невозможно без обращения к истории вопроса, к более ранним периодам развития литератур стран ЦЮВЕ. В отношении к России, к русской культуре на протяжении по крайней мере двух предшествовавших веков и в современную эпоху отчетливо прослеживаются политические мотивы, но при всем том политика и культура хотя и взаимосвязанные, но совершенно особые области. Обзор этой сложной проблематики – в первом приближении – и является задачей нашего собрания».

Часть докладов была посвящена рецепции русской классики писателями стран ЦЮВЕ. Так, В.А. Хорев в докладе «Ф.М. Достоевский в сознании польских писателей» сосредоточил внимание на проблемах восприятия творчества Достоевского польскими писателями XX в. Достоевский, по его мнению, воздействовал не только на творчество, но и на ментальность многих больших писателей. С этой точки зрения важен не только анализ художественных произведений, где можно обнаружить следы этого воздействия, но и другие свидетельства. В.А. Хорев говорил о дневниковых записях, эссе, воспоминаниях, в которых содержится признание значения наследия Достоевского для мировой и польской культуры, для собственного творчества того или иного писателя. Еще важнее, чем признание польскими писателями художественного мастерства Достоевского, воздействие на них его философских концепций, прежде всего концепции личности. Философия человека у Достоевского усваивалась писателями как непосредственно из его художественных текстов, так и через посредство тех мыслителей, которые развивали идеи Достоевского или полемизировали с ними. В.А. Хорев привел в качестве примера работы выдающегося современного польского философа Л. Колаковского «Если Бога нет» (1986), другого известного мыслителя Ю. Тишнера («Философия драмы», 1990; «Спор о существовании человека», 1998 и др.). Картина восприятия Достоевского польскими писателями необыкновенно красочна. О Достоевском писали, высказывались, переводили его произведения, признавали его влияние на свое творчество Е. Анджеевский, Т. Бой-Желеньский, В. Броневский, А. Ват, С. Жеромский, Я. Ивашкевич, Ю. Каден-Бан-

дровский, З. Налковская, Т. Парницкий, А. Рудницкий, А. Слонимский, А. Струг, М. Хороманьский, Зб. Униловский, В. Гомбрович, Г. Херлинг-Грудзинский, Ч. Милош, Ю. Чапский, Е. Стемповский, К. Еленьский и десятки других.

О Ф.М. Достоевском говорил и *Ю.П. Гусев* в докладе «Ф.М. Достоевский в восприятии Д. Лукача». Он показал, что венгерского мыслителя в творчестве великого русского писателя привлекали прежде всего те черты, которые касались «вечных» сторон мировоззрения и морали, т.е. вопросы свободы и несвободы в человеческих взаимоотношениях, добра и зла, нравственности и безнравственности как мотивов действия. Лукач, вслед за Достоевским, считал классовые отношения, общественные институты вторичными в человеческой жизни. Приняв в 1918–1919 гг. большевизм, Лукач и Достоевского стал трактовать в вульгарно-социологическом плане. Тем не менее, именно Достоевский, многократно отвергнутый Лукачем, помог ему на склоне лет вернуться к общечеловеческим идеалам, требуя демократизации коммунистических режимов.

С.А. Шерлаимова в докладе «Россия в контексте чешских споров о Западе и Востоке» отметила, что вопрос об отношении к России и русской культуре с эпохи национального возрождения находился в центре процесса чешской национальной самоидентификации и сопутствовавших ей споров о принадлежности Чехии к цивилизации Запада или Востока Европы. После Второй мировой войны чешские идеологи провозглашали принадлежность Чехии исключительно к миру славянства, отождествляемому с миром социализма во главе с Советским Союзом. В 80-е годы прошлого века этот вопрос был снова поднят в выступлении самого известного в мире современного чешского романиста М. Кундеры, который резко негативно высказывался о русской (именно «русской», а не только советской) цивилизации, абсолютно, по его мнению, чуждой и враждебной Западу, включая Чехию. Анализ последующих высказываний Кундеры о мировой литературе и эстетической теории позволяет утверждать, что, при всем своем отрица-

тельном отношении к тому, что он называет «русской цивилизацией» и «славянской душой», чешский писатель высоко ценит достижения русской культуры (музыка Стравинского, проза Толстого и Чехова, любовная лирика Маяковского). «Позитивное отношение к русской литературе, к творчеству Достоевского в частности, можно проследить и в новейших произведениях чешских писателей, например, в постмодернистской прозе И. Кратохвила», – заключила свое выступление С.А. Шерлаимова.

О воздействии русской классики на македонскую литературу говорила в докладе «Русская классика и духовный мир македонских писателей» *А.Г. Шешкен*, подчеркнув, что для успешного развития национальной словесности македонцев принципиально важное значение имело освоение как близкой традиции соседних славянских литератур, так и постижение опыта мировой классики, в частности русской. Эта потребность стала основой непрерывно развивающихся контактных связей македонской литературы с другими. Особую роль при этом играл художественный перевод. Русская литература, всегда оказывавшая сильное воздействие на культуру македонцев, активно переводится на македонский язык во второй половине XX в. и по-новому открывается для македонцев. В это время наряду с классикой (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский) начинает вызывать интерес и Серебряный век, и литература 1920-х годов, привлекающая внимание многообразием художественных поисков.

Динамике восприятия советской культуры и литературы уделено внимание в докладах Ю.В. Богданов, Г.Я. Ильина, Н.Н. Пономарева. *Г.Я. Ильина* в своем выступлении «История одной книги (Мирслав Крлежа “Поездка в Россию”. Загреб, 1926 – Москва, 2005)» рассмотрела типологическое сходство восприятия советскими авторами и зарубежными левыми писателями Запада и молодой Советской России 1920-х годов, проанализировала отношение к созданному хорватским писателем образу России тех лет с момента публикации его книги до конца XX в., прослеживая связь между происхо-

дившими изменениями в политике и эстетическими условиями культурной жизни в СФРЮ и СССР.

Ю.В. Богданов в докладе «Россия и русская литература в словацком историко-литературном контексте XX века» анализирует динамику критического и читательского восприятия советской литературы в Словакии. Показательны уже количественные данные, максимальные после 1948 г. и куда менее внушительные после 1968 г. Советскую литературу продолжали переводить, но приоритет получили эстетические критерии. В то же время произведения Ю. Трифонова, В. Астафьева, В. Шукшина и других помогали словацким писателям раскрепоститься, преодолеть травму 1968 г.

Н.Н. Пономарева посвятила свое выступление анализу типологических параллелей в творчестве Н. Эрдмана и болгарского драматурга С. Стратиева. Арсенал комических приемов в комедиях Стратиева соотносим с абсурдизмом в западной драматургии, но не адекватен ему, прямой творческой зависимости С. Стратиева от Йонеско, Беккета или Пинтера в его пьесах нет. Важное отличие от них заключается в том, что у болгарского автора, как и у Н. Эрдмана, сатирический гротеск, пародия, абсурдные ситуации, в отличие от довольно абстрактного абсурдизма на Западе, напрямую соотносятся с реалиями и проблемами современности. Исторические судьбы театрального искусства Болгарии тесно связаны с российским театром и драматургией, подчеркнула Н.Н. Пономарева. Художественные типологические схождения между пьесами Стратиева и советской комедиографией (драматургией В. Маяковского и Н. Эрдмана) более чем очевидны.

В.Т. Серeda в докладе «Венгерские писатели о России и русских» говорил о восприятии России такими венгерскими авторами, как Л. Немец, Д. Ийеш, П. Вереш и др. *Д.Ю. Анисимова* в своем сообщении рассказала о книге Драгослава Махалы «Ветряные башмаки–III» (2006). *О.Л. Кириллова* в докладе «Диалог культур: сербские переводы Бориса Акунина» обратилась к проблеме восприятия иноязычной аудиторией романов Б. Аку-

нина. Как отметила *О.Л. Кириллова*, при переводе на сербский язык романов Бориса Акунина из серии «Приключения Эраста Фандорина» (которая пока насчитывает 12 названий), редакция столкнулась с необходимостью выбора подхода к проблеме перевода непереводимого: что делать с реалиями российского быта XIX в., с «костюмной» лексикой и т.п., которые в сербском языке, в силу иного типа культуры и исторических обстоятельств, представлены не столь разнообразным набором слов, как в русском.

Н.Н. Старикова в докладе «Поэзия Анны Ахматовой в Словении» проследила историю переводов произведений А. Ахматовой на словенский язык с учетом историко-литературного контекста, механизма отбора произведений и способа их подачи. Важную роль в воздвигании поэзии Ахматовой на словенское культурное пространство сыграло время появления в Словении ее переводов: первых – в начале 1960-х годов, последующих – в конце 1980-х, а затем и в конце 1990-х годов. Главная заслуга в этом принадлежит известному словенскому поэту и переводчику Т. Павчеку (р. 1928). С точки зрения того, как поэзия Ахматовой «прижилась» на словенской почве, особый интерес представляет антология «Песня Орфея» (1998), составленная из стихотворений, выбранных словенскими поэтами из всего многообразия мировой лирики. Стихи Ахматовой привлекли пятерых словенских поэтов, что доказывает: ахматовское творчество являет собой живое явление словенского культурного сознания.

Ю.А. Созина обратилась к теме «Образ русского эмигранта в словенской литературе XX века (по роману Андрея Хинга “Чудо Феликс”, 1993)», отметив, что одним из первых образ русского эмигранта в свой единственный роман «Человек среди черепов» (1929) ввел писатель, драматург и литературовед Братко Крефт (1905–1996). Образы русских эмигрантов важны и при разработке словенскими писателями темы Второй мировой войны. Так, этот образ использован известным словенским писателем Драго Янчаром в кульминации своего романа «Северное сияние» (1984). Особым слу-

чаем стал роман Андрея Хинга «Чудо Феликс» (1993). Этот семейный роман, действие которого происходит накануне Второй мировой войны, и другие произведения словенских писателей, обращающихся к образам русских эмигрантов, показали, что русские люди, оказавшиеся на словенской земле, хотя и оставались частью большой, во многом словенцам непонятной, но приковывающей к себе взгляды культуры, тем не менее помогали разобраться в таких вопросах национальной жизни, которые требовали особого взгляда со стороны и более широко подхода, нежели узко национальные рамки.

Л.Ф. Широкова в докладе «Русский как персонаж словацкой прозы второй половины XX – начала XXI века» также исследовала проблему героя и рассказала о том, что русские персонажи возникали в словацкой прозе последних пяти десятилетий с определенной регулярностью, обусловленной и внелитературными факторами (прежде всего политической конъюнктурой), и сменой идейно-эстетических приоритетов в самой литературе. Типизация зависела от той или иной пропорции таких моментов, как мифологизация (идеализация или, наоборот, предубеждения), жизненные реалии (прообразы, прототипы, русские в Словакии), личное отношение автора к объекту художественного отражения (в том числе русофильство или русофобия). В целом русский персонаж словацкой прозы носит характер своего рода «коллективного персонажа» (будь то русские партизаны, женщины или современные мафиози), наделенного не столько индивидуальными, сколько общими, часто «стереотипными» чертами.

Доклад *И.Е. Адельгейм* «Тропа как метафора жанра. Русский Север в путевой прозе Мариуша Вилька» был посвящен творчеству польского писателя, бывшего деятеля «Солидарности», последние полтора десятилетия живущего на Русском Севере. В сообщении Адельгейм речь шла о поисках автором во всех его книгах («Волчий блокнот», «Волок», «Дом на берегу Онега», «Тропами северного оленя») адекватного своей судьбе жанра. Она отметила, сколь важными

для этого писателя оказались образ, идея тропы – реалии ландшафта, метафоры движения по жизни, жизненного выбора, наконец метафорического обозначения жанра, в котором он работает. Освоение чужого пространства осуществляется этим польским писателем через слово и чужого слова – через пространство (своя жизнь как глосса к своему тексту и текст как глосса к жизни), полагает И.Е. Адельгейм. Вильк, заключила автор сообщения, имеет некоторые основания называть себя «русским писателем, пишущим польски». Именно эта дистанция позволяет преодолеть многие стереотипы стороннего взгляда на Россию, избежав российских автостереотипов.

Сообщение *И.А. Герчиковой* «Русская тема в современной чешской прозе» показало, сколь проблемным в современных условиях оказалось восприятие русской культуры в новейшей чешской литературе. Авторитет России, русских, русской культуры, который на протяжении XX в. под влиянием исторических событий испытывал резкие колебания, особенно сильно упал к концу столетия, в момент распада СССР и развала социалистического лагеря, и не везде поднялся на должный уровень в начале XXI в. Об этом свидетельствуют книги Давида Штяглавского «Россия между строчками» (2000), Петры Прохазковой «Алюминиевая королева» (2003), Яромира Штетина «Бастарды» (2006), представленные И.А. Герчиковой.

М.Б. Проскурнина в докладе «Русская культура и образ русской женщины в романе И. Павловского “Сок” (1991)», показала, что в македонской литературе, напротив, интерес к русской жизни на фоне актуализации сугубо национальной проблематики не только не угас, но, возможно, пережил даже определенный ренессанс. Русская тема в македонской литературе – явление не редкое. Довольно большое количество произведений представляют разные стороны образа русского человека в восприятии македонцев (драма Венко Андоновского (р. 1964) «Славянский ковчег» (1998), романы «Жена белогвардейца» (2001) Србо Ивановского (р. 1928), «Зубы ветра» (2003) Томе Арсовского (р.1928), «Аквамарин»

(2004) Тани Урошевич (р. 1939) и др.). Роман Йована Павловского (1937) «Сок» (оригинальное название – «Сок од простата», 1991), посвященный жизни македонца в Москве конца 1980-х годов и его драматичным взаимоотношениям с русской женщиной, вписывается в общий контекст постоянного взаимодействия македонской культуры с русской. Роман демонстрирует глубокое проникновение не только в пласты русской культуры, но и в сферу русского национального характера. Размышляя о жизни македонца, Павловский связывает две культуры, в которых, как оказалось, проявляется много общих черт, одна из них – вечное, но трагически неосуществимое стремление человека к гармонии. Национальный характер македонца и русский национальный характер сближаются в пространстве трагического восприятия жизни.

Прошедший «круглый стол» стал частью исследовательского проекта «Россия и русская литература в современном духовном контексте стран Центральной

и Юго-Восточной Европы» (руководитель проекта – д-р филол. наук Ю.П. Гусев, грант РГНФ 07-04-02015а), над которым в настоящее время работают сотрудники Центра по изучению современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы. Проект, рассчитанный на два года, должен завершиться в 2008 г. подготовкой коллективного труда, посвященного осмыслению роли России и русской литературы в культурном кругозоре народов ЦЮВЕ. Как показала работа «круглого стола», проблема, заявленная в названии, оказалась остро актуальной не только в связи с необходимостью разговора о месте, которое занимает русская культура в художественном сознании народов ЦЮВЕ, но и, возможно, в связи со стремлением восстановить позитивный образ России в современном мире.

© 2009 г. *М.Б. Проскурнина*

Славяноведение, № 3

СЛАВИСТИКА В ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ.

Материалы «круглого стола»

22 мая 2007 г. в рамках Дней славянской письменности и культуры в Центре истории славянских литератур прошло заседание «круглого стола», посвященного новым тенденциям и явлениям в культурной жизни зарубежных славянских стран. Первое мероприятие такого рода состоялось весной 2003 г. (см. [1]). Второе – 22 марта 2005 г. (см. [2]). Основной проблематикой третьего, о котором идет речь, стали «Славистические исследования в зарубежных славянских странах. Современное состояние».

Насколько актуальна эта тематика, показали первые же выступления, где была сделана попытка уйти от зарубеж-

ной славистики и осветить состояние национального литературоведения в изучаемой славянской стране. Председательствующей Л.Н. Будаговой пришлось напомнить коллегам, что еще на I Международном съезде славистов в Праге (1946) было достигнуто соглашение, что предметом славистики в славянских странах является изучение не их национальной, а зарубежной славянской культуры, языка и литературы.

И.И. Калиганов рассказал о состоянии русистики в Болгарии. В последние десятилетия русистика в Болгарии развивалась очень неравномерно. Пик ее развития пришелся на 70–80-е годы XX в.,

когда русский язык преподавался в средних школах, в болгарских вузах на филологических факультетах повсеместно существовали обширные русские отделения, функционировали многочисленные университетские и институтские кафедры русского языка и литературы. Число русистов было столь значительно, что они объединились в Союз русистов Болгарии, который с 1974 г. начал издавать журнал «Българска русистика». Даже беглый просмотр содержания его номеров за 20 лет позволяет сделать вывод о чрезвычайно широкой сфере научных интересов болгарских литературоведов-русистов. Ими осваивались практически все периоды истории развития русской литературы, начиная с «Моления Даниила Заточника» и «Слова о полку Игореве» и кончая произведениями А. Платонова, В. Астафьева и А. Солженицына.

Начавшаяся с конца 80-х годов XX в. болгарская «перестройка» привела к политической переориентации страны с Востока на Запад. Русский язык перестали изучать в средних школах, русские отделения на филологических факультетах ряда вузов были закрыты, прием абитуриентов на них сокращен. В середине 1990-х годов перестал выходить журнал «Българска русистика», резко упал интерес ко всему русскому. В особенности это касается новейшей литературы. Можно констатировать, что она почти неизвестна широкому кругу болгарских читателей. Произведения российских писателей переводятся и издаются крайне редко по причинам финансовым, а иногда и политическим. Основанный в 1981 г. болгарский журнал «Факел», всецело посвященный публикации переводов на болгарский язык наиболее ярких литературных новинок советских прозаиков и поэтов, в 90-е годы XX в. оказался практически закрытым. Его тираж сократился с 25000 до 2000 экземпляров, подписка на журнал для частных лиц была запрещена и разрешалась только для библиотек. Перевод издательской деятельности на коммерческую основу, разгул рыночных отношений в литературе и обнищание подавляющей массы населения Болгарии в результате реформ сделали издание журнала «Факел» убыточным.

Выпуск журнала продолжался лишь благодаря энтузиазму его главного редактора, писателя Георгия Борисова и спонсорской поддержке поэта и издателя Божаны Апостоловой.

Тем не менее в Болгарии у исследователей и читателей существует гораздо больше возможностей для знакомства с произведениями современных русских писателей (и мнениями о них литературоведов), чем у россиян с болгарскими. В софийской Народной библиотеке им. свв. Кирилла и Мефодия в открытом доступе всегда имеются свежие номера российских литературно-общественных и научных журналов. Достаточно протянуть руку, чтобы ознакомиться с содержанием очередного выпуска «Нового мира», «Октябрь», «Нашего современника», «Вопросов литературы», «Славяноведения» и других подобного рода изданий. В России же произведения современных болгарских авторов остаются практически неизвестными. Даже болгаристы нередко лишь понаслышке знают имена таких талантливых современных авторов Болгарии, как Виктор Пасков, Владо Даверов, Алек Попов, Георгий Господинов. Их сочинений нет в наших библиотеках, они не переведены на русский язык. Плохо обстоит дело и с болгарской научной литературой. Многие важнейшие болгарские научные труды и периодические издания отсутствуют даже в крупнейших библиотеках нашей страны – РГБ им. В.И. Ленина и ВГБИЛ им. М.И. Рудомино. В смысле комплектации своих библиотек научной литературой огромная и богатая Россия, увы, проигрывает маленькой и бедной Болгарии. И это очень печальный факт, поскольку тот, кого отстраняют от потока современной научной информации, обречен на отставание.

М.Г. Смольянинова отметила, что в последнее время в Болгарии изданы интересные литературоведческие исследования [3]. Ряд книг, изданных Институтом литературы БАН, посвящен видному болгарскому литературоведу, фольклористу, историку культуры Ивану Шишманову (1862–1928): «Иван Д. Шишманов – Форум. Шишмановские чтения. Книга 1» (София, 2005), «Будем европейцами и все же – болгарами. Иван Шишманов в оцен-

ке современников» (София, 2006), «Иван Шишманов – ученый и гражданин. Шишмановские чтения. Книга 2» (София, 2006). В последней книге вышла и публикация М.Г. Смольяниновой «Переписка Ивана Шишманова и Николая Рубакина (1921–1924)», которая впервые ввела в научный оборот переписку двух выдающихся просветителей Болгарии и России. Шишманов содействовал международному сотрудничеству славянских ученых и писателей, расширению болгаро-русских научных и литературных отношений. Его исследования о болгаро-русских и болгаро-украинских литературных связях, о значении творчества А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко для развития болгарской литературы не утратили научной значимости и в наши дни. Выход в свет трех вышеназванных книг, посвященных И.Д. Шишманову, – своеобразный памятник незаурядному болгарскому ученому.

В некоторых исследованиях последнего времени можно наблюдать переоценку в освещении ряда исторических событий, происходивших в Болгарии в XIX в. Одни ученые утверждают, что не было в Болгарии турецкого ига, а было всего лишь «османское присутствие»; другие полагают, что массовое уничтожение турками болгар в Батаке весной 1876 г. – не более чем «миф»; третьи называют русско-турецкую войну 1877–1878 гг. не освободительной, а «оккупационной», «захватнической» (см., например [4]). Однако опровержение вымысла псевдоученых, искажающих истину, – тема отдельного исследования.

И.А. Герчикова подчеркнула, что традиционный интерес к России, имевший место во все времена, серьезная русистика, одна из самых сильных в славянских странах школа переводчиков с русского языка – все это характеризует и нынешнее состояние славистики в Чехии. Среди литературоведческих работ нельзя не упомянуть вышедшую в 2002 г. книгу «С другого берега» чешского русиста В. Сватоня. Помимо обобщающих литературно-теоретических и философско-эстетических работ, в книге представлен конкретный анализ произведений русской литературы XIX и XX столетий, более широкие литературно-философские

размышления о русской культуре, а в последнем разделе – и исследование чешской литературы и культуры.

Конечно, заслуживает внимания и «Словарь русских, украинских и белорусских писателей» (2000). Он, однако, подвергался самой нелицеприятной критике в течение нескольких лет. Но сам факт издания этого словаря никого не оставил равнодушным. Это свидетельствует о том, что русская литература занимает в Чехии достойное место. Из совсем новых публикаций нельзя не отметить книгу «Культурные, духовные и этнические корни России: традиции и альтернативы» (2006). Работы М. Теры, М. Пршигоды, М. Ржоутила, Г. Никла, Н. Нейчева и З. Выдры предлагают аутентичный взгляд на различные феномены культурной и духовной истории дореволюционной России. Охвачен временной промежуток со времен Киевской Руси до XIX в.

Изучение русского языка в средних и высших школах и обновление связей с Россией происходит в Моравии. Конференцию с широкой тематикой «Русские и Моравия» в январе 2007 г. организовало в Брно «Русское культурно-просветительское содружество в Моравии».

Конечно, в Чехии выходят переводы с русского языка (переиздания и новые переводы). Например, в 2003 г. вышли книги Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М.А. Булгакова, П. Флоренского, Б. Пастернака, О. Мандельштама, А.И. Солженицына, И. Бродского, В. Сорокина и других авторов. Опубликованы и книги, посвященные драматургии русского символизма (при участии Д. Кшищовой и П. Клейна). Интересный ракурс предложен в сборнике «Женщина в современной русской литературе» (2003).

Все это положительные явления, но приходится упомянуть и о некоторых неприятных моментах. Случаются спекуляции на русскую тему, несущие в себе след патологических обид за 1968 г., которые вызывают интерес у читателей и благоприятно оцениваются критиками. Так, в 2000 г. вышла совершенно безобразная книга Д. Штягловского «Россия между строк», еще один пример – книга П. Прохазковой «Алюминиевая королева: рус-

ско-чеченская война глазами женщин» (2003). Художественное произведение на чеченскую тему попытался написать политик Я. Штетина («Бастарды», 2006). Книга вызвала восторженные отзывы критики, и только М. Юнгман опубликовал в 2007 г. хотя и сдержанную, но не оставляющую от нее камня на камне рецензию.

С.В. Никольский констатировал, что русистика занимает важное место в литературоведческой славистике Чехии. В последнее время заметен, в частности, повышенный интерес к литературной жизни и художественному творчеству русской эмиграции 20–30-х годов XX в. и ее отдельных представителей. В Славянском институте в Праге издана книга об истории русского эмигрантского литературного объединения «Скит поэтов», существовавшего в Чехии под руководством А. Бема (автор и составитель книги Л. Белошевская). Д. Кшицова (Брно) опубликовала книгу К. Бальмонта «Душа Чехии». Известный русский поэт, знавший полтора десятка языков, будучи в эмиграции, настолько увлекся чешской поэзией, что выучил и чешский язык и создал своеобразную антологию своих эссе о чешских поэтах и собственных переводах их стихотворений. До сих пор книга хранилась в рукописи и только теперь увидела свет. Появился ряд книг и статей с интересными концепционными идеями, касающимися своеобразия русского литературного процесса – книги И. Поспишила (Брно), В. Сватоня (Прага). М. Заградка (Оломоуцкий университет) выпустил книгу эссе «Прогулки с русскими писателями» (2003) – о его восприятии творчества целого ряда русских писателей XIX и особенно XX вв., а также о личных встречах с некоторыми из них.

Особого внимания заслуживает продолжение исследований русско-чешских литературных связей. Еще в 1970–1980-е годы в Оломоуцком университете под руководством проф. М. Заградки на протяжении нескольких лет велась большая работа по сбору материалов и был выпущен «Малый словарь русско-чешских литературных связей», где содержались сведения о чешской тематике и контактах (если они имели место) русских писателей,

переводах их произведений на чешский язык, об откликах на них в критике и литературоведении, о театральных инсценировках, экранизациях и т.п. В работе участвовал большой коллектив специалистов, в том числе преподавателей чешских вузов. В 1990-е годы работа заглохла, но недавно была продолжена. В настоящее время создан большой словарь, охватывающий уже более 300 русских писателей (в предшествующем словаре их около 80). Словарь подготовлен к печати.

Л.Н. Будагова также подчеркнула, что основное содержание чешской славистики составляет русистика. Традиционный интерес к ней после паузы в первой половине 1990-х годов начинает восстанавливаться. В Чехии функционирует Общество Марины Цветаевой, в стадии становления находится Общество Достоевского. У него есть богатые довоенные традиции, которые заложил семинар А.Л. Бема по изучению творчества Достоевского при Русском народном университете в Праге, основанный литературоведом в 1925 г. Научными центрами чешской славистики и, в частности, русистики можно назвать Славянский институт в Праге, где изучается деятельность послереволюционной русской, белорусской, украинской эмиграции Чехословакии, но не в литературоведческом, а в историко-фактографическом аспекте. Это также Институт (Кафедра) восточнославянских исследований при Философском факультете Карлова университета. Помимо русской, там изучается словацкая, сербская, словенская и другие славянские литературы. Есть свои слависты и в университетах г. Градец Кралове (русист Рыхтарек, полонист П. Последний), г. Ческе Будейовице (Д. Блюмова, М. Зеленка), г. Оломоуц.

Но крупнейшим центром чешской славистики (в первую очередь – русистики) можно признать Славянскую кафедру (Славянский институт) философского факультета Университета имени Масарика в Брно. Ее возглавляет известный русист и компаративист проф. И. Поспишил. Одна из последних его книг – «Снова в обществе русского романа. История, узловые точки развития, теория и между-

народные связи. От истоков до взгляда на современность» (2005). Она продолжает исследования русской прозы, начатые И. Поспишилом еще в 1970-е годы. Содержание и смысл монографии изложены автором в «Заключении», на котором и остановилась Л.Н. Будагова. В нем И. Поспишил пояснил, что при создании своей концепции русского романа он опирался на собственные представления об эволюционной парадигме русской литературы, обозначенной как пре-пост эффект, или пре-пост парадокс: так называемые западные образцы стали для русских писателей не примерами для подражания, а импульсами к их трансформации, к поэтике незавершенности жанровых построений, воспринимаемой не как недостаток, а как неожидаемая новизна. Русский роман, считает Поспишил, был для русской почвы явлением чужеродным хотя бы из-за незавершенной секуляризации русской культуры, явлением, которое должно было быть освоено, как казалось, любой ценой, но не имевшем в России подходящих условий для восприятия. Следствием преодоления отпора воспринимающей среды стало возникновение удивительной инновационной формации, наступление золотого века русской литературы и признание ее мирового значения. Точкой отсчета в изучении русского романа стало для Поспишила творчество Пушкина – и не только из-за парадоксальности «Евгения Онегина» – этого «романа в стихах», но из-за пушкинской «одержимости романом», проявлявшейся в десятках его романских фрагментов и эскизов. Через интересные и неожиданные интерпретации творчества классиков – Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, А. Ремизова – автор выходит к современности, к произведениям В. Белова, В. Солоухина, А. Битова, Й. Домбровского, Ю. Бондарева, Б. Окуджавы, В. Пелевина и др. Примечательны выводы, которые делает И. Поспишил, выходя за границы литературы и литературоведения, вторгаясь в философские сферы.

Кроме того, Л.Н. Будагова остановилась на сборнике работ критика В. Новотного «Парадоксы и параллели. Вклады в чешское литературоведение. От Ко-

менского к Рейхтру» (2006). В нем она отметила статью «Забывтый русский (и моравский) писатель Иосиф Каллиников». Рассказав о жизни и творчестве русского эмигранта, ставшего, по собственному признанию, настоящим писателем на моравской земле, В. Новотный упрекал чешских славистов, не включивших имя автора документального повествования «Лев Толстой. Сексуальная трагедия», романа «Мощи» (чешский перевод в 1932 г.) и других произведений, в справочные издания последних лет.

Л.К. Гаврошина представила книгу П. Милосавлевича «Система сербской литературы» (2000), где рассматриваются проблемы периодизации сербской словесности в контексте развития литературы двух соседних южнославянских народов – сербского и хорватского. С точки зрения автора, политические факторы сыграли решающую роль в интерпретации ключевых этапов сербской литературы (так, например, в разные годы в нее включались или исключались из нее памятники эпохи Возрождения и барокко, относимые к хорватской литературе). Особенно большим изменениям подвергались представления о сербской литературе в XX в. В связи с возникновением и, позднее, распадом Югославии автор подчеркивает необходимость создания целостной истории национальной литературы, обновления сербистики.

Н.В. Шведова отметила, что словацкие литературоведы в последнее время обращаются как к русской, так и к другим славянским литературам. Значительным вкладом в современную словацкую русистику стала монография С. Паштековой «Новые инспирации русской литературы. Историко-культурные, поэтологические-интерпретационные и рецепционные связи русской литературы начала XX века» (2006). Анализ конкретных текстов, недостаточно изученных в Словакии, дает представление об их эстетических доминантах, и на этой основе автор формулирует их обобщающие характеристики, в том числе с точки зрения дескриптивной нарратологии. Присутствует и аспект литературной компаративистики: прослежены типологические параллели между словацким и русским

экспрессионизмом в прозе, отмечены варианты европейского литературного авангардизма в русском имажинизме. Особое внимание обращено на проблемы литературной утопии и ее воздействия на культурную жизнь.

Большое внимание русской литературе уделяет литературовед, преподаватель университета, поэт, переводчик Я. Замбор. В книге «Стихи и тишина. О поэзии словацких, русских и испанских авторов» (1997) он обращается к творчеству А. Ахматовой, Б. Пастернака, М. Цветаевой, Г. Айги. С опытом Замбора-переводчика связана книга «Перевод как искусство» (2000). Проблемам перевода посвящены и работы русистки М. Кусой, в частности «Перевод как часть культурного пространства» (2005). К наследию Андрея Белого вновь обращается литературовед Э. Малити, автор книги «Символизм как принцип видения» (1996), где анализируются проблемы русского символизма, и других работ по этой тематике, а также переводчик романа Белого «Петербург». Русской литературой занимаются А. Червеняк (широкий спектр проблем) и Н. Муранска (творчество Булгакова), они частые гости Москвы, где выступают с изложением результатов своих исследований.

Болгаристика и вообще балканистика представлены в сборнике статей «Жизнь в литературе. Литература вблизи и издали» (2006). В числе авторов – ученые из России, Болгарии, Чехии, Словакии, Польши, Хорватии. Сборник подводит определенный итог изучения проблем литературной компаративистики и балканистики. Еще одно комплексное рассмотрение развития литератур Европы – сборник статей «Европейский литературный авангард XX века» (2005). Он составлен из материалов международной научной конференции, организованной Институтом мировой литературы САН в 1999 г. В книге поднимаются вопросы наследия классического, т.е. исторического, авангарда в литературах Европы, развития национальных вариантов авангарда в их своеобразии и комплексности, уточняется и углубляется картина литературной жизни тех лет в отдельных на-

циональных литературах (в том числе русской).

Югославянским литературам посвящены работы Я. Янковича. В книге «Сербская драма в Словакии» (2006) драматургия Сербии рассматривается под углом зрения художественного перевода и его рецепции. Охвачен период с конца XIX в. до современности. Помимо сербской, автор показывает восприятие в Словакии хорватской, словенской и македонской драмы. Интересно, что книга сначала вышла в Сербии, в Новом Саде, и получила резонанс в культурной и научной среде обеих стран. Я. Янкович также составил «Словарь переводчиков с библиографией переводов с македонского, сербского, хорватского и словенского языков» (2005). Переводы и переводчики впервые представлены на таком временном отрезке: книжные переводы – с XIX в., инсценировки на словацких профессиональных сценах – с начала XX в. до 2003 г. Книга показывает традиционно близкие словацко-южнославянские связи, их широту и разнообразие. Словарь способствует также изучению истории художественного перевода в Словакии.

В.В. Мочалова подчеркнула, что в современной польской гуманитарной мысли, бесспорно, можно наблюдать не только интерес к русской культуре, творчеству Достоевского, Чехова. Булгакова, Мандельштама, выражающийся в публикациях и исследованиях, но и осмысление сложного спектра польско-русских отношений на протяжении истории. «Россия для Польши – самая большая и трудная проблема», как написал десятилетие назад Ежи Гедройц, основатель (1947) и бессменный редактор (вплоть до своей смерти в 2000 г.) знаменитого парижского журнала польской эмиграции «Kultura». Эту «проблему» настойчиво пытаются разрешить как писатели и публицисты – здесь следует упомянуть вызвавшие широкую интеллектуальную дискуссию разные в жанровом и идейном отношении книги М. Вилька, «писателя-бродяги», открывающего русский Север – «Wilczy notes» (1998), «Wołoka» (2005), «Dom nad Oniego» (2006), много работавшей в России журналистки К. Курчаб-Редлих «Pandriozska»

(2000), и переведенный на многие языки роман 19-летней Д. Масловской «*Wojna polsko-ruska pod flagą biało-czerwoną*» (2002), – так и исследователи. К ним относятся, в частности, переводчик русской литературы (Чехова, Толстого, Булгакова, Солженицына, Ахматовой, Мандельштама, Шаламова и др.), редактор выходящего на русском языке журнала «Новая Польша» Е. Помяновский, чья книга очерков «К Востоку от Запада» недавно вышла в русском переводе [5], и выдающийся историк литературы, историк идей проф. М. Янион в своих многочисленных трудах, в том числе – недавнем чрезвычайно, как представляется, важном исследовании «Жуткая славянщина» [6]. М. Янион применяет здесь (в разделе «Русское и польское») те же категории культурной и политической географии («На восток от Запада и на запад от Востока»), анализирует и судьбы «славянского мифа», стремясь к сбалансированной объективности, избегая как романтической идеализации, так и отрицания, и поиски нового национального самознания.

Коллектив ученых Польского института международных проблем под руководством А. де Лазари работает над исследовательским проектом (при поддержке Комитета научных исследований) «Взаимные предрассудки между поляками и русскими». В рамках осуществления этого проекта была организована совместная польско-русской конференция (Москва, 2002), опубликованы ее материалы [7], а также двухтомная антология (на польском и русском языках), куда вошли избранные тексты – от Адама Мицкевича и Александра Пушкина до Чеслава Милоша и Александра Солженицына, – касающиеся данной проблематики [8]. Следует отметить, что А. де Лазари принадлежит и изданный на русском языке труд, посвященный почвенничеству, – «В кругу Федора Достоевского» [9], недавно вышла его совместная с О. Рябовым книга, посвященная польской и русской сатирической графике [10].

Среди работ американских полонистов, переиздаваемых в Польше, обращают на себя внимание исследования компаративистского характера, сопо-

ставляющие поэзию М. Павликовской-Ясножевской и Цветаевой, В. Шимборской – и Ахматовой, рассматривающие польскую и русскую «лагерную литературу» как бы под знаком «Записок из мертвого дома» Достоевского (см. [11]).

Что касается общественных вкусов, в Польше можно отметить популярность Окуджавы и Высоцкого, которой эти авторы уже не пользуются у себя на родине, интерес к новейшей русской литературе и современному российскому кино.

Подытоживая работу «круглого стола», Л.Н. Будагова подчеркнула плодотворность обсуждения славистической проблематики на примере стран нашего региона. Она отметила, в частности, что Россия никогда не будет на периферии развития мировой культуры, а следовательно – русистика остается важной составляющей литературоведческих исследований в славянских странах. Интересно было бы рассмотреть и богемистику за пределами Чехии, отражая тем самым аспекты темы «Россия и славянский мир», в рамках которой ныне ведутся исследования ученых Центра истории славянских литератур.

© 2009 г. Публикация подготовлена
Н.В. Шведовой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новое в зарубежном славистическом литературоведении. 1990–2000-е годы. Материалы «круглого стола» // Славяноведение. 2004. № 1.
2. Новое в культурной жизни зарубежных славянских стран. По следам командировок, конференций, публикаций // Славяноведение. 2006. № 6.
3. Игов С. Краткая история болгарской литературы. София, 2005; Дамянова Р. За текстами: культурные механизмы Возрождения. София, 2004.
4. Лилев И. «Освободительны» мисии на Русия – Съветския Съюз във и около България. София, 2004.
5. Помяновский Е. К Востоку от Запада. М., 2006.
6. Janion M. Niesamowita Słowiańszczyzna. Fantazmaty literatury. Kraków, 2006.

7. Dusza polska i rosyjska. Spójrzenie współczesne / Pod red. A. de Lazari i R. Bäckera. Łódź, 2003.
8. Dusza polska i rosyjska (od Adama Mickiewicza i Aleksandra Puszkina do Czesława Miłosza i Aleksandra Sołżenicyna). Materiały do «katalogu» wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan / Pod red. A. de Lazari. Ser. Antologie. Warszawa, 2004; Польская и русская душа. От Адама Мицкевича и Александра Пушкина до Чеслава Милоша и Александра Солженицына. Материалы к «каталогу» взаимных предубеждений между поляками и русскими / Ред.-сост. А. де Лазари. Сер. Антология. Варшава, 2003.
9. Де Лазари А. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество / Под ред. В. Хорева. М., 2004.
10. Де Лазари А., Рябов О. Русские и поляки глазами друг друга. Сатирическая графика. Иваново, 2007.
11. Polonistyka po amerykańsku. Badania nad literaturą polską w Ameryce Północnej (1990–2005) / Pod red. H. Filipowicz, A. Karcza, T. Trojanowskiej. Warszawa, 2005.

Славяноведение, № 3

6-й МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМПАРАТИВИСТСКИЙ КОЛЛОКВИУМ «Автор: кто или что пишет литературу?»

4–5 сентября 2008 г. в Словении в Липнице в шестой раз состоялся ежегодный Международный компаративистский коллоквиум, темой которого стал вопрос: «Автор: кто или что пишет литературу?». Научная встреча проходила в рамках ежегодного 23-го Международного литературного фестиваля «Виленица» и была организована В. Матайц и Г. Трохой, представителями Словенского общества сравнительного литературоведения, при поддержке Общества словенских писателей, Института словенской литературы и литературоведения Научно-исследовательского центра САНИ, Отделения сравнительного литературоведения и теории литературы философского факультета Люблянского университета, а также при финансовой поддержке Министерства культуры Республики Словения.

Поставленный перед учеными, прибывшими из семи стран, вопрос содержит в себе провокативное начало. Современное литературоведение до сих пор не выработало более или менее единого мнения, а вслед за этим и терминологии, по теории автора. Кроме того, коллоквиум оказался приуроченным к 40-летию выхода в свет знаменитой работы Р. Барта «Смерть автора» (1968),

ознаменовавшей собой очередную волну отказа от авторитета всеведущего создателя литературного произведения (как известно, идея отрицания автора изначально являлась реакцией на безраздельное господство вплоть до конца XIX в. литературоведческого мифа об авторе литературного текста как главном объекте литературоведческого анализа) и выдвинувшей на первый план читателя как главную творчески организующую субстанцию. Однако следует отметить, что в настоящее время последствия очередного «авторского» кризиса кажутся во многом преодоленными, и хотя влияние окружающей внешней культуры на писателя несомненно, не менее значимым оказывается и его внутренняя духовность, воображение, воля. Как считал М.М. Бахтин, еще в 1920-е годы среагировавший на концепцию «исчезновения» автора, автор – это «единственная активная формирующая энергия».

В течение четырех заседаний было обсуждено 14 докладов, касавшихся как теории литературы, начиная с античности и до нынешнего состояния, так и развития самой литературы, где в основном преобладала современность.

После приветственного слова *В. Маттайц* слово было предоставлено *Р. Браун* (Великобритания), своим докладом «Авторство и литературная звезда» открывшей разговор о публичной жизни писателя в свете современной индустрии популярности (одним из инструментов которой, в частности, стала Нобелевская премия в области литературы). Писатель становится своеобразным экраном, на который проецируется современная социально-политическая полемика, что влияет на восприятие автора обществом. Вместе с тем, на примере последнего двадцатилетия исследовательница показывает, что, тем не менее, авторам удается сохранить независимость и собственную идентичность.

Доклад ученого и писателя *А. Блатника* (Словения) «От ауры художественного произведения к (псевдо)ауре автора» сместил акценты в затронутой теме по эстетике восприятия. Исследователь не сомневается в том, что сегодня автор остается самым важным фактором литературного поля. Вместе с тем, он подчеркивает влияние принципов современной культурной индустрии и массовой литературы.

Ю. Тавлет (Эстония) в докладе «Литературное творчество как семиосферический акт симбиоза» выразил мнение, что постмодернистская попытка создать собственную, не опирающуюся на традицию, систему языковой анонимности и культурного плюрализма творчества с главенствующей ролью читателя-интерпретатора исчерпала себя из-за своей тавтологичности и склонности к упрощению. Для аргументации им привлекался материал поисков автора от размышлений мыслителей Ренессанса (М. де Монтень, С.М. де Сервантес, П. Кальдерон де ла Барка) до работы Ю.М. Лотмана «Культура и взрыв» (1992).

Второе заседание открывало сообщение словенской писательницы, эссеистки *М. Кумердей*, опиравшейся в своих размышлениях на собственный опыт и наблюдения. По ее мнению, неотъемлемой чертой характера писателя является нарциссизм инфантильности. (Примечательно в этой связи упоминание о том, что в античной традиции нарцисс –

цветок смерти.) Важнейшим же фактором идентичности художника зачастую предстает само творчество. С одной стороны, автор осознает себя средством творческого процесса, с другой – ключевым связующим элементом. Иногда эти противоположные тенденции приводят к конфликту, когда творчество блокируется, автор осознает самого себя паразитирующим на собственной биографии. Однако *М. Кумердей* подчеркнула временность подобных периодов сомнения.

Б.А. Новак (Словения) в своем докладе обратил внимание присутствующих на то, что *Р. Барт* не был первым в провозглашении «смерти автора», а развил мысли, высказанные, например, *Полем Валери* в своих эссе. Несомненно, романтический культ Автора с его божественной атрибутикой требовал критики и отрезвления, но вместе с тем весьма сомнительно, что искусство вообще возможно без автора. Анализируя развитие этого вопроса в работах *С. Малларме*, *Ю.М. Лотмана* и других, исследователь и поэт использует также и собственный творческий опыт.

В докладе *Ф. Хартлинга* (Германия) «Отцифрованный автор? Авторство в эру цифровых технологий» отмечалось, что рождение мировой сетевой системы (WWW) предоставило наконец-то возможность для осуществления самых смелых надежд структуралистов и постструктуралистов (*Р. Барт*, *М.П. Фуко* и др.), а именно: надежд на появление «пишущего читателя». Специально были разработаны алгоритмы по созданию текстов, когда каждый желающий может внести свою лепту в развитие «массмедиа без автора». Ученый с легкостью разбивает наивные мечты, ведь сама практика интернета доказывает, что таким образом рождается в лучшем случае публицистика, но не художественная литература. Исследователь подчеркивает, что интернет для литературы стал своеобразным источником молодости и во многом определил возрождение и даже расцвет авторства.

Третье заседание было в основном посвящено теоретическим вопросам. *Е. Марушич* (Словения–Великобритания) в докладе «Аристотелева «Поэтика»: поэ-

зия как мимесис» попыталась прояснить, какой именно смысл вкладывал Аристотель в слово «мимесис», через анализ собственно сочинений Аристотеля и его предшественников (например Платона), а также сравнивая его с соответствующим современным понятием.

В докладе «Античные корни современной авторской концепции» *М. Дович* (Словения) также предложил ориентироваться не только на романтическую традицию, но и учитывать опыт античности. Свое выступление он построил на примере как художественных произведений, так и философских размышлений об авторстве, пришедших к нам из глубины веков.

Т. Маннинен (Финляндия) в докладе ««Эти мои пустые забавы». Легенда сэра Филиппа Сиднея и история авторства» на конкретном примере из Средневековья показал, как зарождалась концепция авторства с началом книгопечатания, и попытался переосмыслить ее развитие с помощью истории издательской деятельности и рукописной традиции.

Г. Троха в своем исследовании, озаглавленном «Автор умер, да здравствует автор!», исходит из предпосылки, что возможны несовпадения в развитии концепции автора, определяемые историческими и социальными различиями в разных странах. Ученого заинтересовала автобиография как пограничная область, где возможны самые крайние формы взаимоотношений эмпирического автора и автора как функции (по терминологии Фуко), в качестве конкретного материала он использовал творчество словенского писателя *Л. Ковачича*, автора многих автобиографических романов.

Тему автобиографии, вернее, вымышленной автобиографии с акцентом на этическую составляющую, в начале четвертого заседания продолжила *Л. Болдрини* (Великобритания) в докладе «Гетеробиография, гипокритика и этика авторской ответственности». На примере романов австралийца *П. Кэрри* «Истинная история шайки Келли» и англичанина *Г. Адэра* «Смерть автора» исследовательница показала, что проблему непосредственной ответственности автора, которая может показаться очевидной,

нельзя воспринимать вне зависимости от ответственности или без оглядки на ответственность читателя, адресата и критика.

Заявленную в докладе ««Другость» и вопрос авторитета» проблему *Дж.Л. Харт* (Канада) проиллюстрировал чтением стихов различных англоязычных авторов, тем самым обращая внимание на так называемую этнологию чтения, когда через авторитет собственной культуры писатель стремится передать особенности иного народа, рассмотреть коренные различия между собой и другим.

В. Балжалорски (Словения) в докладе «Я – это Другой: субъект стихотворения в процессе, субъект в процессе стихотворения» попыталась разобраться на уровне теории в возможных отношениях между литературным субъектом и эмпирическим автором в поэзии, основываясь на теоретических работах *Бахтина*, *Барта*, *Фуко* и других, а кроме того, и на размышлениях о природе поэтического творчества самих поэтов.

Ю.А. Созина (Россия) проблематику, заявленную в названии доклада «Автор как психологическое, интеллектуальное и нравственное целое в словенском романе последней трети XX века», разработала с помощью и на основе панорамного обзора современной словенской прозы (*Б. Боету*, *Д. Янчар*, *В. Зупан*, *Л. Ковачич* и др.). Был поднят вопрос о взаимоотношениях автора и героя, а также отмечено, что через частные истории, личные проблемы и узкие задачи современный роман позволяет понять общее развитие общества и культуры Словении.

Весьма плодотворная дискуссия, посвященная различным вопросам, проходила в форме оживленной беседы, но, к сожалению, была ограничена временем. В ней принимали участие многие ведущие словенские ученые – *М. Юван*, *А. Корон*, *Й. Шкуль* и другие, а также зарубежные гости. Подводя итоги коллоквиума, следует особо отметить некую общую направленность в понимании «автора» современными литературоведами, хотя доклады весьма различались по теоретическим выкладкам, обращениям к разным эпохам развития культуры, способу представления материала, а так-

же историко-литературоведческой и литературной географии. Научная плодотворность данной встречи несомненна.

Так как представленный colloquium являлся неотъемлемой частью литературного фестиваля «Виленица», следует несколько слов сказать о главных результатах этого события, имеющего большое внутринациональное, а также и международное значение и представляющего собой встречу поэтов, писателей, драматургов и эссеистов из стран Центральной Европы (возможны гости и из других государств). В 2008 г. лауреатом премии «Виленица», определяемым международным жюри за высшие достижения в развитии литературы дан-

ного региона за последний год, стал польский писатель А. Стасюк, а лауреатом премии «Кристалл Виленицы» (среди участвующих непосредственно в чтениях на фестивале) – белорусский поэт А. Хаданович. В рамках фестиваля была специально представлена современная литовская литература. Центральной отечественной фигурой фестиваля стала поэтесса С. Макарович. На торжественном закрытии Фестиваля наряду с широко известными словенскими и зарубежными литераторами присутствовал Президент Республики Словении д-р Д. Тюрк.

© 2009 г. Ю.А. Созина

К ЮБИЛЕЮ ЮРИЯ ПАВЛОВИЧА ГУСЕВА

28 января 2009 г. отметил свое 70-летие Юрий Павлович Гусев – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, литературовед и переводчик, один из крупнейших в России специалистов по истории венгерской литературы.

Выпускник филологического факультета МГУ, русист по своему первоначальному образованию, Ю.П. Гусев в молодости в течение ряда лет работал учителем в Закарпатской Украине. Овладев венгерским языком, он дебютировал в 1960-е годы в роли переводчика венгерской литературы, ставшей для него делом жизни. Его кандидатская диссертация, подготовленная в Институте мировой литературы АН СССР, была посвящена творчеству Лайоша Кашшака, выдающегося поэта, прозаика, живописца, критика, театрального деятеля, уважаемого мэтра венгерского авангарда. Монография «Современная венгерская литература в контексте литературы социалистических стран Европы. Динамика художественного конфликта» (1987) была защищена в ИМЛИ в качестве докторской диссертации. С 1994 г. Ю.П. Гусев – сотрудник Института славяноведения РАН, в проектах которого он активно участвовал с середины 1970-х годов. Перу Ю.П. Гусева принадлежат многочисленные статьи в журнале «Вопросы литературы», разделы в коллективных трудах Института, в том числе фундаментальной «Истории литератур стран Центральной и Юго-Восточной Европы после 1945 г.». Глубина анализа эстетических достоинств произведений ведущих венгерских писателей сочетается в работах Юрия Павловича с умением поставить их творчество в широкий социально-исторический контекст, показать значение художественной словесности в развитии венгерской национальной культуры.

Не менее существенная грань деятельности Ю.П. Гусева – художественный перевод. Ему принадлежат более 100 переводческих публикаций – романы, рассказы, эссе, стихи. Крупнейшие венгерские писатели XX в. Тибор Дери, Дюла Ййеш, Шандор Мараи, Пал Сабо, Ене Йожи Тершанский, Дердь Конрад, Миклош Месей, Дердь Шпиро, эссеист и философ Бела Хамваш предстали русскому читателю в совершенных переводах Юрия Павловича на страницах журнала «Иностранная литература» и в книжных изданиях. Среди его переводческих работ – классические произведения венгерской литературы «Вина» и «Милосердие» Ласло Немета, «Старомодная история» Магды Сабо, «Без судьбы» и другие романы нобелевского лауреата Имре Кертеса. Переводил Юрий Павлович и публицистику всемирно известного философа Дердя Лукача, и эссеистику венгерской революции 1956 г.

Автор многих оригинальных стихов, опубликованных и в виде сборника, Ю.П. Гусев успешно применяет профессиональные версификаторские навыки при переводе произведений венгерских поэтов – классиков национальной литературы Аттилы Йожефа, Лайоша Кашшака, Шандора Вёреша, а также Дердя Петри, Иштвана Баки и др. Одна из главных работ Ю.П. Гусева – подготовка для серии «Литературные памятники» наследия выдающегося мастера эпохи Возрождения в Венгрии поэта XVI в. Балинта Балашши, увидевшего свет на русском языке в 2007 г.

Свои профессиональные литературоведческие навыки Юрий Павлович передает молодежи, более двух десятилетий руководя аспирантами.

В свои 70 лет Ю.П. Гусев полон творческих сил, успешно руководя большим проектом по изучению восприятия русской литературы писателями и эссеистами стран Центральной и Юго-Восточной Европы в XX в. Продолжается работа и над переводами новых художествен-

К ЮБИЛЕЮ МИХАИЛА АНДРЕЕВИЧА РОБИНСОНА

9 мая 2009 г. – 60-летний юбилей д-ра ист. наук Михаила Андреевича Робинсона, руководителя научного центра «Россия и славянские народы в истории науки и общественной мысли» Института славяноведения РАН, главного редактора журнала «Славяноведение», вице-президента Международной комиссии по истории славистики Международного комитета славистов.

М.А. Робинсон работает в Институте более 30 лет. За эти годы он приобрел заслуженную известность в отечественной и зарубежной науке как исследователь в области российской славистической историографии и истории науки. Он автор около 100 научных работ. Его труды публикуются в российских и зарубежных изданиях и неизменно получают высокую оценку и одобрение коллег.

Научные интересы Михаила Андреевича широки и разнообразны. Его работы посвящены не только истории отечественной славистики и общественной мысли, судьбам известных славистов и науке русского зарубежья, но также проблемам изучения древнерусской («Слово о полку Игореве») и русской литературы (М.А. Булгаков) и др. Все исследования М.А. Робинсона основаны на широком круге источников, прежде всего – архивных. Его работы наполнены глубоким научным анализом и неизменным интересом к теоретическим, методологическим проблемам. Эти черты присущи и капитальной монографии Михаила Андреевича «Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов)» (М., 2004), получившей положительные отклики российских и иностранных коллег.

Михаил Андреевич с постоянным успехом выступает с докладами на российских и зарубежных научных форумах, в том числе международных съездах славистов, ежегодных научных конференциях «Славянский мир: общность и многообразие», проходящих в рамках Дней славянской письменности и культуры, и многих других. В течение многих лет (с 1992 г.) Михаил Андреевич принимает активное участие в деятельности Международной комиссии по истории славистики, выступая с докладами на ее заседаниях и публикуя свои работы на страницах ее изданий. С большим вниманием и интересом относились зарубежные коллеги к лекциям Михаила Андреевича, которые он читал в университетах Италии (Верона, Милан, Неаполь, Рим, Тренто, Урбино, Флоренция) и Великобритании (Лондон, Кембридж, Оксфорд, Сент-Эндрюс).

Как многолетний руководитель историко-научного подразделения (с 1988 г.) М.А. Робинсон пользуется заслуженным уважением и любовью коллег, являясь вдохновителем ряда научных проектов. Много сил и времени Михаил Андреевич уделяет работе в журнале «Славяноведение», являющемся координационным славистическим изданием, в котором печатаются статьи и материалы не только сотрудников Института, но и других ученых нашей страны, а также коллег из-за границы. Более 10 лет Михаил Андреевич является также ответственным редактором ежегодника «Славянский альманах», в котором осуществляет основную редакторскую и научно-организационную работу. С 1992 г. Михаил Андреевич входит в состав Ученого совета Института.

Блестящая эрудиция, подлинная интеллигентность, глубокая порядочность и другие замечательные душевные и исследовательские качества Михаила Андреевича по праву завоевали ему большой авторитет и уважение в коллективе Института.

Дирекция Института, коллеги М.А. Робинсона и редколлегия журнала «Славяноведение» сердечно поздравляют юбиляра и желают ему здоровья и новых творческих успехов.

ПАМЯТИ АНДРЕЯ ИВАНОВИЧА ПУШКАША (1923–2008)

14 июня 2008 г. на 86 году жизни скончался ведущий научный сотрудник-консультант, доктор исторических наук Андрей Иванович Пушкаш.

А.И. Пушкаш проработал в Академии наук более 50 лет, из них 40 лет в Институте славяноведения РАН. Он был одним из крупнейших специалистов по новейшей истории Венгрии и истории международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе в период между мировыми войнами.

А.И. Пушкаш – уроженец Закарпатья. Он родился 10 марта 1923 г. в крестьянской семье в селе Великие Комяты. Закарпатье в то время входило в состав Чехословакии под названием Подкарпатская Русь. В 1939 г. эта область перешла к Венгрии, а в 1945 г. была присоединена к СССР. Таким образом, еще в детстве и юности Андрею Ивановичу пришлось стать свидетелем, а в какой-то степени и участником исторических событий в родном крае. Возможно, это и определило его профессиональный выбор. В 1946 г., окончив гимназию, Андрей Иванович поступил на исторический факультет Ужгородского университета. После получения университетского диплома он два года работал учителем в одном из сел Закарпатской области Украинской ССР. В 1953 г. Пушкаш поступил в аспирантуру Института истории АН СССР и в 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Борьба венгерской коммунистической партии за разрешение аграрного вопроса. 1944–1948». В 1959 г. в доработанном виде она была опубликована в качестве его первой монографии «Борьба за аграрные преобразования в Венгрии (1944–1948)». В 1961 г. в соавторстве с Л.Н. Нежинским вышла в свет его новая книга – «Борьба венгерского народа за установление и упрочение народно-демократического строя. 1944–1948».

С 1956 по 1968 г. А.И. Пушкаш трудился в Институте истории АН СССР. Оттуда он был на время откомандирован в историко-дипломатическое управление МИД, где занимался разбором, описью и изучением венгерских трофейных архивов. На основе архивных документов в 1963 г. Пушкаш подготовил монографию «Венгрия во Второй мировой войне. Внешняя политика Венгрии (1938–1944)». Вслед за ней вышла его фундаментальная работа «Венгрия в годы Второй мировой войны», защищенная в 1965 г. в качестве докторской диссертации. В 1971 г. она была опубликована в Венгрии на венгерском языке.

В 1968 г. в результате реорганизации отделения истории А.И. Пушкаш с группой коллег перешел на работу в Институт славяноведения АН СССР. Он был ответственным редактором и членом редколлегии ряда коллективных работ, таких как «Очерки Новой и новейшей истории Венгрии» (1963), «Прошлое и настоящее. Из истории европейских стран народной демократии» (1967), II и III том «Истории Венгрии» (1972).

В 1980–1990-е годы А.И. Пушкаш подготовил и опубликовал серию монографических работ по внешней политике Венгрии межвоенного периода, что принесло ему заслуженное признание коллег. Он являлся автором многочисленных статей, разделов в коллективных трудах, учебных пособиях, энциклопедиях. В 1991 г. в соавторстве с В.П. Шушариным и Т.М. Исламовым Пушкаш опубликовал «Краткую историю Венгрии с древнейших времен до наших дней». С 1960-х годов научную работу он сочетал с педагогической: преподавал историю и политологию в МГИМО, пединституте имени В.И. Ленина (ныне Московский педагогический государственный университет).

В 2006 г. вышла книга А.И. Пушкаша по истории его родного края – «Варварство или цивилизация? Закарпатье 1918–1945 гг.». Последними из опубликованных стали две статьи в сборнике «Восточная Европа после Версаля» (2007).

Труды А.И. Пушкаша как правило обстоятельны, основаны на солидной базе архивных и опубликованных документов, поэтому интересны для широкого круга профессиональных историков и более узкого круга специалистов по истории Венгрии.

Андрей Иванович был большой труженик, вплоть до последних дней жизни он не прекращал научной работы.

Коллеги Андрея Ивановича выражают свои соболезнования его родным и близким и скорбят об утрате вместе с ними.

*Сотрудники Отдела истории славянских народов
периода мировых войн
Института славяноведения РАН*

CONTENTS

ARTICLES

<i>Markov G.</i> (Sofia). Establishing of the Independent Bulgaria Kingdom During Balkan 1908–1909 Crisis	3
<i>Borysenok E.Yu.</i> (Moscow). Social-Political Changes in Western Ukraine: 1939–1941	15
<i>Orekhov A.M.</i> (Moscow). 1956 International Policy of the USSR with Regard to Poland	27
<i>Rozhkova E.Yu.</i> (Moscow). Slovakian and Hungarian Drama of XIX Century in Aspect of Slovakian-Hungarian Literary Relations	43

COMMUNICATIONS

<i>Noskova A.F.</i> (Moscow). To the 1944 Warsaw Uprising History.....	54
<i>Podborskaya A.L.</i> (Moscow). A Hard Coming Home: Polish Citizens in Krasnoyarsk Region (1940–1946)	64

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Anikeev A.S.</i> Власть–общество–реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века	76
<i>Murashko G.P.</i> J. Pešek a Kol. Kapitolyami najnovších slovenských dejín. K 70 narodeninám Michala Barnovského.....	79
<i>Zadorozhnyuk E.G.</i> Charta 77: Dokumenty 1977–1989	82
<i>Stykalin A.S.</i> А.И. Пушкаш. Цивилизация или варварство: Закарпатье. 1918–1945.....	87
<i>Bayanova A.A.</i> D. Hodrová. Citlivé město.(Eseje z mytopoetiky)	90
<i>Galkina E.S.</i> А.В. Репников. Консервативные концепции переустройства России	93
<i>Yambaev M.L.</i> Алманах на българските национални движения след 1878 года	96
<i>Proskurnina M.</i> А.Г. Шешкен. Македонская литература XX века: Генезис. Этапы развития. Национальное своеобразие	99
<i>Volnova A.Yu.</i> Н.В. Шведова. Философские мотивы в словацкой поэзии (конец XIX – первая половина XX века)	102

SCHOLARLY LIFE

<i>Volobuev V.V.</i> International conference «Revolution Russia of 1917 and the “Polish Question”. New sources and new views».....	106
<i>Proskurnina M.B.</i> Round Table: Russia and Russian Literature in the Contemporary Spiritual Context of the Central and South-Eastern European Countries.....	108
<i>Shvedova N.V.</i> Round Table: Slavic Studies in Slavic Countries. Contemporary State	112
<i>Sozina J.A.</i> 6-th International Comparative Studies Colloquium «An Author: Who or What Makes Literature?»	119

ANNIVERSARIES

Towards Anniversary of Yury Pavlovich Gusev	123
Towards Anniversary of Mikhail Andreevich Robinson	124

OBITUARIES

In Memoriam of Andrey Ivanovich Pushkash (1923–2008)	125
--	-----

Сдано в набор 30.01.2009 Подписано в печать 26.03.2009 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Цифровая печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отг. 4,6 тыс. Уч.изд.л. 12,1 Бум.л. 4,0
Тираж 429 экз. Зак. 177

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
E-mail: jurslav@rambler.ru; zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен МАИК «Наука/Интерпериодика»

Отпечатано в ППП «Типография «Наука», 121099 Москва, Шубинский пер., 6

